В. ИРЕЦКІЙ

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

ПЕТРОПОЛИСЪ


PETROPOLIS

В. ИРЕЦКІЙ

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

ПЕТРОПОЛИСЪ / БЕРЛИНЪ
1936

Druck: Speer & Schmidt, Berlin SW 68
OCR Давид Титиевский, июль 2020 г., Хайфа

НАПУТСТВІЕ

I.

Дежурилъ я бѣлыми ночами 1920 года въ Петербургѣ у своихъ воротъ — охранялъ ихъ должно быть отъ дурного глаза — и познакомился тутъ же со старикомъ-дежурнымъ изъ сосѣдняго дома. Оказался дворникомъ.

Въ тѣ времена дворниковъ уже не было нигдѣ — кто уѣхалъ на деревню, кто избралъ другую болѣе выгодную профессію, а кто просто перешелъ на господское положеніе, занявъ пустующую «безхозную» квартиру. А въ сосѣднемъ домѣ жильцовъ было мало — двѣ-три семьи, должно быть зажиточныя, и чтобы не утруждать себя домовой докукой, дежурствомъ и чисткой троттуаровъ, столковались они между собой и втихомолку завели дворника. Сначала былъ китаецъ, въ свое время выписанный на постройку Мурманской дороги и застрявшій въ Питерѣ вмѣстѣ со своими соотечественниками, но онъ скоро ушелъ. Говорили, что

отыскалъ себѣ работу, полегче и подоходнѣй. Не буду разсказывать какую — мало ли о чемъ страшномъ говорили въ тѣ времена. Послѣ него опредѣлился въ дворники татаринъ. Былъ онъ не то чахоточный, не то садистъ: то и дѣло стегалъ свою жену плеткой и по ночамъ будоражилъ весь кварталъ. Изъ оконъ высовывались люди въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и тревожно спрашивали другъ друга, что означаетъ этотъ дикій полуночный вой, точно звучавшій изъ колодца. Уволили его.

Тогда и появился Архипъ. Лѣтъ ему было болѣе шестидесяти. Ходилъ въ рваной солдатской шинели, подпоясанной веревкой, а на ногахъ пестрѣли самодѣльные валенки доморощенной мозаики — изъ неправильной формы клочковъ сукна и коленкору. На рукахъ такія же пестрыя рукавицы.

Лицо его. . . Мы всѣ тогда были какіе-то неумытые, всклокоченные, точно невыспавшіеся, и лицо его ничѣмъ среди другихъ лицъ не выдѣлялось. Развѣ, что глаза его казались чрезмѣрно воспаленными. Онъ дежурилъ за всѣхъ, а я за самого себя. Я обычно торчалъ у воротъ два съ половиной часа, онъ всю ночь. Однажды разговорились — и такъ началось наше знакомство.

Только бывало смѣню своего предшественника, а Архипъ уже возлѣ меня. Раньше всего табачку попроситъ — деликатно-деликатно, а потомъ пойдетъ разсказывать какія-нибудь старыя исторіи, къ случаю и не къ случаю, — такъ дежурство и промелькнетъ невтягость.

Видѣлъ онъ на своемъ вѣку много, умѣлъ подмѣчать, да и разсказывалъ не плохо. Говорилъ съ напѣ-

вомъ, точно сказитель какой, и было видно, что поговорить любитъ. Погружаясь въ бытовыя детали, воскрешалъ онъ предо мной ту бывальщину, которая въ памяти нашей запечатлѣвается, словно коверъ старый, плѣсенью времени покрытый.

Слушалъ я его не безъ удовольствія. Вспоминалъ онъ о самодурахъ купцахъ, о продѣлкахъ монаховъ, о поповской жадности и деревенскомъ озорствѣ. Послѣ скучныхъ обывательскихъ разговоровъ о все растущей дороговизнѣ и о томъ, что собираются въ ближайшіе дни выдавать на продовольственую карточку, было пріятно слушать его монотонныя повѣствованія, въ которыхъ не знаешь, что лучше — напѣвная музыка черноземныхъ словъ или же самыя исторіи.

Я, бывало, каждый разъ спрашиваю его:

— А чѣмъ вы занимались раньше?

— Разными, милый мой, дѣлами занимался. Разными. На лѣсномъ дворѣ служилъ, доски охранялъ, въ Бѣлгородѣ колотушникомъ былъ, воровъ пугалъ; въ Псковѣ... Всякое бывало.

— Женаты?

Онъ отмахивался и говорилъ:

— Кобухвея была. Временная. Когда сиворно было одному на мозохѣ спать.

— А по-каковски вы это говорите? По офенски, что ли?

Архипъ смущался и, не отвѣчая на вопросъ, разсказывалъ новую исторію и вдругъ отвлекался:

— Подвыпили заплатки, заплясали лоскутки. А нѣтъ ли у тебя, милый, сахарку? Чтой то сладкаго захотѣлось.

Съ удовольствіемъ бы я ему далъ, но шутка ли чего захотѣлъ: сахару!

— Я бы тебѣ многа поразсказалъ. Охъ многа! Чего только я не видѣлъ.

Для поощренія насыпалъ я ему въ ладонь табаку и курительную бумагу давалъ. Архипъ закуривалъ и обычно спрашивалъ:

— А ты, милый мой, какое занятіе имѣешь? Ахъ да, стихи пишешь, писатель.

Самъ не знаю почему, но ни разу я не пытался разувѣрить его, что стихотворствомъ не занимаюсь. Должно быть для того, чтобы не пускаться въ объясненія о разницѣ между прозой и поэзіей. Стихи — такъ стихи.

Въ томительные часы ненужнаго бдѣнія, послѣ неустанной досаждающей заботы о заполненіи желудка, было пріятно отдаться въ мягкую власть не утомляющихъ разсказовъ о быломъ. Прошлое не плачетъ и не смѣется. Прошлое улыбается.

II.

Однажды удивилъ меня Архипъ безмѣрно.

Отправился я въ одно воскресенье къ своему пріятелю на Петербургскую сторону — трамваевъ тогда не было — и у церкви Преображенія вижу вдругъ: сидитъ Архипъ рядомъ съ нищими и милостыню проситъ. На глазахъ слезы, руки трясутся, а лицо еще болѣе неумытое и голодное. На колѣняхъ костыли крестъ на крестъ лежатъ. Что за исторія!

Остановился я и, чтобы, не смущать старика, на него не смотрю, а только прислушиваюсь:

Пожертвуйте, православные,
Для спасенія душъ вашихъ,
Молитвенникамъ вашимъ,
Пожертвуйте, православные!

И когда на ближайшемъ дежурствѣ встрѣтился я съ нимъ, не утерпѣлъ, чтобы спросить, что это означаетъ.

Посмотрѣлъ онъ на меня удивленно-обидчиво и головой даже покачалъ.

— Попритчилось тебѣ, милый мой, попритчилось. Должно быть отъ дурмана табачнаго. Либо отъ недоѣда. Другого за меня принялъ. Самъ вѣдь знаешь, въ дворникахъ я тутъ служу и книжку трудовую имѣю. Кто не работаетъ, тотъ не ѣстъ.

Пожалъ я плечами и не зналъ, что отвѣтить: можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ ошибся.

И опять сталъ мнѣ живописно разсказывать давнюю исторію про то, какъ одинъ разъ чумаки соль везли. Была соль, какъ водится, бѣлая, а когда въ Бахмутъ привезли, оказалась красная. Не на всѣхъ возахъ, а на одномъ только. Странники всякіе да калики-перехожіе объяснили это божескимъ предзнаменованіемъ, — а на дѣлѣ оказалось, что на постояломъ дворѣ мимохожіе разбойники купца одного зарѣзали, и тѣло его въ мѣшокъ спрятали, чтобы слѣды подальше отвести. Опять навѣвалъ старикъ незримые образы прошлаго и сказовымъ искусствомъ своимъ приближалъ къ Петербургскому торфяному болоту звуки и ароматы Донецкой степи.

Неодолима и чудесна преображающая власть слова: пересталъ я думать о нищемъ на паперти и, какъ прежде, видѣлъ передъ собой умудреннаго годами старца и отличнаго разсказчика. А возможно и то, что уставшій мой мозгъ, давно тосковавшій по сновидѣніямъ, сознательно вырвалъ противный образъ попрошайки изъ подъ власти кощунственно-скептическаго разума, который снаружи видитъ изнанку.

Сознательно, говорю, потому, что еще разъ встрѣтилъ моего Архипа слезливо просящимъ милостыню во имя Господне, и по пестрымъ валенкамъ трезво убѣдился, что это былъ онъ. Ну, да Богъ съ нимъ! Въ дни юдоли непоборимой, когда заполнилась ею русская земля, всѣ мы были попрошайками, одни умѣлыми, другіе нѣтъ, но одинаково всѣ жалкими. Одни удачно выпрашивали ботинки (одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ), другіе — пайки, третьи — чужое имущество.

И это я сказалъ ему однажды — безъ ироніи, безъ ехидства, а просто такъ, съ печальнымъ сокрушеніемъ. Упирался онъ долго, даже какъ будто обидѣлся, а подъ конецъ вздохнулъ и сознался: «да ужъ что говорить, вѣрно». Но трогательно объяснилъ:

— Не могу я безъ этого, милый мой. Никакъ не могу. Тянетъ меня молить прохожихъ о спаснѣ, принижаться, плакаться. Вѣдь съ давнихъ поръ хожу Христовымъ именемъ. Хоть озолоти ты меня, все равно просить буду. И не трофилки мнѣ нужны — деньги то-есть, а самая просьба мнѣ нужна. Прохожихъ за сердце хватать надобно мнѣ. И дай ты мнѣ пинжакъ хотя бы бархатный, — зипунишко рваненькій мнѣ способнѣе всего. Пинжакъ татарину Мустафѣ продамъ, а зи-

пунишко оставлю. Можетъ это и не хорошо, а вотъ иначе не умѣю. И сколько я службъ ни бралъ, все меня къ паперти тянуло. Послужу — и опять туда же. Какъ пьянаго кабакъ. Должно быть такъ мнѣ и полагается отъ Бога. Подвыпили заплатки, заплясали лоскутки. . .

III.

Безцѣльныя дежурства у воротъ скоро прекратились такъ же внезапно, какъ и начались. Прекратились и бесѣды мои съ Архипомъ. Встрѣчались мелькомъ, перекидывались пустыми безплотными и безнуждными словами, отъ которыхъ не остается никакихъ воспоминаній. Помню только, что давалъ ему иногда табакъ и папиросную бумагу, вырванную изъ копировальной книги. Разсказы же его изъ некрѣпкой моей памяти улетучились и только одинъ лишь образъ остался — занятнаго попрошайки.

А потомъ и вовсе думать о немъ пересталъ: не до него было. Затоптала меня многоножка, сначала обывательская, потомъ государственная. Посадили меня въ тюрьму, а выпуская, объявили о высылкѣ заграницу. Предвыѣздныя заботы и тревоги заслонили все. *)

И всего только три дня до отъѣзда осталось, какъ встрѣтилъ я у воротъ Архипа.

— Слышалъ я, уѣзжаешь, милый мой, — ну что-

*) Въ концѣ 1922-го года изъ Петербурга и Москвы была выслана заграницу группа писателей и ученыхъ въ 40 человѣкъ. Авторъ настоящей книги принадлежитъ къ ихъ числу.

жа, счастливой путь. За что жа это тебя? Не знаешь? За то, что стихи пишешь, должно быть. И другихъ тоже? Писателевъ выгонять стали? Вотъ оно что. А уѣзжать, поди, не хочется? Такъ, такъ.

Подумалъ немного, покряхтѣлъ и сказалъ:

— Ну что жа, гусельки-то вѣдь съ собой возьмешь — стало быть легче будетъ. Съ гусельками пойдешь — вѣрный путь найдешь.

Не понялъ я его.

— Какія это гусельки?

— Гусельки? Неужто не знаешь, милый? Гусли звончаты, да яровчаты. Я тебѣ былину одну разскажу древнюю. Тогда все поймешь.

Торопился я очень. Некогда мнѣ было на улицѣ выслушивать его былину, и отложилъ его разсказъ на завтра.

— Да и мнѣ недосугъ — согласился онъ. — Насосъ разыскивать надо. У насъ подвалъ водой залило. Надо бы ее еще до морозовъ поспѣть выкачать, а то потомъ поздно будетъ.

На другой день укладывалъ я вещи, чтобы взять ихъ съ собой — грустно было, тоскливо. И, признаться, меньше всего я думалъ объ Архипѣ. Суматошливыя мысли одолѣвали — того не забыть, это сказать, о томъ позаботиться. Кто его знаетъ: вернешься ли когда обратно. Пришелъ Архипъ.

Усадилъ я его, велѣлъ ему чаю подать, а самъ продолжаю укладываться и вздыхаю.

Шумно прихлебывая чай, — со всего блюдечка — разспрашивалъ онъ меня, куда ѣду, какъ ѣду, да съ кѣмъ. А напившись, сказалъ:

— Подвыпили заплатки, заплясали лоскутки. Хотѣлъ я тебѣ, милый, былину одну разсказать на путь дорогу, да только подумалъ, что должно быть самъ знаешь ее: въ книгахъ она вѣдь напечатана. Про Садку богатаго гостя, знаешь? Ну, а ежели знаешь, то разсказывать не для чего. Ты только вспомни ее, какъ тоска тебя завозмитъ. Сразу тебѣ полегчаетъ.

— А что же вспоминать? — недоумѣнно спросилъ я, отрываясь отъ корзины. — И почему же полегчаетъ?

Улыбнулся старикъ. Глаза опустилъ. Помолчалъ съ минутку.

— А ты вотъ вспомни про то, что Садко сдѣлалъ — все и поймешь. Душевное дѣло сдѣлалъ онъ, божеское.

Я все еще не понималъ.

— Что-то, — говорю — память у меня ослабѣла. Не помню, что онъ сдѣлалъ такое.

— А вотъ что онъ сдѣлалъ — сказалъ Архипъ, набирая воздуху, и сразу перешелъ на напѣвный ладъ: — Какъ упалъ на него жеребей въ море-окіанъ кидаться, на все Садко, богатый гость, махнулъ рукой и глазомъ не поглядѣлъ дажа. Тридцать богатыхъ кораблей у него было, съ золотомъ и серебромъ, — а вотъ одно только имущество свое пожалѣлъ и взялъ его съ собою въ море: гусли свои звончаты! Потому, никакъ не могъ ними разстаться. Должно къ сердцу припаяны были. Никакъ не могъ. И ты не моги, милый. Ни за что не разставайся. Какъ и ему, сослужатъ онѣ тебѣ службу великую и отъ всякой бѣды тебя вызволятъ. Ты не обижайся на меня, милый, а только думаю я, что все это одно и то же: въ старыя времена скоморохи были, гусельщики и блазни, потомъ слѣпцы да во-

льнщики, а потомъ тѣ, что духовные стихи сказываютъ, они же и Христовымъ именемъ ходятъ. Такъ вотъ, думаю я, что и вашъ братъ писатель, что стихи сочиняетъ всякіе — той же артели скоморошьей. Всѣ мы у Господа Бога скоморохи безпечальные и приставлены къ тому, чтобы врасплохъ человѣка за сердце хватать и жалостливымъ словомъ удивлять его нежданно-негаданно. И у каждаго къ тому свои гусли есть. Такъ было въ старыя времена, такъ и въ доселюшныя. Нынѣ какъ будто россійская страна отъ Божьихъ скомороховъ отвернулась — тебя вотъ выпроваживаютъ (выпалъ стало быть и тебѣ жеребей въ море кидаться: говоришь моремъ поѣдешь). Меня строго запрещаютъ. Ну, да ничего! Пока живъ человѣкъ, полагается ему отъ Господа Бога томленіе какое имѣть. Безъ этого ни одинъ не проживетъ. Ужъ ты мнѣ повѣрь: какъ Богъ святъ, не проживетъ! А стало быть заведутся новые. Такъ вотъ ты про гусельки-то не забывай. Утѣшатъ онѣ тебя полной мѣрой, а когда случай придетъ, — и помогутъ тебѣ какъ разъ. Вотъ увидишь: помогутъ. Былину-то вѣдь умный придумалъ, а можетъ вправду такъ было. А не было — такъ будетъ!

Привѣтливо — за утѣшеніе — улыбнулась Архипу моя жена. На прощаніе подарила она ему кое-что изъ старыхъ вещей, а я табаку осьмушку.

Поблагодарилъ онъ и, лукаво усмѣхнувшись, сказалъ:

— Подвыпили заплатки, заплясали лоскутки. А вѣдь такъ оно и выходитъ, какъ я говорилъ. Не даромъ я тебѣ про Садку напомнилъ. Про него вѣдь еще и такъ говорится:

Играетъ Садко въ Новѣ-Городѣ.

А выигрышъ беретъ отъ Царя Града.

Такъ ты и про эта не забывай. Звонкое слово, да во время сказанное, никогда не пропадаетъ. Всегда окупится. А главное — гусельки не забывай.

Помню, стариканъ, не забываю!

ЗАВТРА

Поговоримъ о странностяхъ любви.

Пушкинъ.

Она оставалась въ Россіи. Онъ же, пріѣхавъ въ командировку и подышавши свободнымъ воздухомъ, рѣшилъ не возвращаться и, кое-какъ устроившись, сталъ терпѣливо поджидать ее. Строго обдуманными, осторожными намеками онъ далъ ей это понять и настаивалъ на томъ, чтобы она постепенно распродала свои вещи и пріѣхала къ нему. Разсказывая о какомъ-то выдуманномъ имъ Шмидтѣ, подъ которымъ имѣлъ въ виду самого себя, онъ дѣлился съ ней своими планами объ ихъ будущей совмѣстной жизни. Планы были скромные, но для уставшихъ людей — заманчивые. Послѣ тревожно-пещерной жизни многихъ лѣтъ пріятно было представить себѣ грядущіе годы въ ничѣмъ не нарушаемой тишинѣ и въ тепломъ уютѣ взаимной дружбы. Онъ такъ и писалъ:

«Послѣ долгихъ напряженныхъ лѣтъ безпокойства Шмидтъ окончательно «разложился» и, по его соб-

ственнымъ словамъ, непрочь зажить самой что ни на есть мелко-буржуазной, даже мѣщанской жизнью: завести себѣ квартирку, жену и ребенка. Пока что онъ, какъ Скупой Рыцарь, копитъ деньги, не ходитъ по театрамъ и кафэ, не пьетъ пива и даже бросилъ курить, — чтобы скорѣе собрать сумму, нужную для обзаведенія. И театры и кафэ — сказалъ онъ мнѣ на-дняхъ — не уйдутъ отъ меня. Успѣю использовать заграницу вмѣстѣ съ женой».

Ей же нечего было бояться почтовой цензуры, и ея пишущая машинка безбоязненно отстукивала отвѣтъ безъ особыхъ прикрытій:

«Мой дорогой другъ! Безъ всякаго раздумья, не колеблясь ни одной минуты, я приняла предложеніе милаго нѣмца и въ самомъ непродолжительномъ времени, какъ только удастся распродать свои вещи, я съ радостью помчусь къ нему. Его планы привели меня въ восторженное состояніе. Я радуюсь, какъ ребенокъ, и только боюсь, чтобы окружающіе не замѣтили моего внезапнаго счастья. И я тоже становлюсь скопидомкой, стараюсь ничего не тратить и... мечтаю. Будьте увѣрены, что я приложу всѣ усилія къ тому, чтобы нѣмецъ былъ мною доволенъ и въ тягость ему не буду ни одной минуты. Я думаю, это случится черезъ 7 мѣсяцевъ».

А въ слѣдующемъ письмѣ съ дѣловитой краткостью подтверждала:

«Ждите, вѣрьте и любите меня. Это придастъ мнѣ много бодрости и силъ, крайне необходимыхъ, чтобы

преодолѣть всѣ препятствія, которыхъ будетъ, конечно, не мало».

И онъ дѣйствительно ждалъ, вѣрилъ и любилъ. Чѣмъ больше уходило дней, тѣмъ привлекательнѣй рисовалась ему далекая подруга. Въ тѣхъ видѣніяхъ, которыя приноситъ съ собой одинокая ночь, мелькала вдругъ передъ нимъ то ея мягкая, добрая улыбка, то округлость плеча, а то и шаловливое интимное движеніе, извѣстное имъ обоимъ. Соблазны большого города проплывали мимо него, какъ чужіе, и не задѣвали его. Крохоборствуя в расходахъ, онъ не желалъ ничего тратить и въ своемъ мужскомъ любопытствѣ къ тому, что назойливо тревожитъ чувственность, — потому что все хотѣлось сохранить для подруги, цѣликомъ, полностью, въ нетронутомъ видѣ.

Семь мѣсяцевъ пробѣжали легко, необременительно для обоихъ. У него — въ мѣрномъ чередованіи дней, ничѣмъ не отличавшихся одинъ отъ другого; у нея — въ мелочной суетнѣ совѣтской жизни. Но вмѣсто долгожданнаго сообщенія — «ѣду!» — пришло другое: «въ разрѣшеніи выѣхать отказано». Были, однако, и утѣшающія слова:

«Мой дорогой другъ! Я все еще не теряю надежды, я хлопочу, и то, что не удалось сейчасъ, я увѣрена, удастся осенью. Можетъ быть это и к лучшему, потому что денегъ у меня пока очень мало. Не хандрите, не тревожьтесь и не забывайте, что жизнь послѣднихъ лѣтъ научила меня отважно преодолѣвать препятствія. Я какъ англичанинъ: неудача не обезкураживаетъ меня, а, напротивъ, придаетъ яростной

энергіи. Въ тотъ день, когда былъ полученъ отказъ, я рѣшила вознаградить себя и, понатужившись, пріобрѣла лишнюю Марку Твена для своей скудной библіотеки».

Этотъ иносказательный американецъ, прикрывавшій собой долларовую бумажку, долженъ былъ подчеркнуть, что не все еще потеряно, что надо терпѣливо ждать.

И онъ снова ждалъ.

Но время бѣжало. Полтора года одиночества въ чужомъ городѣ становились нестерпимыми. Къ тому же все чаще и чаще шевелилась искусственно подавляемая чувственность, грязнившая воображеніе. Онъ начиналъ походить на гимназиста, который наливается грѣховными желаніями и плотояднымъ взглядомъ окидываетъ каждую женщину. И чтобы отдѣлаться отъ томительныхъ искушеній, пришлось уступить имъ. Въ Городскомъ Паркѣ, въ сумеркахъ, заговорилъ съ хорошенькой нѣмочкой и угостилъ ее мороженымъ. На другой сводилъ ее въ кино. А на третій день она уже сама пришла къ нему и дала себя уговорить остаться до утра. Съ тѣхъ поръ она стала приходить два раза въ недѣлю.

Это была легкая, уютная, ни къ чему не обязывающая связь, смягчавшая одиночество и въ то же время успокаивавшая его мужскую тревогу, что онъ перестаетъ быть мужчиной. Вдобавокъ эту связь можно было безболѣзненно прекратить въ любое время.

Но нѣжныя письма изъ Россіи продолжали получаться, и каждое укоризненно смотрѣло на него. Что-

бы хоть нѣсколько облегчить свою совѣсть, онъ однажды написалъ:

«Знаю, что это не хорошо, но долженъ вамъ признаться, что третьяго дня я завелъ очень игривый разговоръ съ одной знакомой стенографисткой изъ той конторы, гдѣ я бываю довольно часто по дѣламъ службы. Еще нѣсколько словъ, и я бы легко получилъ у нея согласіе провести со мной вечеръ. Но испугавшись за свое едва сдерживаемое цѣломудріе, — я бѣжалъ. Ахъ, моя дорогая, трудно подавлять природу!. . .»

Она немедленно отвѣтила:

«Мой бѣдный аскетъ! Я слишкомъ трезва, чтобы возмущаться вами или даже упрекать васъ. Я все понимаю. И поэтому — какъ подарокъ отъ меня — возьмите вашу стенографистку, но только помните, что какова бы она ни была, я всегда буду болѣе нѣжна съ вами, чѣмъ она, и болѣе покорна всѣмъ вашимъ желаніямъ. И пожалуйста, не затягивайте этотъ вынужденный (надѣюсь!) романъ, потому что шансы на мой пріѣздъ съ каждымъ днемъ увеличиваются».

Полгода спустя она спрашивала:

«Что съ вашей стенографисткой? Встрѣчаетесь ли вы еще съ нею? Иногда меня тревожитъ злая мысль, что, какъ возлюбленная, она пришлась вамъ по вкусу. . .»

Онъ спѣшилъ успокоить ее:

«Стенографистку давно не видѣлъ. И можете не тревожиться: хотя она и недурна собой, но банальна и скучна».

А между тѣмъ нѣмочка изъ Городского Парка все больше входила въ его жизнь. Вмѣсто двухъ разъ въ недѣлю, она стала приходить через день, чинила ему бѣлье, связала пулловеръ и уже начинала уговаривать его снять маленькую квартирку, соблазняя уютомъ и экономіей въ расходахъ. Всѣ ея доводы онъ признавалъ правильными, про себя подкрѣплялъ ихъ еще и печальными соображеніями о томъ, что «откладывать жизнь» неразумно и что питаться однѣми надеждами нелѣпо, — но все-таки не сдавался. Совмѣстная жизнь съ нѣмкой рисовалась ему, какъ окончательный разрывъ съ прошлымъ. И письма его въ Россію были попрежнему исполнены дружбы, нѣжности и вниманія. Нельзя же было сказать правду любящей женщинѣ, вотъ уже три года живущей сладостными иллюзіями!

А неумолимое время бѣжало неостанавливающимся галопомъ. Выѣздъ изъ Россіи становился невозможнымъ. Разрѣшенія давались только командируемымъ спеціалистамъ. Все чаще и чаще возникалъ у нея страхъ передъ надвигающейся старостью. Тридцать семь лѣтъ давали знать о себѣ складками на шеѣ и дряблостью кожи. До боли ужасала мысль, что она перестаетъ быть женщиной, и что можетъ такъ случиться — когда, наконецъ, она пріѣдетъ, онъ попросту разочаруется въ ней.

Такъ возникло неотгонимое желаніе провѣрить се-

бя, какъ женщину, какъ любовницу, и всколыхнуть застоявшееся, подавленное, уснувшее, чтобы оживить давно атрофированное — ради него, конечно, ради того, кто такъ терпѣливо ждалъ ее.

Лакмусовой бумажкой для этого испытанія она намѣтила, одного сослуживца, опытнаго въ любви сердцеѣда, одобреніе котораго могло послужить лучшимъ аттестатомъ. И оттого ли, что ея женская первосущность была сама по себѣ пламенной, или оттого, что нетронутымъ отдала она сослуживцу все накопленное за четыре года, — онъ былъ юношески восхищенъ новыми переживаніями. Она же была счастлива, что сохранилась, какъ женщина, и не удержалась, чтобы не сообщить объ этомъ своему заграничному другу:

«Не знаю, интересуетесь ли вы этимъ, но должна вамъ сказать, что я по-прежнему чувствую въ себѣ нетронутый запасъ страстности, предназначенной, понятно, только для васъ, и врядъ-ли какая нибудь другая женщина можетъ меня въ этомъ превзойти. И какъ разъ сегодня мнѣ сказали, что за послѣднее время я замѣтно похорошѣла. Не забывайте же и объ этомъ. . .»

Простая деликатность требовала того, чтобы ласково откликнуться на ея восторженныя слова, и онъ отвѣтилъ:

«Не забываю и жду».

Но сослуживецъ, восхищенный цѣломудренной страстностью, которой онъ никакъ не ожидалъ въ молчаливо-спокойной женщинѣ, — не захотѣлъ ограничиться одной встрѣчей и настойчиво добивался продленія бли-

зости. Не могла совладать съ собою и его новая возлюбленная. Разбуженная, — она больше не могла уснуть. Смутное томленіе тѣла и постоянно ноющая потребность въ нѣжныхъ мужскихъ интонаціяхъ — удачно нашли свою разрѣшимость. Воспоминанія о радостныхъ минутахъ жаркимъ туманомъ заволакивали ея мысли. Теперь, когда она смотрѣла на сослуживца, у нея то и дѣло кружилась голова. Да и очень занимателенъ былъ этотъ инженеръ.

Нѣсколько дней она крѣпилась, пробовала жестоко упрекать себя за измѣну, но сама же себѣ возражала, что все-таки нельзя жить только завтрашнимъ днемъ. Годы уходятъ. Надежды тускнѣютъ. Невозможно отказываться отъ маленькихъ радостей, хотя бы во имя большого, но отдаленнаго счастья.

Послѣ второй интимной встрѣчи съ сослуживцемъ она поплакала немного и ужъ хотѣла было честно написать своему старому другу всю правду. Но подумала: «послѣ четырехъ лѣтъ трогательной вѣрности и ожиданія это ошеломитъ его». Поэтому она писала:

«Вчера мнѣ снова отказали въ визѣ и почти всю ночь я думала о нашей съ вами печальной судьбѣ. Годы уходятъ. Жизнь не ждетъ. Трудно жить только завтрашнимъ днемъ — и вамъ и мнѣ. Къ тому же силы мои слабѣютъ. Преодолѣвать препятствія становится все труднѣе. По-близости никого нѣтъ. О, мой дорогой, любимый, если бы вы только знали, какъ вы мнѣ сегодня нужны и необходимы! Къ тому же я сейчасъ въ полномъ отчаяніи и очень боюсь, что натворю глупостей».

Онъ испугался за нее, пожалѣлъ и, не откладывая, тотчасъ же написалъ, чтобы утѣшить ее:

«А я все-таки вѣрю, что обстоятельства еще сложатся благополучно, и терпѣливо жду. Помните у Чехова? «Мы отдохнемъ, мы отдохнемъ...». Всего только на дняхъ вы писали мнѣ въ бодромъ тонѣ и дѣлились со мной волнующими предвкушеніями встрѣчи. Своей бодростью вы заразили и меня. И вдругъ — пріуныли. Очень это не хорошо. Прошу васъ, возьмите себя въ руки и начните все сначала. «Мы еще повоюемъ, чортъ возьми», какъ говорилъ тургеневскій воробей».

При чтеніи этого письма у нея судорожно сжималось горло и влажной пеленой покрывались глаза. Бѣдный одинокій отшельникъ! Какъ онъ вѣритъ въ нее! И можно ли послѣ этого признаться ему въ томъ, что въ дѣйствительности происходитъ?

И она снова обнадеживала его. Снова писала ему, что полна бодрости и вѣры, и лишь въ концѣ съ грустью добавляла:

«А все-таки придется терпѣливо ждать до осени, т. е. не меньше 8-ми мѣсяцевъ. И чтобы вамъ не было скучно и одиноко, я позволяю вамъ завести романъ, но только, пожалуйста, временный и не съ «дамой изъ общества». Пусть это будетъ какая-нибудь модистка, конторщица или даже приказчица изъ булочной, т. е. такая, которая бы не могла вытѣснить меня изъ вашего сознанія. Сдѣлайте это. Я позво ляю вамъ».

Онъ былъ подавленъ ея трогательной самоотверженностью и взволнованно писалъ въ отвѣтъ:

«Милый другъ! Что бы ни случилось, я никогда не забуду вашего великодушія, потому что оно дѣйствительно безпримѣрно. Но никакой булочницы мнѣ не надо. Предпочитаю оставаться въ полномъ одиночествѣ, которое, надѣюсь, будетъ щедро вознаграждено. . .»

Такъ пишутъ они другъ другу и по сей день, хотя она уже давно вышла замужъ за своего сослуживца, а ея далекій другъ уступилъ нѣмочкѣ изъ Городского Парка и поселился съ ней въ крохотной квартиркѣ, обзаведясь радіо, которымъ часто ловитъ Москву.

Г-НЪ БРАШЪ, БИБЛІОФИЛЪ

Я отлично знаю, что читатель способенъ заподозрѣть меня въ желаніи показаться оригинальнымъ или даже просто назоветъ меня извращеннымъ человѣкомъ. Но я все-же упорно буду утверждать, что описываемый здѣсь мною чудакъ являлся неизсякаемымъ источникомъ моей наблюдательской радости. Я искренно увлекался этимъ человѣкомъ. Его крайности и странности меня всегда плѣняли. Бесѣды съ нимъ всегда сулили мнѣ какую-нибудь неожиданность, и я никогда не могъ знать напередъ, хотя бы приблизительно, чѣмъ новымъ ошеломитъ меня г. Брашъ.

Пытаясь изобразить его, я даю исходъ своему увлеченію. Читатель же, пожалуй, найдетъ въ этомъ портретѣ нѣкую для себя новизну.

*

Фономъ для набрасываемаго мною изображенія являются книги. Ихъ двѣ съ половиною тысячи, причемъ

многія изъ нихъ въ переплетахъ лучшихъ парижскихъ мастеровъ 18-го и 19-го вѣка — Паделу, Бозеріана, Мишеля и Дерома. Среди книгъ имѣлись и драгоцѣнные альды, эльзевиры и даже инкунабулы. Превосходныя дубовыя полки — отъ потолка до плинтусовъ — расчерчивали комнату строгими линіями. Нигдѣ — ни пылинки. Пахло кожей и ванилью, любимѣйшимъ ароматомъ библіофила. Въ двухъ мѣстахъ стояли лѣстницы, похожія на высоко поднятыя удобныя кресла. Въ одномъ изъ такихъ креселъ я часто находилъ — почти у потолка — владѣльца библіотеки, увлекшагося чтеніемъ и позабывшаго спуститься внизъ. Владѣльца библіотеки звали Брашъ. Мнѣ кажется, что онъ питалъ ко мнѣ нѣкоторую симпатію. По крайней мѣрѣ онъ часто удостаивалъ меня не только бесѣдой, но и похвалами. Однажды, напримѣръ, онъ сказалъ мнѣ:

— Мнѣ пріятно, что вы еще ни разу не спросили, сколько стоитъ та или другая рѣдкая книга. А между тѣмъ, у меня имѣются экземпляры. стоимостью до 10-ти тысячъ марокъ. А вотъ за эту «Греческую Антологію» флорентинскаго изданія я даже заплатилъ 15 тысячъ.

У г. Браша было уродливое лицо съ отвратительнымъ фіолетовымъ пятномъ на шеѣ. Его большія уши были покрыты сѣрыми мохнатыми бородавками, похожими на птичьи гнѣзда. Онъ носилъ стоячіе крахмальные воротники, пожелтѣвшіе отъ времени и плохой стирки. Бѣлый треугольникъ выглядывавшій изъ жилетнаго вырѣза, заставлялъ меня предполагать, что каждый разъ г. Брашъ надѣваетъ новую грязную рубашку. Его очки не скрывали слѣдовъ нѣсколькихъ грубыхъ починокъ.

Однажды, неосторожно бесѣдуя съ нимъ о странныхъ людяхъ, я напомнилъ ему объ извѣстномъ живописцѣ Ури, умершемъ въ страшной нищетѣ, между тѣмъ, среди хлама его запущенной каморки были найдены огромныя богатства.

— Скончался Ури? Я былъ съ нимъ знакомъ. Когда же это случилось? — спросилъ онъ удивленно.

— Онъ умеръ четыре дня назадъ, — отвѣтилъ я, не менѣе удивленный. — Вѣдь это было во всѣхъ газетахъ.

— Я газеты читаю только по воскресеньямъ, — поучительно замѣтилъ г. Брашъ. — Газеты это дорогое удовольствіе. Не забудьте, что въ году 365 дней.

И лукаво хихикнувъ, добавилъ:

— Чтобы не тратить лишняго, я по воскресеньямъ беру у газетчика три газеты разныхъ направленій, прочитываю ихъ и къ 2-мъ часамъ дня возвращаю. За это я плачу газетчику 10 пфенниговъ. Совѣтую вамъ поступать такъ же.

*

Однажды г. Брашъ почтилъ меня особымъ довѣріемъ и, наглухо заперевъ дверь кабинета, прочелъ мнѣ нѣсколько выдержекъ изъ своего обширнаго манускрипта, озаглавленнаго «Римскіе фонтаны». Въ старинной манерѣ письма онъ восторженно разсказывалъ о томъ, какъ Вѣчный Городъ геніально использовалъ водяныя струи въ качествѣ наилучшаго украшенія своихъ улицъ и площадей. Онъ повѣствовалъ о шумящихъ каскадахъ фонтановъ Треви и Бернини, о ниспадающихъ водахъ Аквы Паолы на Яникуле, о фонтанахъ у

Понте Систо, о фонтанѣ съ боченкомъ на Віа Рипетта и о множествѣ другихъ водомётовъ, создающихъ причудливую игру радужныхъ красокъ или убаюкивающихъ звуковъ. Торжественнымъ слогомъ онъ подробно описывалъ, какъ надувши щеки, неистово трубятъ мраморные тритоны; какъ морскіе кони круто выгибаютъ спины, покрытыя зеленой цвѣлью, и какъ весело гримасничаютъ каменные дельфины.

Тутъ же въ манускриптѣ, написанномъ на прекрасной тряпичной бумагѣ, были наклеены превосходныя гравюры, изображавшія тотъ или другой фонтанъ.

— Вы долго жили въ Римѣ? — спросилъ я восхищенно.

Г. Брашъ лукаво прищурилъ глаза, усмѣхнулся и пристально слѣдя за моимъ лицомъ, высокомѣрно бросилъ:

— Ни разу я не былъ въ Римѣ! Все это взято мною изъ книгъ.

Вслѣдъ за этимъ прозвучалъ его непріятный дребезжащій смѣхъ, заставившій меня немного смутиться. Но г. Брашу этого было мало: въ циничной восторженности, продолжая смѣяться, онъ добавилъ:

— Изъ книгъ взяты и гравюры. Изъ чужихъ книгъ, понятно. Я ихъ просто на просто вырвалъ. Только не скажу, изъ какой библіотеки.

Я промолчалъ. Зато г. Брашъ, точно въ поясненіе своего страннаго поступка, скороговоркой пробормоталъ:

— Отнять жемчугъ у осла не есть преступленіе.

*

Нѣсколько минутъ спустя, когда я собирался уходить, Брашъ съ необычайной для себя благожелательностью въ голосѣ сталъ меня удерживать:

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы не уйдете. Сначала мы поужинаемъ, а затѣмъ я кое,что покажу вамъ.

Въ этотъ вечеръ я впервые имѣлъ случай обстоятельно разглядѣть супругу г. Браша и его девятилѣтняго сына Эриха. Г-жа Брашъ безусловно могла бы считаться красивой женщиной, если бы не ея испуганные и безпрестанно мигающіе глаза, ея красныя жилистыя руки, а главное — ея нелѣпое старомодное платье, явно изъ чего-то передѣланное. Она сидѣла за столомъ точно чужая, точно просительница и все время вздрагивала. Казалось, что она сейчасъ вспорхнетъ и улетитъ. Нѣсколько позже я догадался, что она просто стыдилась моего присутствія за жалкимъ ужиномъ, состоявшимъ изъ двѣнадцати тонкихъ кружочковъ колбасы, четырехъ ломтиковъ хлѣба и четырехъ холодныхъ картошекъ. Впрочемъ, г. Брашъ вспомнилъ, что у него еще есть швейцарскій сыръ и торопливо принесъ его. (Если не ошибаюсь, онъ принесъ его изъ библіотеки).

За столомъ говорилъ только Брашъ. Я внимательно слушалъ его и только иногда тихо поддакивалъ. Г-жа Брашъ молчала, какъ глухонѣмая. Что касается Эриха, то его голодные злые глаза были заняты жаднымъ разсматриваніемъ того, что лежало на чужихъ тарелкахъ. Ѣлъ онъ медленно съ нескрываемымъ наслажденіемъ и, отщипывая крохотные кусочки хлѣба, повидимому, старался точно соразмѣрить количество оставшейся колбасы съ хлѣбомъ, но въ концѣ концовъ это ему не удалось, и послѣдній ломтикъ колбасы ему пришлось

отправить въ ротъ безъ хлѣба. Онъ испуганно посмотрѣлъ на отца и, поймавъ его злой взглядъ, густо покраснѣлъ.

— Сыру ты не получишь, — сказалъ г. Брашъ. — Дѣтямъ это вредно.

— Я сытъ, — поспѣшилъ отвѣтить Эрихъ и вздохнулъ

Г-жа Брашъ опустила глаза.

Послѣ ужина мы вернулись въ кабинетъ. Брашъ былъ въ отличномъ настроеніи и принесъ бутылку вина.

— Собственно, чтобы выдержать стиль, — сказалъ онъ подмигивая, — послѣ «Римскихъ фонтановъ» надо было бы распить бутылочку Треббіано, Кастели или янтарнаго Дженцано. Хотя долженъ признаться, что эти вина я знаю только по книгамъ.

И снова засмѣялся непріятнымъ дребезжащимъ смѣхомъ.

Два стаканчика сквернаго бѣлаго вина невѣроятно быстро развязали ему языкъ. Онъ болталъ, не переставая. Онъ разсказывалъ про свои библіофильскія удачи и про невѣжество букинистовъ, очень часто не понимающихъ огромной цѣнности продаваемыхъ ими раритетовъ. Хвастливо подчеркнувъ свою изобрѣтательную дипломатію, свою находчивость, онъ увлекся описаніемъ своего умѣнья при помощи небольшихъ средствъ отлично использовать блага жизни. И внезапно, повидимому охваченный порывомъ откровенности г. Брашъ вдругъ нагнулся, хлопнулъ меня по плечу и воскликнулъ:

— Вотъ послушайте. Я вамъ разскажу, что я при-

думалъ въ 1923 году, и вы сами должны признать, что это была геніальная идея.

Кто-то постучалъ въ дверь.

Брашъ рѣзко повернулъ голову, и лицо у него сразу стало похожимъ на морду разозленной обезьяны.

Вошелъ Эрихъ.

Глухимъ робкимъ голосомъ, прижимая къ груди худые пальчики, онъ сказалъ просящимъ тономъ:

— Ты забылъ что-то сдѣлать.

— Ахъ, да! — проворчалъ Брашъ и, вынувъ изъ кармана большую связку ключей, одинъ изъ нихъ ткнулъ въ книгу на полкѣ. Щелкнулъ замокъ, и восемь книжныхъ корешковъ, описавъ дугу, обнаружили за собою потайной шкафчикъ. Я украдкой заглянулъ внутрь. Тамъ находилась сахарница, пачка чая и коробка сардинъ.

Г. Брашъ взялъ изъ сахарницы кусокъ сахара и далъ его Эриху.

— И иди спать. Отчего ты не спишь такъ поздно?

Эрихъ ушелъ.

Брашъ заперъ шкафчикъ и сказалъ:

— Я считаю, что сахаръ очень полезенъ для дѣтей... Такъ вотъ. Я хочу вамъ разсказать про свою изобрѣтательность. Это было въ 1923 году во время инфляціи. Слушайте внимательно.

Исторія, разсказанная Брашемъ, заключалась въ томъ, что, уловивъ моментъ рѣзкаго паденія германской марки, онъ пріобрѣлъ за 12 долларовъ десять платьевъ для своей жены и десять паръ дамскихъ туфель. Съ тѣхъ поръ онъ каждый годъ выдаетъ ей по платью и по парѣ туфель.

— Вы понимаете? — закричалъ Брашъ въ горделивомъ восторгѣ. — Удачная мысль, пришедшая мнѣ въ голову на улицѣ, обезпечила моей женѣ одежду на десять лѣтъ!

И г. Брашъ посмотрѣлъ на меня съ сознаніемъ своего превосходства въ умѣньи жить.

Теперь только я понялъ, почему платье его супруги показалось мнѣ нелѣпымъ: оно было куплено по вкусу г. Браша восемь лѣтъ назадъ!

Въ заключеніе Брашъ показалъ мнѣ свою обширную коллекцію эротическихъ картинъ, презрительно отозвался о женщинахъ и, заговоривъ о своей женѣ, не раздѣлявшей его интереса къ книгамъ, съ грустью замѣтилъ:

— Лярше правъ: мужъ-библіофилъ стоитъ Сократа для Ксантипъ всего міра.

*

И еще разъ я услышалъ отъ Браша исторію, свидѣтельствовавшую о его необычайной практичности.

Одинъ изъ его близкихъ друзей праздновалъ день своего рожденія. Г. Брашъ долго и тщательно обдумывалъ, что бы ему подарить, и остановился на извѣстной книгѣ Эразма Роттердамскаго «Похвала глупости», съ иллюстраціями Гольбейна. Но вручивъ своему другу эту старинную книгу, онъ тутъ же ощутилъ страшную горечь разставанія съ нею, понятную всякому библіофилу, и страдалъ весь вечеръ, несмотря на обильный ужинъ и на прекрасное бургонское вино.

— Сидя въ сторонѣ отъ гостей, — серьезно разсказывалъ г. Брашъ, — я все время думалъ о томъ, какъ бы

найти выходъ изъ тяжелаго положенія, въ которомъ я очутился. Проявить вниманіе къ своему лучшему другу было необходимо. Этотъ человѣкъ оказалъ мнѣ множество услугъ по наивыгоднѣйшему помѣщенію моихъ денегъ. Но утрата книги, которую мой другъ развязнымъ жестомъ собственника уже успѣлъ поставить въ шкафъ, причиняла мнѣ острую боль, и я отлично зналъ, что примирюсь съ этимъ не скоро. Какъ быть? Что сдѣлать? Въ эти мгновенія я чувствовалъ себя человѣкомъ, которому предстоитъ немедленно рѣшить очень важный для него вопросъ. И я сталъ разсуждать. Я всегда такъ поступаю, ибо не люблю отдавать себя во власть чувствъ. Мой подарокъ, говорилъ я самому себѣ, имѣетъ своей задачей оказать почтеніе хозяину дома. И это уже было сдѣлано. Судя по его лицу, другъ мой былъ очень доволенъ. Что произойдетъ, если онъ затѣмъ потеряетъ эту книгу? Онъ разумѣется будетъ огорченъ, но его благодарность по отношенію ко мнѣ отъ этого нисколько не уменьшится. А это вѣдь главное... Эти простные ясные силлогизмы привели меня къ очень удачному рѣшенію: я незамѣтно пробрался въ кабинетъ, разыскалъ моего Эразма и сунулъ его къ себѣ въ карманъ... «Похвала глупости» сейчасъ находится у меня, причемъ мой другъ даже не заикнулся о пропажѣ, считая очевидно, что это сильно огорчитъ меня. Какъ видите, я ни въ чемъ не ошибся — ни въ своемъ другѣ, ни въ своихъ разсужденіяхъ — и хвалю себя за это. А разсказываю я это вамъ для того, чтобы лишній разъ подчеркнуть, что безукоризненная логика всегда выручитъ васъ въ житейскихъ невзгодахъ.

*

По случайнымъ причинамъ я не встрѣчался съ г. Брашемъ около семи мѣсяцевъ, и когда мнѣ однажды захотѣлось поболтать съ нимъ, я позвонилъ къ нему по телефону и узналъ печальную новость, меня ошеломившую: Брашъ скончался.

У телефона оказался маленькій Эрихъ.

— Какъ, вы не знали?! — закричалъ онъ въ трубку, и звонкій голосъ его показался мнѣ очень страннымъ: такимъ тономъ можно было сообщить о рожденіи брата, о выигрышѣ въ лотерею, но никакъ не о смерти отца.

Вслѣдъ за нимъ къ телефону подошла г-жа Брашъ. Въ краткихъ словахъ она подтвердила это грустное извѣстіе. При этомъ ея голосъ звучалъ спокойно и дѣловито. Но вдругъ, точно спохватившись, она занервничала и стала настойчиво приглашать меня къ себѣ. Я не люблю и не умѣю выражать соболѣзнованія, и мнѣ очень не хотѣлось отягощать себя тоскливымъ разговоромъ, но я не могъ противостоять ея непонятной настойчивости и вечеромъ того же дня навѣстилъ ее.

Я пробылъ у нея два съ половиною часа. И то, что видѣли мои глаза въ домѣ покойнаго Браша, сохранилось въ моей памяти, какъ изувѣрное кощунство, какъ несдержанная истерика отрицанія всего того, что было прежде.

Мрачныя комнаты преобразились. Появились ковры, вазы съ живыми цвѣтами, пестрыя бездѣлушки. На г-жѣ Брашъ было темно-синее платье изъ шелковаго бархата, и она плыла по комнатамъ, точно родилась въ эпоху фижмъ. Отъ нея пахло дорогими духами. На рукахъ у нея были кольца, на полуоткрытой груди ис-

крился бриллiантовый кулонъ. А Эрихъ, уже не блѣдный, не тщедушный и не съ голодными глазами, — захлебываясь отъ набѣгающихъ словъ, безъ умолку разсказывалъ мнѣ, что у нихъ теперь имѣется кухарка, горничная и собака Тоби, а затѣмъ схватилъ меня за руку и энергично потащилъ въ бывшiй кабинетъ отца.

— Теперь у насъ здѣсь продовольственный складъ, — гордо заявилъ онъ.

— А куда дѣвались книги? — спросилъ я испуганно.

— Мама ихъ продала. Всѣ до единой. Вмѣстѣ съ полками.

Нѣсколько минутъ спустя появился молодой красивый блондинъ. Эрихъ фамильярно шлепнулъ его по рукѣ и, обращаясь ко мнѣ, восторженно сказалъ:

— А это мой будущiй отецъ.

Мы сѣли за столъ. Ужинъ, которымъ меня угостила г-жа Брашъ, поражалъ своимъ обилiемъ, ненужнымъ и повидимому нарочитымъ, и я, конечно, догадался, что онъ былъ сервированъ съ страстнымъ, пламенѣвшимъ желанiемъ возмѣстить скаредную скудость той жалкой трапезы, которую годъ назадъ предложилъ мнѣ ея мужъ. Столъ былъ заваленъ ѣдой.

Когда Эриху положили на тарелку двѣ сардинки, онъ вдругъ презрительно обронилъ:

— А вы знаете, что папа умеръ отъ гнилыхъ сардинъ?

— Перестань! — сказала г-жа Брашъ, но тотчасъ же подтвердила: — Да, это правда. Ночью онъ всталъ съ постели и отправился къ себѣ въ кабинетъ. «Мнѣ еще надо поработать», сказалъ онъ. Но я думаю, ему

просто захотѣлось ѣсть. Тамъ у него была припрятана коробка сардинъ, купленная имъ еще во время инфляціи. Черезъ часъ у него начались страшныя боли въ желудкѣ, а къ утру онъ уже былъ мертвъ: онъ отравился рыбнымъ ядомъ.

Я не нашелъ словъ для продолженія разговора на эту тему и молчалъ. Молчали и всѣ остальные.

Будущій мужъ г-жи Брашъ ѣлъ тихо. Но зато мать и сынъ въ своей нестерпимой прожорливости, точно наверстывая долгое недоѣданіе, ѣли жадно, громко и упоенно причмокивали губами.

И сквозь тишину наступившаго молчанія было слышно, какъ рѣзво скользятъ вилки и ножи по тарелкамъ, какъ весело хруститъ хлѣбъ въ зубахъ и какъ торопливо сползаетъ въ чрево проглатываемая ѣда.

Опустивъ голову, я вслушивался въ эти звуки съ жуткимъ чувствомъ.

Мнѣ казалось, что не бѣлое мясо индѣйки звѣрски раздирается челюстями оставшихся на землѣ Брашей, а благородныя изданія Альда Мануція и изящныя эльзевиры.

Мнѣ было жаль бѣднаго Браша. Я отлично понимаю сладостную ярость возмездія у освободившихся рабовъ, но обликъ покойнаго ярко отчеканился въ гербаріумѣ моихъ наблюденій и навсегда запечатлѣлся, какъ исчезающая разновидность Homo sapiens'a, для котораго книга цѣннѣе живой жизни.

На прощаніе г-жа Брашъ сказала:

— Я ненавидѣла его библіотеку, которая сожрала 12 лѣтъ моего существованія, и продала ее всю. Ничего не осталось! Но недѣлю назадъ я нашла вотъ эту

книгу. Онъ почему-то запряталъ ее подъ матрацъ. Возьмите ее на память.

Я взялъ.

Это была «Похвала глупости» съ иллюстраціями Гольбейна.

МОЛОДОСТЬ

1.

«Былъ я тогда молодымъ офицеромъ, въ чинѣ подпоручика, безшабашный, озорной и выше всего на свѣтѣ почиталъ военныхъ и офицерскую честь. Откровенно говоря, подчасъ мнѣ даже казалось, что штафирки въ сущности нужны только для того, чтобы обслуживать нашего брата военнаго. Ну, тамъ желѣзныя дороги строить, фабриками вѣдать, книги занимательныя писать — все для насъ. И смотрѣлъ я обычно на штатскаго, какъ на существо низшей расы, элементарное, даже ничтожное, словомъ, весьма прозаическое. Мнѣ такъ и рисовалось: военные — это рыцарство, поэзія. Штатскіе же — это проза, обывательство, сѣрая скука. И само собой разумѣется, неколебимо считалъ, что міръ принадлежитъ намъ, а штафиркамъ мы лишь великодушно разрѣшаемъ пользоваться улицами и тротуарами этого міра. Ну, молъ, чортъ съ вами, пользуйтесь и вы. И всякій конфликтъ со штатскими всегда

вызывалъ во мнѣ неподдѣльное удивленіе — какъ посмѣла эта низшая тварь, моллюскъ, инфузорія вступать со мной въ пререканіи, даже если я и неправъ. И если бы не строгій законъ, честное слово, я бы каждаго штатскаго рубилъ шашкой за всякое со мной несогласіе. И еще: неписанный я въ себѣ носилъ кодексъ чести, всегда напоминавшій мнѣ, что съ того, кому много дано, много и спрашивается. Я молъ, на виду, я частица какого-то божества, и горе тѣмъ, кто непочтительно отнесется къ этому божеству.

Пріѣхалъ я какъ-то лѣтомъ на двѣ недѣли къ роднымъ. Отчасти ради стариковъ своихъ, а больше всего изъ желанія показать себя въ родномъ городѣ въ полномъ блескѣ, щегольнуть формой, выправкой, манерами и обхожденіемъ съ дамами. И уже, конечно, заранѣе предвкушалъ успѣшные романы. Съ женой податного инспектора — разъ. (Съ ней мы уже два года назадъ очень недвусмысленно ногами подъ столомъ перекликались). Съ женой винокура — два. А ужъ со вдовушкой одной, въ любительскихъ спектакляхъ выступавшей — обязательно! . . Городъ нашъ былъ маленькій — можетъ быть слышали, Валуйки, Воронежской губерніи — пыльный, скучный, военныхъ не было. Ну, думаю, изображу-ка я этимъ глухимъ провинціаламъ, что есть такое русскій офицеръ. И еще когда изъ вагона выходилъ, такъ богатырски грудь свою выпятилъ, такой залихватскій видъ принялъ, что отъ меня самъ Скобелевъ шарахнулся бы въ сторону.

Но представьте себѣ мой ужасъ. Думалъ я естественно, что одинъ въ городѣ буду офицеръ, вродѣ столичнаго гастролера, а оказалось, что въ Валуйкахъ два эскадрона гусарскаго полка на время размѣщены, и,

какъ вы сами понимаете, и безъ меня тамъ уже десять офицеровъ на улицѣ парадируютъ, да еще какіе — кавалеристы, гусары, съ ментиками, въ темнокрасныхъ чакчиряхъ, съ розетками на ботфортахъ. Ахъ, чортъ тебя дери! Я ажъ поблѣднѣлъ отъ огорченія, и еще минута, — приказалъ бы извозчику назадъ на вокзалъ вернуться. Но случилось такъ, что я отца своего случайно на улицѣ встрѣтилъ, изъ купальни возвращался. Пришлось остаться.

Но только съ перваго же момента налился я дикой злобой къ этимъ гусарамъ, испортившимъ мою двухнедѣльную гастроль, и подъ знакомъ этой злобы прошла въ Валуйкахъ первая недѣля моего тамъ пребыванія. Впрочемъ, кромѣ злобы, охватила меня еще подавленность, приблизительно такая же, какая охватываетъ васъ, когда вы вдругъ почувствуете себя второстепеннымъ, незамѣтнымъ, ненужнымъ. И въ первый же вечеръ, ложась спать, я тревожно задумался надъ тѣмъ, что можетъ случиться. Для меня было ясно: при встрѣчѣ со мною эти высокомѣрные гусары либо посмотрятъ на меня съ презрѣніемъ — пѣхотинецъ! — либо просто сдѣлаютъ видъ, что смотрятъ въ пустое мѣсто. Я не потерплю этого пренебреженія, вспыхну, задѣну ихъ, распѣтушусь и, чего добраго, полѣзу въ драку. Чортъ его знаетъ: можетъ быть обстоятельства такъ повернутся, что произойдетъ дуэль, а послѣ нея крѣпостное заключеніе! . .

2.

Совсѣмъ я разстроился и только подъ утро заснулъ. Всю ночь шагалъ по своей комнатѣ, безпрестанно ку-

рилъ и вздыхалъ, какъ самоубійца. Такъ пришло мнѣ въ голову рѣшеніе отказаться отъ парадированія на улицахъ, а посвятить свой досугъ хожденію въ гости. На утро осторожненько сдѣлалъ я рекогносцировку. И, подумайте: опять неудача! Вотъ чертовщина! Разсказала мнѣ сестра, что жена податного инспектора уже сама не своя отъ ротмистра, жена винокура тоже пристроилась, а про вдовушку и расказывать стыдилась, потому что у той такое совершается, что чертямъ тошно. Что подѣлаешь! Мѣста, стало быть, заняты. Да и гдѣ пѣхотинцу тягаться съ кавалеристомъ. Лобовой атакой беретъ. На всемъ скаку.

Окончательно я носъ повѣсилъ. Сразу осточертѣли мнѣ Валуйки, и отъ огорченія я на другую ночь нашу горничную соблазнилъ. Ей-Богу, больше отъ огорченія. «Вотъ тебѣ и парадъ всѣмъ частямъ», думаю. Стоило ли для этого въ чортовы Валуйки пріѣзжать, чтобы босоногую Аксюшку захороводить. И стыдно и обидно, а дѣла не поправишь. И сталъ я этихъ гусаръ заочно ненавидѣть. Такъ бы и устроилъ имъ какую-нибудь пакость, да только придумать не могъ. А мать быстро замѣтила мою мерехлюндію и все спрашиваетъ: «Ужъ не боленъ ли ты, Андрюшенька? Пошелъ бы лучше по городу прогуляться. Вѣдь тебя въ офицерской-то формѣ еще никто не видѣлъ». Ну, что ей скажешь! И вотъ вышелъ я однажды передъ вечеромъ, хожу какъ неприкаянный, да еще при этомъ пугливо осматриваюсь, какъ бы на гусаръ не напороться. Къ счастью, никого не встрѣтилъ. То ли они кутили, то ли со своими дамами заняты были, но ни одного не видѣлъ.

Осмѣлѣлъ я немного, вышелъ на площадь, а потомъ

вдругъ вспомнилъ, что въ гостиницѣ билліардъ имѣется. А я на билліардѣ здорово игралъ. Дай, думаю, покажу я имъ классъ. Ну, и зашелъ. А буфетчикъ старый знакомый былъ — отъ смущенія такъ и заерзалъ. «Ваше, говоритъ, благородіе, я бы вамъ не то, что билліардъ — всю гостиницу бы отдалъ, да никакъ не могу васъ сегодня уважитъ. Билліардъ-то у насъ вѣдь одинъ, а его г. офицеръ Удрисъ занялъ. И даже не играетъ, а просто одинъ себѣ упражняется. Да изволите ли видѣть, характеръ у нихъ такой упрямый, что никоимъ образомъ не уступитъ. И мнѣ на зло до полуночи такъ и проторчитъ». Тутъ у меня прямо кровь къ головѣ хлынула. Какъ это не уступитъ? Ахъ, ты елки зеленыя, распророждественскія! Опять гусаръ мнѣ поперекъ дороги сталъ? Нѣтъ, дудки! Дернулъ я дверь въ билліардную и пренаглѣйшимъ образомъ осматриваю этого Удриса съ ногъ до головы. И вижу я, что вовсе онъ не офицеръ, а лѣкаришка. Ты что же врешь! — громко говорю я буфетчику, чтобы Удрисъ слышалъ. Какой-же это офицеръ? Лѣкарь это, а не офицеръ. «Такъ точно, отвѣчаетъ буфетчикъ, это ветеринарный докторъ». Коновалъ, говорю, тѣмъ хуже для него. Такъ вотъ спроси-ка этого скотолѣчебника, долго ли онъ еще ерундитъ будетъ. И умышленно наглымъ тономъ говорю, прямо на скандалъ напрашиваюсь.

Вскинулъ руками испуганный буфетчикъ, захлопалъ глазами и кособокимъ манеромъ бросился къ Удрису. Слышу, какъ онъ за дверью деликатнѣйшимъ тономъ спрашиваетъ его, могу ли я разсчитывать сегодня поиграть на билліардѣ. И еще слышу, какъ Удрисъ грубо ему отвѣчаетъ: «Завтра пускай приходитъ съ утра». Ну, легко можете себѣ представить, какъ заклокотала

во мнѣ ярость. Толкнулъ я дверь, сталъ на порогѣ этакимъ Наполеономъ и съ трагической отчетливостью произношу: «Не угодно ли вамъ будетъ вашъ отвѣтъ повторить мнѣ въ глаза?» «Не угодно», отвѣчаетъ Удрисъ небрежно и даже не смотритъ на меня. Подхожу ближе и, отстегивая шашку, уже кричу: «Требую, чтобы вы повторили!» Удрисъ загоняетъ шаръ въ лузу, опирается на кій и невозмутимо говоритъ: «А вотъ не желаю отвѣчать».

3.

Точно, что было вслѣдъ за этимъ, сейчасъ не помню. Знаю только, что нѣсколько мгновеній спустя мы бѣшенно кружились по комнатѣ, цѣпко обхвативъ другъ друга и яростно теребя подбородками — каждый чужую спину. То я его опрокидывалъ на билліардъ, то онъ меня. Помню еще, какъ мы прижимали другъ друга къ стѣнѣ, сталкивались лбами, какъ пѣтухи отскакивали одинъ отъ другого, потомъ снова сходились въ злобномъ рычаніи. Сукно мундировъ трещало, подошвы суматошливо шаркали, полъ подъ нами скрипѣлъ. Въ лицѣ этого Удриса я видѣлъ передъ собой ненавистныхъ мнѣ гусаръ, и каждымъ толчкомъ, каждымъ ударомъ своимъ я вымѣщалъ на немъ злобу къ его товарищамъ по полку.

Буфетчикъ о чемъ-то насъ умолялъ и дергалъ за рукава. Какіе-то улыбавшіеся люди пытались насъ рознять, но наши грозные окрики отпугивали ихъ. А когда въ пылу схватки я вспомнилъ вдругъ объ офицерской чести и заоралъ, какъ оглашенный: «Вонъ отсюда, это наше частное дѣло!» — всѣ исчезли, какъ мы-

ши... Мы продолжали драться и дрались до полнаго изнеможенія. Силы наши, повидимому, были равны. Буфетчикъ, наблюдавшій за нами черезъ пріоткрытую дверь, уловилъ моментъ истощенія силъ у обоихъ и, никого не спрашивая, принесъ миску съ водой и полотенце. Маркеръ сдѣлалъ то же самое. Мы съ Удрисомъ искоса переглянулись и почти одновременно направились къ мискамъ. Мылись мы въ полной тишинѣ, не глядя другъ на друга. Вытирались такъ же. Я быстрѣе Удриса привелъ себя въ порядокъ и, ни слова не сказавъ, удалился. Мимо буфетчика я прошелъ, не поворачивая головы, гордымъ побѣдителемъ, точно церемоніальнымъ маршемъ. Но когда я очутился на улицѣ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, у меня явилась безпокойная мысль: «а не подумалъ ли Удрисъ, что я трусливо бѣжалъ съ поля сраженія?»

Тогда я вернулся къ подъѣзду, дождался Удриса и грубо толкнулъ его въ грудь. Мы снова сцѣпились. И снова закружились въ цѣпкихъ объятіяхъ, сталкивались лбами и пыхтѣли одинъ другому въ уши. Улица была пуста. Уже спустились сумерки. Нашего единоборства никто не видѣлъ. Но на этотъ разъ наша прыть изсякла гораздо быстрѣе и, случайно свалившись на деревянный тротуаръ, ни я, ни Удрисъ больше не нашли въ себѣ силъ продолжать драку. Маленькая подробность: чтобы отыскать на землѣ свою упавшую фуражку, я долженъ былъ зажечь спичку. У Удриса спичекъ не было, и я зажегъ вторую, спеціально для него. Онъ недовольно проворчалъ «благодарю». Въ отвѣтъ я лихо козырнулъ ему и не знаю почему почувствовалъ себя въ какомъ-то пріятномъ преимуществѣ передъ нимъ.

4.

Я вернулся домой въ полномъ упадкѣ силъ, перепачканный, мокрый отъ пота, съ разошедшимися швами мундира. Показываться въ такомъ видѣ своимъ старикамъ и сестрѣ было невозможно. Да и какъ объяснить, что произошло! Я незамѣтно прокрался къ себѣ въ комнату, вызвалъ Аксюшку и приказалъ ей принести полстакана водки. Выпилъ и быстро заснулъ.

Весь слѣдующій день я провалялся въ саду съ книгой, ссылаясь на головную боль. Тѣло мое ныло. Ослабѣвшія ноги дрожали. Я былъ блѣденъ, точно меня всю ночь сосали пьявки. Мать охала, суетилась, бросала на меня очень подозрительные взгляды и настаивала на приглашеніи врача. Я искусственно смѣялся ей въ отвѣтъ и, чтобы хоть какъ-нибудь успокоить старушку, сдѣлалъ надъ собой усиліе и съѣлъ двѣ тарелки борща, двойную порцію жаркого и выпилъ полграфина водки. Это дало мнѣ право снова лечь и спать непробудно.

Но кромѣ физическаго, и моральное мое самочувствіе было отвратительное. Я положительно не зналъ, какъ мнѣ самому отнестись къ своему поступку и что предпринять дальше. Вѣдь я нисколько не сомнѣвался въ томъ, что о дракѣ узнаетъ весь городишко, а стало быть узнаютъ и родители. Уѣхать? Это означало бы позорно проявить свое малодушіе. Остаться? Это значитъ стать притчей во языцѣхъ. Я былъ въ полномъ отчаяніи и, чтобы заглушить его, я въ десятомъ часу вечера пробрался въ садъ нашего сосѣда дьякона, изловилъ тамъ его дочь епархіалку и въ темной бесѣдкѣ два часа уговаривалъ ее перестать быть дѣвушкой. Она

не уступила мнѣ, и эта неудача еще болѣе усилила мое отчаяніе. Не везетъ! Что дѣлать дальше? Какъ поступить? Въ такія минуты, какъ извѣстно, прокрадывается мысль о спасительномъ чудѣ. Такимъ чудомъ могло явиться для меня землетрясеніе, пожаръ, звѣрское убійство — чтобы обо мнѣ совершенно забыли и перестали говорить. И представьте себѣ: чудо произошло! . . На третій день въ одиннадцать часовъ утра является ко мнѣ не кто другой, какъ Удрисъ, въ полной парадной формѣ, щелкаетъ каблуками, звякаетъ шпорами и торжественно заявляетъ:

— Я пришелъ извиниться передъ вами.

Я настежь раскрываю глаза и, какъ говорится, не вѣрю своимъ ушамъ.

— Дѣло въ томъ, — смущенно объясняетъ Удрисъ, — что мнѣ не было извѣстно одно очень важное обстоятельство.

Я молчу, жду и ничего не понимаю.

— Мнѣ не было извѣстно, что вы братъ Вѣры Владимировны. А между тѣмъ я въ нее серьезно влюбленъ.

Ошарашенный я дѣлаю шагъ впередъ, мгновеніе колеблюсь, а затѣмъ въ молодомъ телячьемъ восторгѣ хватаю Удриса за руки, сумасшедше трясу ихъ и отъ радости балдѣю. Я смотрю на Удриса, какъ на своего спасителя, болтаю всякій вздоръ, и, само собой разумѣется, дѣло заканчивается скоропалительнымъ завтракомъ, съ обильной выпивкой, причемъ женихомъ чувствуетъ себя не Удрисъ, а я. Мать и отецъ, конечно, ничего не понимаютъ, сестра, повидимому, догадывается, а Удрисъ, взволнованный и красный, какъ пі-

онъ теряетъ даръ рѣчи и блаженно смотритъ на меня, какъ на своего лучшаго друга.

Но этого мало. Передъ вечеромъ мы намѣренно отправляемся съ Удрисомъ въ злополучную гостиницу и, къ изумленію буфетчика и всѣхъ присутствующихъ, дружески опорожняемъ баттарею бутылокъ, пьемъ на брудершафтъ, горланимъ, а затѣмъ играемъ на билліардѣ. . . Изъ гостиницы мы выходимъ въ обнимку, всѣ на насъ смотрятъ недоумѣвающими глазами. Я счастливъ и заранѣе лукаво торжествую, потому что напередъ знаю, что завтра весь городъ будетъ сбитъ съ толку, но скорѣе всего изъ за этой исторіи, которая могла бы меня опозорить, я выйду побѣдителемъ, въ ореолѣ благороднаго брата, заступившагося за честь своей сестры. Такъ оно и случилось. Признаться, этого вывода я не сталъ опровергать, тѣмъ болѣе, что скоро должна была состояться свадьба.

5.

Это было двадцать семь лѣтъ тому назадъ. Двадцать семь. Какъ видите, у меня сейчасъ сѣдые волосы, я считаюсь солиднымъ человѣкомъ и дѣтей своихъ держу въ большой строгости. Жизнь въ эмиграціи сдѣлала меня хмурымъ, трезвымъ, и, кажется, я разучился смѣяться. И все же я описываю вамъ этотъ эпизодъ своей жизни безъ всякаго смущенія и не стыдясь рѣшительно ничего. Напротивъ. Я вспоминаю объ этой мальчишеской выходкѣ даже съ нѣжнымъ чувствомъ и почти увѣренъ, что и вы не рѣшитесь осудить юнаго подпоручика, который вѣроятно и вамъ напомнилъ что-нибудь соотвѣтствующее изъ вашей молодости. Развѣ не такъ?»

ПОПУГАЙ

Гвардіи майоръ Шебякинъ состоялъ въ числѣ русскихъ войскъ, вступившихъ въ 1814 г. въ Парижъ. Онъ былъ свидѣтелемъ выдающагося событія міровой исторіи, — отреченія Наполеона въ Фонтенебло — но въ эти сумасшедшіе весенніе дни, когда вновь перекраивалась карта Европы, мысли Шебякина были поглощены совершенно другими вещами.

Майоръ до безумія любилъ пѣвчихъ птицъ. Однако, до сихъ поръ, онъ питалъ нѣжную страсть къ канарейкамъ, жуланамъ, славкамъ и дроздамъ-пересмѣшникамъ, которые заполняли всю его квартиру неумолкаемымъ пѣніемъ. А когда увидѣлъ въ одной лавченкѣ на лѣвомъ берегу Сены садокъ съ птицами чужеземными, Шебякинъ совсѣмъ потерялъ спокойствіе, и о Наполеонѣ думалъ меньше всего. Что ему было до Наполеона, когда въ лавченкѣ оказались астрильды, тангары, амадины,, доминиканскіе вьюрки, кардиналы и рисоѣды, чье пестрое опереніе сверкало, какъ мозаика. Убѣдительно казалось, что для этихъ

заморскихъ птицъ природа въ неудержимомъ расточительствѣ своёмъ расщедрилась до безумія, — отдавъ имъ цѣликомъ все свое красочное великолѣпіе.

Шебякинъ накупилъ столько птицъ, что у него едва хватило денегъ на двѣ эротическія гравюры и на два фунта кнастера, до котораго онъ также былъ большой охотникъ. Впрочемъ, въ послѣдній день передъ выступленіемъ въ обратный походъ, когда изъ полковой кассы было выдано жалованіе, онъ еще успѣлъ пріобрѣсти перуанскаго попугая.

Эта птица, надо замѣтить, плѣнила майора не столько своимъ яркимъ опереніемъ, сколько искусствомъ четко выкрикивать: «Vive l'Empereur». Или ужъ лучше сказать всю правду. Изъ симпатіи къ тароватому русскому офицеру продавецъ по секрету раскрылъ передъ нимъ одну забавную подробность: стоило попугая слегка раздразнить, какъ въ необузданной ярости онъ начиналъ выкрикивать все то, чему его обучали до того. И послѣ «Vive l'Empereur!» попугай возвращался къ лозунгамъ минувшихъ дней, когда весь французскій народъ, а вмѣстѣ съ нимъ и попугай, неистово орали — «Да здравствуетъ Наполеонъ!» и «Да здравствуетъ Директорія!»

Гвардіи майоръ Шебякинъ отъ удовольствія прищелкнулъ языкомъ и, не торгуясь, присоединилъ ученаго попугая къ своей замѣчательной коллекціи.

*

Отрядъ Шебякина еще не успѣлъ дойти до Берлина, какъ астрильды, амадины и доминиканскіе вьюрки скоропоспѣшно передохли. Должно быть ихъ уби-

ла рѣзкая перемѣна климата и невзгодливыя неудобства походной жизни, когда не всегда можно было достать птичій провіантъ. Тревожно взъерошились и остальныя птицы, что свидѣтельствовало объ ихъ болѣзненномъ самочувствіи.

Майоръ впалъ въ отчаяніе. И хотя по міровоззрѣнію своему онъ былъ почти что вольтерьянецъ, усердно проштудировавъ книгу Жанъ-Жака «Новая Элоиза», но въ печали объ участи птицъ онъ готовъ былъ отслужить за нихъ молебенъ о здравіи. Возможно даже, что онъ это сдѣлалъ, и возможно, пожалуй, что молебенъ дѣйствительно помогъ, потому что изъ осьмнадцати купленныхъ имъ въ Парижѣ птицъ четыре экземпляра въ полномъ благополучіи прибыли въ Петербургъ и были размѣщены въ роскошныхъ клѣткахъ, купленныхъ у одного нѣмца на Васильевскомъ острову.

Майоръ Шебякинъ вскорѣ послѣ этого вышелъ въ отставку и переѣхалъ на жительство въ свое имѣніе въ Новгородской губерніи. Тутъ ужъ онъ всецѣло посвятилъ себя неугасимой страсти и соорудилъ для своихъ 60-ти пернатыхъ любимцевъ маленькій птичій дворецъ, внутри котораго были устроены оранжереи, бассейны и даже тропическіе ландшафты, дабы нѣкоторыя изъ экзотическихъ птицъ чувствовали себя совсѣмъ какъ дома. А когда къ Шебякину пріѣзжали гости, онъ съ лукавымъ видомъ выносилъ перуанскаго попугая и, раздразнивъ его кускомъ сахара, извлекалъ изъ его памяти старые и уже всѣми позабытые выкрики:

— Да здравствуетъ Наполеонъ! Да здравствуетъ Директорія!

Гости ржали, какъ застоявшіяся лошади.

Но однажды попугай немало удивилъ самого хозяина. Охваченный яростью нетерпѣнія, попугай раскачался на жердочкѣ и, не спуская жадныхъ своихъ глазъ съ протянутаго сахара, три раза прокричалъ:

— Да здравствуетъ республика!

Это случилось уже въ царствованіе Николая I, вскорѣ послѣ заговора декабристовъ. Гости смутились. Шебякинъ сдѣлалъ видъ, что и онъ сильно возмущенъ мятежнымъ возгласомъ глупой птицы и вслухъ пригрозилъ ей оторвать голову. Но въ нѣжной душѣ своей ощутилъ пламенный восторгъ и мысленно обозвалъ своего любимца «двукрылымъ декабристомъ».

*

Наслѣдники Шебякина — сестра и племянникъ — презрительно отнеслись къ безполезнымъ птицамъ и черезъ два мѣсяца послѣ его смерти раздарили ихъ сосѣдямъ. Къ тому же и птичій дворецъ пришелъ въ окончательную ветхость. Но попугая оставили у себя.

Однако, и онъ пробылъ здѣсь не долго. Раздражительной старухѣ наскучили неустанные крики безпокойной птицы, которая, какъ видно, всячески домогалась привлечь вниманіе своей равнодушной хозяйки. Попугай былъ обмѣненъ на двухъ породистыхъ поросятъ.

Избалованная птица кратковременно пробыла и у новаго владѣльца, отъ него попала къ другому, къ третьему, а затѣмъ стала переходить изъ рукъ въ руки. Такъ миновалъ длинный рядъ неспокойныхъ годовъ, смѣнялись царствованія, снова перекраивалась карта Европы, а двукрылый современникъ француз-

скихъ санкюлотовъ все еще жилъ, ибо попугаевъ вѣкъ дологъ. И въ полномъ благополучіи дожилъ попугай до революціи русской.

Тутъ, собственно, онъ долженъ былъ неминуемо погибнуть изъ-за братоубійственной смуты, изъ-за непорядка, изъ-за отсутствія корма. Гдѣ тамъ было достать конопляннаго сѣмени или сахару, когда даже люди питались овсомъ! Но попугаю посчастливилось: онъ попалъ въ семью коммуниста, да еще такого, который вѣдалъ въ уѣздѣ продовольственнымъ дѣломъ.

Въ комнатахъ новаго хозяина было тепло, какъ въ оранжереѣ, кормъ доставлялся первосортный; отношеніе прислуги было подобострастное. Правда, въ первый моментъ партійный коммунистъ нѣсколько растерялся. Развязный выкрикъ «Да здравствуетъ императоръ!» никоимъ образомъ не соотвѣтствовалъ дѣйствительному положенію вещей и звучалъ дерзко. Но коммунистъ пораздумалъ и, лукаво улыбнувшись, сказалъ своей женѣ:

— А мы ему перемѣнимъ его старую идеологію. Вотъ и все. Попугай — птица умная. Онъ приспособится.

И подразнивая его большимъ кускомъ сахара, онъ быстро научилъ попугая выкрикивать то, что насущно требовалось обстоятельствами новой эпохи. Ровно черезъ недѣлю по всѣмъ комнатамъ громко раздавалась крикливая трескотня:

— Да здравствуетъ Ленинъ! Да здравствуетъ Ленинъ!

Тѣмъ самымъ была прочно утверждена политическая благонадежность попугая для новаго строя. Возможно, пожалуй что и самъ попугай почувствовалъ

явную несвоевременность своего прежняго выкрика, и объ императорѣ больше никогда не упоминалъ.

*

Праздновалъ коммунистъ день своего рожденія. Гостей пришло много. Выпито было тоже не мало. Кто-то изъ сильно охмелѣвшихъ, въ благодушіи пьянаго равенства, которое не терпитъ среди присутствующихъ ни одного трезваго, налилъ въ чашечку попугая сладкаго ликера и насильно обмокнулъ въ него клювъ полусонной птицы.

Попугай съ явнымъ наслажденіемъ выцѣдилъ весь ликеръ, аккуратно почистилъ клювъ и сразу охмелѣлъ. Онъ взъерошилъ свои пестрыя перья, бѣшено раскачался на жердочкѣ и — вдругъ, распластавъ крылья, въ пьяномъ безудержномъ восторгѣ прокричалъ все то, что ему внѣдряли въ голову въ продолженіи 150-лѣтъ. И въ обратной послѣдовательности человѣческаго непостоянства перуанскій попугай съ веселымъ торжествомъ перечислилъ всѣ недолговѣчные лозунги, изъ-за которыхъ на землѣ было пролито такъ много крови:

— Да здравствуетъ Ленинъ! Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ Наполеонъ! Да здравствуетъ Директорія! Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ Дантонъ! Да здравствуетъ король!

Произошло смущенное замѣшательство. Наступило тревожно-неловкое молчаніе, которое рѣзко перебилось чьимъ-то злораднымъ хихиканьемъ.

Тогда хозяинъ дома, чтобы очистить себя въ глазахъ гостей, среди которыхъ были его враги, завист-

ники и подсиживатели, съ дѣланной злобой закричалъ на попугая:

— Ахъ, ты, сволочь контръ-революцiонная! За такой винегретъ въ твоей идеологiи мы тебѣ сейчасъ голову сорвемъ.

Но тутъ вмѣшалась жена хозяина, и, заслонивъ попугая своей круглой спиной, возмущенно огрызнулась:

— Ну, чего тамъ! Птицу ни за что не позволю трогать! А ежели бы ты самъ прожилъ на свѣтѣ, сколько она, то и у тебя въ головѣ былъ бы тотъ же винегретъ. Ступай на свое мѣсто, пьяный дуракъ!

НОВОГОДНЕЕ РАЗВЛЕЧЕНІЕ

Джонъ Моккей жилъ въ Берлинѣ свыше десяти лѣтъ. Англійская торговая фирма, которую онъ представительствовалъ въ Германіи, очень дорожила его связями и была довольна, что онъ не заикается ни о какихъ перемѣнахъ и соглашается оставаться въ Берлинѣ. Велъ онъ жизнь на рѣдкость монотонную и довольно скучную. Упорный холостякъ, онъ въ то же время не искалъ знакомствъ, довольствуясь маленькимъ кругомъ друзей, съ которыми зимой игралъ на билліардѣ, а лѣтомъ въ теннисъ.

Его считали очень порядочнымъ человѣкомъ, очень корректнымъ, но и очень безцвѣтнымъ. Вотъ почему всѣ неописуемо были поражены, когда стало извѣстно, что этотъ тихій, молчаливый и ординарный человѣкъ способенъ на экстравагантность.

Оказалось, что разъ въ годъ мистеръ Моккей живетъ другой жизнью, и происходитъ это уже нѣсколько лѣтъ подрядъ. Въ канунъ Новаго Года, часовъ въ пять вечера Моккей обычно отправляется въ бѣднѣй-

шую и унылую часть города, къ Силезскому вокзалу, и у витрины галантерейнаго или обувного магазина выискиваетъ какую-нибудь Золушку, бѣдно одѣтое, несчастное существо, съ завистью разглядывающее дамскіе наряды или ботинки, — и осторожно вступаетъ съ ней въ бесѣду. Съ самаго начала онъ даетъ дѣвушкѣ понять, что у него рѣшительно нѣтъ никакихъ дурныхъ плановъ относительно нея, что онъ просто томится одиночествомъ и что приближеніе Сильвестровой ночи, когда кругомъ все ликуетъ и безчинствуетъ, еще сильнѣе заставляетъ его чувствовать свое одиночество.

Его выслушиваютъ недовѣрчиво-косоглазо, съ нескрываемымъ намѣреніемъ немедленно отойти отъ него, но рѣдко кто можетъ противостоять его неподдѣльной искренности и подлинной застѣнчивости. Къ тому же онъ вѣжливъ и хорошо одѣтъ. Не малую роль въ возникающемъ интересѣ къ странному незнакомцу играетъ и то обстоятельство, что онъ иностранецъ. Вѣдь иностранцы всегда рисуются чудаками!

И тогда обычно происходитъ слѣдующее. Слушательница, набравшись храбрости, не безъ горечи въ улыбкѣ указываетъ ему на свой убогій нарядъ и говоритъ:

— Вамъ придется поискать какую нибудь другую. Болѣе прилично одѣтую, чѣмъ я.

— О, это совершеннѣйшіе пустяки! — заявляетъ Моккей, только этого и ожидавшій. — Это совершенно не важно. Вамъ достаточно привести себя немного въ порядокъ, и вы не уступите любой дамѣ изъ Вестена.

Дѣвушка недовѣрчиво качаетъ головой.

— Въ концѣ концовъ, — продолжаетъ Моккей, — я вѣдь не предлагаю вамъ отправиться на балъ пословъ. Мы заглянемъ въ какой-нибудь ресторанъ по вашему выбору, поужинаемъ, выпьемъ по бокалу шампанскаго въ честь папы Сильвестра, а затѣмъ побродимъ по ликующему Берлину. Больше ничего.

— Я не подхожу къ вамъ, — печально роняетъ дѣвушка.

— Рѣчь идетъ, повидимому, только о мелочахъ, — подхватываетъ Моккей. — Въ такомъ случаѣ, позвольте взять это на себя. До моего появленія вы разглядывали витрину обувного магазина. Очевидно, у васъ плоховато обстоитъ съ туфлями. Вотъ вамъ двадцать марокъ, купите себѣ туфли и въ придачу къ нимъ пару чулокъ.

Дѣвушка нерѣшительно пожимаетъ плечами. Она борется сама съ собой.

— Это такъ странно, — говоритъ она и въ то же время украдкой бросаетъ взглядъ на лакированныя туфли въ витринѣ, рядомъ съ которыми лежитъ ярлыкъ съ указаніемъ подходящей цѣны: 14 марокъ.

— Ничего страннаго! — улыбается Моккей. — Сегодня все необычно. Всю ночь никто не спитъ. На улицахъ будутъ мелькать карнавальныя маски. Вотъ и мы съ вами устроимъ карнавалъ для самихъ себя. Не теряйте же времени.

Дѣвушка смущенно беретъ деньги и неуклюже исчезаетъ.

Но когда она выходитъ изъ магазина съ пакетомъ въ рукахъ, у нея на лицѣ еще большее смущеніе, чѣмъ было раньше. Тамъ, въ магазинѣ, во время примѣрки туфель, въ спокойно-дѣловой сосредоточенности, она

сообразила, что лакированныя туфли очень мало помогутъ ея неприглядному туалету, состоящему изъ скромнаго зеленаго платья. По многолѣтнему опыту Моккей догадывается въ чемъ дѣло. Онъ быстро суетъ ей въ руку еще десять марокъ и торопливо говоритъ:

— Ну, а теперь купите себѣ еще что-нибудь — кружевной воротничекъ, поясъ или перчатки. Вы лучше меня знаете, чего вамъ недостаетъ. И я васъ покидаю, чтобы встрѣтиться съ вами въ половинѣ одиннадцатаго на вокзалѣ у Зоологическаго сада подъ часами. Идетъ?

Дѣвушка не находитъ словъ, да и Моккей не ждетъ ихъ. Сдѣлка совершена. Вихрь радостнаго безумія уже вѣетъ въ глазахъ дѣвушки. Она пьяна отъ радости, отъ свалившагося на нее чуда, отъ предвкушенія занимательной неожиданности.

Моккей весело пожимаетъ ей руку, еще разъ называетъ мѣсто свиданія, которое произойдетъ черезъ пять часовъ, и удаляется. Но, конечно, онъ не уходитъ далеко, потому что вовсе не желаетъ отказать себѣ въ удовольствіи наблюдать за проявленіемъ бурной радости. Шутка ли — внезапно осчастливить жалкое, несчастное существо! Съ противоположнаго тротуара, изъ темноты, онъ слѣдитъ за ней и видитъ, какъ она мечется взадъ и впередъ, жадными глазами выискивая въ витринахъ украшенія — для своего платья, для лица, для волосъ. Скоро закроются магазины. Надо поспѣшить. Въ аптекарскомъ складѣ торопливо покупаетъ она пудру и шампунь для мытья волосъ. Въ галантерейномъ — бѣлый кружевной воротничекъ и нѣчто похожее на ожерелье изъ рубиновъ. Изъ всѣхъ

этихъ мелочей создается ея счастье на одну ночь, ея чудесный праздникъ, котораго она не забудетъ никогда.

Въ десять съ половиной они встрѣчаются. Моккей изысканно одѣтый, во фракѣ, съ цвѣтами въ рукахъ, подноситъ ей флакончикъ хорошихъ духовъ. Ну, разумѣется, глаза ея горятъ. Щеки тоже. Право, за эти нѣсколько часовъ она похорошѣла. И когда онъ беретъ ее подъ руку, она прижимается къ нему такъ довѣрчиво, точно они давно-давно знакомы.

Такъ проходитъ ночь — въ сладкомъ туманѣ, черезъ который весь міръ кажется чудесно преображеннымъ и прекраснымъ, какъ никогда.

Разсказавъ объ этихъ ежегодныхъ своихъ приключеніяхъ, Моккей добавилъ:

— Согласитесь, господа, что не такъ ужъ часто мы встрѣчаемъ счастливыхъ людей, особенно такихъ, которыхъ мы сами сдѣлали счастливыми. И мнѣ страшно пріятно сознавать, что я каждый годъ дѣлаю счастливой одну несчастную и ничѣмъ это счастье не омрачаю.

— И послѣ этой ночи вы больше никогда не встрѣчаетесь? — спросилъ кто-то изъ слушателей.

— Никогда! — гордо отвѣтилъ Джонъ Моккей. — Я считаю, что такъ лучше.

Приближался Новый Годъ. Моккей, предвушая новую встрѣчу, радостно готовился къ ней. Готовились къ ней и его друзья.

Дѣло въ томъ, что имъ пришла въ голову мальчишеская идея разыграть его по всѣмъ правиламъ плутовской комедіи, при чемъ одинъ изъ нихъ, фильмовый режиссеръ Крэгъ детальнѣйшимъ образомъ раз-

работалъ сценарій предстоящей продѣлки. Для этого онъ уговорился съ одной начинающей фильмовой актрисой Анни Кафъ, что она сыграетъ роль несчастной Золушки, а у Моккея онъ выпросилъ позволенія сопровождать его къ Силезскому вокзалу и издали наблюдать за его переговорами съ незнакомой дѣвушкой. Англичанинъ поупрямился немного, но тѣмъ не менѣе согласился.

Все было разыграно, какъ по нотамъ. Анни Кафъ, въ стоптанныхъ ботинкахъ, продрогшая, жалкая, уныло стояла передъ витриной и съ горечью въ глазахъ разглядывала выставленныя туфли. Моккей заговорилъ съ ней. Анни окинула его испуганнымъ взглядомъ и отшатнулась. Моккей сталъ произносить свой монологъ. Не глядя на говорившаго, Анни слушала его внимательно, временами бросая на него недовѣрчивые взгляды. И вдругъ, словно набравшись смѣлости, она улыбнулась и печально замѣтила:

— Я бы охотно побродила съ вами, но вы очевидно недостаточно хорошо разглядѣли меня. Такая скверно одѣтая спутница, какъ я, врядъ ли подходитъ къ вамъ.

— Рѣчь идетъ, повидимому, только о пустякахъ, — подхватилъ Моккей, довольный, что онъ такъ легко и быстро добрался до рѣшающаго пункта діалога и слѣдовательно быстро можетъ показать наблюдающему за нимъ Крэгу свое искусство ловца человѣковъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте это взять на себя. Вы разглядывали эту витрину — очевидно у васъ плоховато обстоитъ съ обувью. Вотъ вамъ двадцать марокъ, купите себѣ туфли, а въ придачу къ нимъ пару чулокъ.

Дальнѣйшую сцену Анни провела отлично. Она убѣдительно показала, какъ въ ней мучительно борются страхъ и желаніе развлечься. Умоляющими глазами она смотрѣла на Моккея, точно хотѣла сказать ему: «Зачѣмъ ты искушаешь меня, безжалостный незнакомецъ! Ну, конечно, и мнѣ хотѣлось бы принять участіе въ празднованіи Сильвестровой ночи, презназначенной для всѣхъ, а не только для избранныхъ. Но я до ужаса боюсь и тебя и твоего предложенія, которое, пожалуй, таитъ въ себѣ злую западню».

Моккей еще ни разу не видѣлъ такого умоляющаго взгляда и просіялъ отъ удовольствія. Всѣ прежнія не проявляли такой нерѣшительности и были уступчивѣе. Тѣмъ ощутительнѣе стало быть будетъ побѣда.

— Не теряйте времени, — настаивалъ Моккей. — Черезъ полчаса магазины закроются.

— Но это такъ странно... — пробормотала Анни фразу изъ сценарія, составленнаго для нея Крэгомъ.

— Ничего страннаго, — сказалъ Моккей. — Сегодня все необычно. Всю ночь никто не спитъ. На улицахъ будутъ мелькать карнавальныя маски. Вотъ и мы съ вами устроимъ карнавалъ для самихъ себя.

И чтобы сократить переговоры, онъ нарушилъ давно заведенный порядокъ и добавилъ къ прежнимъ двадцати маркамъ еще двадцать, торопливо замѣтивъ:

— Купите все, чего вамъ не хватаетъ, и къ половинѣ одиннадцатаго ждите меня на вокзалѣ у Зоологическаго сада подъ часами.

Точно околдованная Анни взяла деньги, повертѣла ихъ въ рукахъ и смущенно замѣтила:

— Я только боюсь, что мое общество окажется для васъ...

Но Моккей уже не слушалъ ее. Онъ еще разъ назвалъ мѣсто встрѣчи, попрощался и пошелъ разыскивать Крэга, чтобы щегольнуть передъ нимъ быстротой своей побѣды.

— Поразительно! — сказалъ Крэгъ. — Признаюсь, я не думалъ, что вамъ такъ легко удастся ее убѣдить. Но увѣрены ли вы, что, получивъ отъ васъ деньги, она придетъ на свиданіе? А не раздумаетъ ли она? И не побѣжитъ ли она къ другому?

— Нѣтъ, — убѣжденно произнесъ Моккей. — Необычность больше всего плѣняетъ людей, особенно женщинъ. Потому что въ каждомъ изъ насъ сидитъ романтикъ.

— Вы меня восхищаете! — сказалъ Крэгъ и усмѣхнулся.

Онъ усмѣхнулся потому, что какъ разъ на этомъ романтизмѣ онъ и строилъ свою ловушку для Моккея. Молодой актрисѣ онъ преподалъ слѣдующую инструкцію:

— Растите на его глазахъ. Пусть онъ думаетъ, что изъ простой дѣвушки съ окраины Берлина онъ создаетъ свѣтскую женщину, вчера еще не знавшую, какъ обращаться съ ножомъ и вилкой. Сначала обнаружьте свою неуклюжесть, а затѣмъ проявите непринужденность въ движеніяхъ. Главное же — наглядно покажите, что у васъ отъ восторга закружилась голова и что Моккей покорилъ васъ.

Анни Кафъ выполнила это блестяще. Уже во время ужина она проявила свою переимчивость и, присматриваясь къ сосѣднимъ столикамъ, повторяла жесты другихъ дамъ. Ея замѣчанія были сдержанно-осторожны. Во время веселыхъ странствій изъ кабачка въ ка-

бачекъ она вела себя скромно и каждый разъ бросала на Моккея вопрошающій взглядъ, какъ бы спрашивавшій его, доволенъ ли онъ ея обществомъ. Онъ дѣйствительно былъ доволенъ.

А Крэгъ — онъ находился тутъ же вмѣстѣ съ другими заговорщиками — въ то же время дѣйствовалъ на Моккея другимъ образомъ: онъ пытался вызвать въ немъ ревность.

— Эта дѣвченка мнѣ очень нравится, — тихо сказалъ онъ англичанину. — Въ ней есть что-то подкупающее, и я берусь сдѣлать изъ нея фильмовую актрису.

Моккею это не понравилось. Фильмовому режиссеру ничего не стоитъ вскружить голову несчастной дѣвушкѣ, и ясно, что прежде, чѣмъ она дойдетъ до экрана, ей придется побывать въ чужихъ постеляхъ. Улучивъ моментъ, онъ предусмотрительно сказалъ Анни:

— Будьте осторожны съ Крэгомъ. Онъ очень легкомысленный человѣкъ. Не поддавайтесь его обѣщаніямъ и совѣтамъ.

— Вамъ не надо предупреждать меня, — отвѣтила Анни. — Г. Крэгъ мнѣ и безъ того не нравится.

Веселая Сильвестрова ночь кончилась для нихъ въ шестомъ часу утра. Провожая Анни до вокзала, Моккей, вторично нарушая заведенный порядокъ, сказалъ:

— Я надѣюсь, эта встрѣча не будетъ послѣдней. Не хотите ли завтра въ кино?

— Вы такъ любезны, — растерянно бормотала Анни, — что я не нахожу словъ благодарности. Такого, какъ вы, я еще никогда не встрѣчала. И даже не думала, что бываютъ такіе. . .

Крэгъ оказался правъ. Моккей дѣйствительно сталъ смотрѣть на себя, какъ на новаго Пигмаліона, создавшаго Галатею по своему вкусу. Онъ съ восторгомъ убѣждался, что дѣвушка изъ грязнаго предмѣстья быстро растетъ на его глазахъ, что у нея развивается вкусъ и появляются хорошія манеры. Неописуемое удовольствіе доставила ему ея просьба рекомендовать ей книги для чтенія и еще большее удовольствіе онъ испыталъ, услышавъ и неглупыя сужденія о нихъ. И черезъ двѣ недѣли послѣ первой встрѣчи онъ почувствовалъ, что серьезно увлеченъ ею и что хотѣлъ бы имѣть ее подлѣ себя и вмѣстѣ съ нею переживать радость познанія открывшагося передъ ней новаго міра. Обдумавъ хорошенько, онъ рѣшилъ, что лучшей жены, т. е. болѣе покорной, нетребовательной и благодарной онъ не найдетъ, и три недѣли спустя женился на ней, не посвятивъ въ это никого изъ своихъ друзей.

Какимъ образомъ Крэгъ провѣдалъ объ этомъ, Моккей узналъ позже, но въ тотъ день, когда фильмовый режиссеръ позвонилъ къ нему по телефону и съ возмущеніемъ въ голосѣ упрекнулъ его за нетоварищескую скрытность, — Моккей почувствовалъ себя вынужденнымъ позвать всѣхъ друзей, чтобы отпраздновать бракъ.

Это была очень милая, дружеская пирушка. Друзья были вполнѣ тактичны, и ни однимъ словомъ не позволили себѣ коснуться той необычности, которая соединила совершенно разныхъ по своему положенію людей. Моккей оцѣнилъ это.

И только подъ самый конецъ, когда выпитое вино слегка затуманило головы и ослабило пружины сдер-

жанности, фильмовый режиссеръ Крэгъ фамильярно взялъ Анни за руку и, насмѣшливо прищуривъ глаза, воскликнулъ:

— А теперь признайся, Анни, что еще полтора года назадъ я говорилъ, что изъ тебя выйдетъ отличная актриса!

Всѣ замолчали. Моккей поблѣднѣлъ и широко раскрытыми глазами посмотрѣлъ на жену. Она блаженно улыбалась.

— Ахъ, вотъ что! — послѣ минутной паузы, какъ ни въ чемъ не бывало, произнесъ Моккей. — Вы стало быть уже давно знакомы!

— Сценарій былъ мой! — гордо сказалъ Крэгъ.

* *
*

Два дня спустя, Моккей явился домой ранѣе обычнаго, когда Анни еще не вернулась, взялъ съ собой наканунѣ уложенные чемоданы, и незамѣтно вынесъ ихъ на улицу. Тамъ онъ сѣлъ въ такси, поѣхалъ на вокзалъ, а оттуда прямо въ Англію, чтобы никогда больше не возвращаться въ Берлинъ, гдѣ онъ такъ жестоко поплатился за свои романтическія иллюзіи.

ИСПОВѢДЬ

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ меня познакомили въ Берлинѣ съ человѣкомъ, только что прибѣжавшимъ изъ Соловковъ. На немъ еще лежала печать недавняго плѣнника, и я естественно смотрѣлъ на него, какъ на рѣдкаго героя, какъ на чудо, и заранѣе предвкушалъ наслажденіе услышать изъ его устъ страшную повѣсть заживо-погребеннаго, который необычнымъ усиліемъ воли вынесъ себя изъ могилы. Но меня ждало разочарованіе.

Моя профессія, очевидно, вспугнула соловчанина, и онъ ни за что не хотѣлъ подѣлиться со мною своими воспоминаніями, признавшись, что самъ собирается написать книгу подъ названіемъ «Семь лѣтъ».

Я отдалъ должное его ревнивымъ опасеніямъ и не задалъ ему ни одного вопроса, касавшагося его трагическихъ приключеній. Но очевидно у него самого было сильное желаніе говорить (а пожалуй, ему просто захотѣлось хоть чѣмъ-нибудь удовлетворить мое плохо скрываемое любопытство), и онъ подробно разска-

залъ мнѣ, какъ начались его мытарства. И простодушно объяснилъ:

— Объ этомъ я не собираюсь писать. И если хотите, можете воспользоваться этимъ, чтобы показать, какъ развратилась Россія.

Долженъ, однако, сказать, что романтическая исторія, послужившая вступленіемъ къ его многолѣтнему хожденію по мукамъ, меня очень мало увлекла. Скажу даже, что она прозвучала пошловато. Рѣчь шла о близкой ему женщинѣ, которая въ какой-то провинціальной ревности, въ припадкѣ истеріи — изъ-за обѣщаннаго флакона духовъ — донесла на него въ Чека, что онъ бывшій офицеръ добровольческой арміи. Его арестовали. Но онъ бѣжалъ. Скрывался. Нѣсколько разъ мѣнялъ имя. И наконецъ, угодилъ на Соловки. Такъ началась для него жизнь обреченнаго, которая должна была закончиться въ болотахъ Сѣвера и которую онъ собирался описать.

Центральной фигурой его разсказа была, повторяю, ревнивая, взбалмошная женщина, обиженная тѣмъ, что обѣщанный флаконъ французскихъ духовъ достался не ей.

Я выслушалъ эту повѣсть не безъ смущенія и, признаться, пожалѣлъ о потраченномъ вечерѣ, А книга его, насколько мнѣ извѣстно, въ печати не появилась.

Такъ я и пересталъ думать о немъ.

*

За послѣднее время я иногда получаю отъ одного русскаго издательства нетрудную работу — читать манускрипты и давать имъ свою оцѣнку. И вотъ какъ-то

я получилъ объемистую рукопись романа съ непремѣннымъ условіемъ быстро прочесть его, потому что авторъ, пріѣхавшій изъ Румыніи, ждетъ немедленнаго отвѣта.

Я добросовѣстно исполнилъ заказъ въ два дня, пришелъ въ издательство и, вопреки естественному обыкновенію сообщать свой отзывъ издателю, — выразилъ желаніе самому переговорить съ авторомъ.

— Вы, очевидно, почувствовали, что это дама, — насмѣшливо сказалъ издатель и прибавилъ: — а что вы скажете о романѣ? Хорошій или плохой?

— Это я вамъ потомъ скажу, — уклончиво отвѣтилъ я. — Раньше я долженъ поговорить съ авторшей.

— Имѣйте въ виду, — заговорщицкимъ тономъ замѣтилъ издатель, — что эта бабенка хочетъ издать романъ за свой счетъ. По нынѣшнимъ временамъ это значительно облегчаетъ дѣло. И если романъ написанъ литературно, то. . .

— Понимаю, — сказалъ я. — Но позвольте всетаки предварительно поговорить съ нею.

А у меня было о чемъ съ нею говорить.

Ея романъ представлялъ собою тотъ родъ литературы, который принято подводить подъ рубрику «человѣческихъ документовъ». Въ немъ явно чувствовалась автобіографія, кое гдѣ не совсѣмъ умѣло сдобренная выдумкой. Но не это вызвало во мнѣ желаніе познакомиться съ авторшей. Романъ заключалъ въ себѣ взволнованную исповѣдь безпокойной женщины, которая хочетъ оправдать свой злой поступокъ и облегчить этимъ свою совѣсть. Короче говоря, это была та самая «роковая» женщина, которая такъ безжалостно изу-

родовала жизнь моего собесѣдника изъ Соловковъ. Я узналъ ее по нелѣпому эпизоду съ флакономъ французскихъ духовъ, вызвавшему ея ревность. И вотъ что она разсказала въ своей рукописи.

Ея другъ былъ офицеръ добровольческой арміи, очутившійся у большевиковъ и удачно скрывшій свое прошлое. Они проживали въ Кіевѣ и оба служили въ совнархозѣ, глубоко затаивъ про себя ненависть къ новому строю и къ новымъ людямъ. Но въ то время, какъ она ни на шагъ не поколебалась въ своей антипатіи къ поработителямъ страны, ея другъ сталъ обнаруживать душевную слабость, явно приспособляться къ партійнымъ людямъ и оправдывалъ ихъ кровавую борьбу съ противниками. Она подмѣчала это и втайнѣ страдала. Постепенно въ ней начинало зарождаться возмущеніе имъ и тревога: еще годъ-два, и онъ несомнѣнно сдѣлается заправскимъ коммунистомъ и предастъ то героическое движеніе, изъ-за котораго на югѣ все еще продолжали гибнуть люди. Но любовь къ этому человѣку еще сохранилась въ нетронутомъ видѣ, ставъ только подозрительной и ревнивой. И когда однажды ей сдѣлалось извѣстно,, что другъ ея, безхарактерный и слабовольный, случайно раздобывъ флаконъ любимыхъ ею духовъ, подарилъ его женѣ какого-то вліятельнаго коммуниста, она рѣшила положить предѣлъ его слабоволію и почти насильно увезла его на югъ въ армію Врангеля, чтобы спасти его отъ неминуемаго паденія. Онъ снова надѣлъ офицерскій мундиръ, воспрянулъ духомъ и вступилъ въ ряды тѣхъ, кто беззавѣтно боролся съ большевиками. Очень быстро она, однако, замѣтила, что онъ начинаетъ раскаиваться въ своемъ возвращеніи къ бѣлымъ

и зорко стала слѣдить за нимъ. И дѣйствительно, однажды ночью она подсмотрѣла, какъ онъ торопливо набрасывалъ карту расположенія добровольческихъ войскъ, отмѣчалъ важные стратегическіе пункты, а затѣмъ сталъ зашивать карту подъ подкладку шинели, повидимому, предполагая на завтра перейти обратно къ большевикамъ. Тогда она бросилась въ штабъ, разсказала объ этомъ начальству и во главѣ небольшого отряда вернулась домой, чтобы захватить своего друга на мѣстѣ преступленія. Онъ былъ арестованъ, судимъ военнымъ судомъ и разстрѣлянъ. Казнь совершилась на ея глазахъ. Она притворялась спокойной, но въ дѣйствительности переживала эти минуты мучительно, одолѣваемая двумя чувствами — и чувствомъ жалости къ любимому человѣку и гордой радостью суроваго возмездія за отвратительное предательство, которое она такъ мужественно разоблачила.

Кончался романъ взволнованнымъ воплемъ отягченной совѣсти, которая продолжаетъ ее тревожить по сей день. Она сейчасъ живетъ въ Румыніи, въ тихой усадьбѣ, въ обществѣ благодушнаго мужа, за котораго вышла замужъ тотчасъ же послѣ бѣгства изъ Россіи. Но прошлое все еще тяготѣетъ надъ ней въ видѣ вѣчно пламенѣющаго въ ея сознаніи вопроса, была ли она права въ своемъ рѣшеніи стать судьей своего друга и подписать ему смертный приговоръ, хотя бы во имя долга передъ родиной.

*

Издатель познакомилъ насъ другъ съ другомъ, отвелъ намъ для бесѣды отдѣльную комнату и удалился.

Передо мною сидѣла дама лѣтъ тридцати пяти, съ большими красивыми глазами, съ рѣзкими складками по краямъ рта. Чувствовалась нервная, темпераментная женщина, способная на сумасбродство.

Я сказалъ ей:

— Вашъ романъ занимателенъ и достаточно волнуетъ. Но онъ написанъ неровно. Наряду съ искренними и правдивыми строками попадаются страницы — извините! — фальшивыя, исполненныя провинціальнаго позерства и самолюбованія. Это особенно замѣчается тамъ, гдѣ вы сочиняете. А то, что вы мѣстами сочиняли, подтверждается хронологическими ошибками въ описаніи фактовъ. Судя, напр., по нѣкоторымъ мелочамъ, — въ эпоху проживанія вашихъ героевъ въ Кіевѣ арміи Врангеля уже не существовало. Да и въ моемъ читательскомъ представленіи сцена разоблаченія предательства вашего героя запечатлѣлась, какъ неправда. Неправдой показался мнѣ и судъ, зато угрызенія совѣсти вашей героини подкупаютъ своей искренностью. Вотъ это дѣйствительно было, или во всякомъ случаѣ правдиво описано!

Моя слушательница проглотила нервную судорогу въ горлѣ и замѣтила:

— Почти все, что здѣсь описано, подлинная правда. Я присочинила только немногое. Увѣряю васъ.

Я по натурѣ не инквизиторъ, но мнѣ сильно захотѣлось ошарашить ее, и я сказалъ:

— Я это знаю. И знаю также вашего героя. Я съ нимъ знакомъ.

Она испуганно улыбнулась.

— Вы знаете? Какимъ же образомъ? Вѣдь его нѣтъ въ живыхъ.

Я возразилъ спокойно и невозмутимо:

— Прежде всего вы его не вѣрно изобразили. Онъ вовсе не слабохарактерный и вялый человѣкъ. По моему онъ человѣкъ сильной и активной воли. И вы сейчасъ сами въ этомъ убѣдитесь: онъ живъ. Вскорѣ послѣ ареста ему удалось бѣжать. Два года онъ скрывался. Затѣмъ былъ снова арестованъ и пять лѣтъ провелъ на Соловкахъ, послѣ чего бѣжалъ оттуда за границу, и три года назадъ здѣсь, въ Берлинѣ, я имѣлъ съ нимъ разговоръ.

— Назовите его имя! — проговорила она ожесточенно.

Я назвалъ.

Она дико раскрыла свои большіе темные глаза и съ ужасомъ посмотрѣла на меня, точно судьба ея была въ моихъ рукахъ.

— И что же онъ говорилъ вамъ? — задыхаясь, спросила она.

— Онъ сказалъ мнѣ, что близкая ему женщина изъ необузданной ревности — изъ-за флакона духовъ — выдала его чекистамъ.

Она поблѣднѣла, съежилась и, отведя въ сторону свой окаменѣвшій взглядъ, стала отрицательно качать головой.

— Я помню точно, — продолжалъ я, не безъ жестокости. — Не бѣлымъ, а большевикамъ выдала его женщина. И мотивъ долга передъ родиной не игралъ при этомъ никакой роли.

— А гдѣ онъ сейчасъ? — упавшимъ голосомъ спросила она.

— Кажется, близъ Ниццы. Тамъ живетъ сестра его матери.

Она кивнула головой и застыла.

Томительное молчаніе длилось нѣсколько минутъ. Я уже собирался прекратить эту бесѣду и вызвать издателя, какъ вдругъ она вскочила, нервно свернула рукопись въ трубку и съ нарочитой безпечностью — неестественно громко сказала:

— Съ этимъ человѣкомъ я лично не была знакома. Я описала его по разсказамъ моихъ родственниковъ. И, какъ видите, — разъ вы узнали его — мнѣ значитъ удалось точно его описать. Интуиція!

Я недовѣрчиво промолчалъ.

Она снова свернула рукопись — въ другую сторону! — и прибавила:

— Я попытаюсь кое-что подправить. И тогда я опять зайду сюда.

Затѣмъ она торопливо ушла и больше въ издательствѣ никогда не появлялась.

*

Я подробно описалъ эту исторію одному старому нѣмецкому издателю. Онъ выслушалъ меня внимательно и сказалъ:

— Мой многолѣтній опытъ позволяетъ мнѣ утверждать съ увѣренностью, что не мало романовъ и пьесъ написано съ единственной цѣлью — освободиться отъ терзанія совѣсти, изъ желанія хоть какъ-нибудь оправдаться передъ самимъ собой. Религіозные люди въ такихъ случаяхъ исповѣдуются передъ священникомъ. Невѣрующіе — исповѣдуются при посредствѣ пера и бумаги. Но тѣ и другіе стараются хоть какъ-нибудь реабилитировать себя, и потому говорятъ не всю правду, а самихъ себя при этомъ производятъ въ героическія натуры.

ЖЕНА

1.

Бьеркъ уныло просмотрѣлъ статью и сдѣлалъ явное надъ собою усиліе, чтобы не вздохнуть. За него вздохнула жена, но не произнесла ни одного слова.

Уже четыре года, какъ критика упорно не замѣчала его. Имя Бьерка исчезло со столбцовъ газетъ и журналовъ. Въ свою очередь это настолько подавляло его, что онъ пересталъ писать. Сбереженія, созданныя прежними его книгами, подходили къ концу. Предстояла бѣдность. Но главное было не въ этомъ. Больше всего терзала его мысль, что какъ писатель онъ кончился, никому не нуженъ и безжалостно отнесенъ къ тѣмъ живымъ покойникамъ, которыхъ именуютъ «заживо погребенными».

Но обо всемъ этомъ думалъ не онъ, а его жена. Онъ уже давно — года три назадъ — махнулъ на себя рукой и мечталъ о клочкѣ земли, гдѣ-нибудь въ горахъ, въ глуши, подальше отъ изумленія тѣхъ знакомыхъ, которыхъ онъ иногда встрѣчалъ на улицѣ и читалъ на

ихъ лицахъ четкія слова: «Какъ, онъ еще живъ, а я думалъ, что онъ уже давно умеръ!» Между тѣмъ ему было всего только 52 года.

И жена думала безпрестанно, каждый день, каждый вечеръ — какъ бы подбодрить его, какъ внушить ему мысль, что онъ еще не выдохся и способенъ писать такъ же увлекательно, какъ прежде.

2.

Недѣлю спустя онъ получилъ странное письмо. Какая-то дѣвушка, именовавшая себя студенткой, взволнованнымъ слогомъ сообщала ему, что только что случайно прочла его романъ «Страхъ» и испытываетъ настоятельную потребность поблагодарить его за доставленное ей удовольствіе. Нѣкоторыя мѣста романа она читала словно зачарованная прекрасными видѣніями. Она чувствуетъ въ немъ романтика и поэта, который, однако, стыдится собственнаго пафоса. Она, конечно, не смѣетъ сравнивать себя съ нимъ, но ей тоже иногда стыдно проявлять свою восторженную любовь къ жизни, къ природѣ, къ благоволенію человѣка къ человѣку. Въ концѣ письма, точно спохватившись, что онъ можетъ истолковать ея письмо, какъ авантюрную выходку скучающей дѣвицы, которая желаетъ познакомиться съ извѣстнымъ писателемъ, она предусмотрительно добавляла:

«Чтобы Вы этого не подумали, я умышленно не назову себя и не укажу своего адреса. Но, надѣюсь, Вы ничего не будете имѣть противъ того, что я вамъ снова напишу, когда прочту Вашъ романъ «Въ го-

рахъ», который мнѣ обѣщали достать послѣ завтра».

Съ полуравнодушной улыбкой онъ показалъ это письмо женѣ и сказалъ:

— Вотъ увидишь: въ слѣдующемъ письмѣ она пришлетъ мнѣ собственное произведеніе и попроситъ, чтобы я его гдѣ-нибудь устроилъ. Обычный пріемъ.

3.

Однако, онъ ошибся. Черезъ двѣ недѣли студентка снова прислала письмо, въ которомъ рѣшительно ни о чемъ не просила, но зато вступалась за героиню романа «Въ горахъ», хотя и не отрицала, что изображена она съ четкой выразительностью. Герой романа — неустрашимый спортсменъ — раскрывалъ передъ ней новаго человѣка, способнаго на нечеловѣческій подвигъ, и тѣмъ не менѣе трезваго и практичнаго.

«Вы великолѣпно показываете, — писала она, — новую форму идеализма, въ то время какъ нашу эпоху всѣ считаютъ сугубо раціоналистической. Это значитъ, что Вы умѣете подмѣчать то, чего другіе не видятъ».

И снова она благодарила его за доставленное ей удовольствіе и еще за то, что онъ легко, незамѣтно, изысканно обогащаетъ ее пониманіемъ жизни и людей.

«Я прочла всего только два Вашихъ романа, признавалась она, но у меня такое чувство, точно я познакомилась со множествомъ живыхъ людей, выдающихся и содержательныхъ».

— Восторженная дѣвушка, — довольнымъ тономъ сказалъ Бьеркъ. — Но многословіемъ, къ счастью, не страдаетъ. И легко разбирается въ авторскомъ замыслѣ. Кстати, она отличная иллюстрація того, что я давно уже твержу: бываютъ не только талантливые писатели, но и талантливые читатели. А не написать ли мнѣ на эту тему новеллу?

— Тема во всякомъ случаѣ оригинальная, — отвѣтила жена.

И подумавъ немного, добавила:

— По моему, даже отличная тема.

Бьеркъ задумался, походилъ по комнатѣ и, когда жена ушла, сѣлъ писать новеллу. Давно уже онъ не писалъ и, такъ какъ въ квартирѣ стояла полная тишина, увлекся и исписалъ груду бумаги.

4.

Черезъ недѣлю снова получилось восторженное письмо. На этотъ разъ рѣчь шла о небольшомъ разсказѣ, много лѣтъ назадъ напечатанномъ въ ежемѣсячномъ журналѣ. Студентка случайно наткнулась на него, и у нея опять возникла потребность написать автору. Въ этомъ разсказѣ изображался знойный югъ, стада овецъ, пастухи, стрекотанье кузнечиковъ. Старый отягощенный годами пастухъ, прожившій полуголодную жизнь и никогда не имѣвшій семьи, вспоминаетъ свое прошлое и признается случайному путнику, котораго одолѣваетъ упорная мысль о самоубійствѣ, — что онъ не прочь заново повторить свое существованіе, потому что жизнь занимательна и хороша.

«Вашъ разсказъ «Пастухъ», — писала студентка, — живописный и убѣдительнѣйшій панегирикъ жизни, и его надо было бы давать читать въ швейцарскихъ санаторіяхъ, гдѣ люди съ преждевременно уставшими нервами проклинаютъ всю вселенную и ненавидятъ самихъ себя. Но тутъ я ловлю себя на мысли, что мнѣ очень бы хотѣлось познакомиться съ Вами лично и узнать, похожи ли Вы на своихъ жизнерадостныхъ героевъ или же только умѣете ихъ изображать. Впрочемъ, это мимолетная мысль, и я не собираюсь Васъ безпокоить, тѣмъ болѣе, что я даже не знаю читаете ли Вы мои письма и согласны ли Вы получать ихъ въ дальнѣйшемъ. Поэтому позвольте обратиться къ Вамъ съ просьбой: если Вамъ еще не надоѣли мои посланія, назовите героиню Вашего будущаго произведенія моимъ именемъ — Маріонъ — и это будетъ означать, что Вы ничего не имѣете противъ того, чтобы я Вамъ писала».

Бьеркъ такъ и сдѣлалъ. Но для этого ему пришлось поспѣшно закончить свою новеллу и немедленно отправить ее въ журналъ.

— Ты не ревнуешь? — спросилъ онъ жену.

— Пока нѣтъ, — отвѣчала она.

5.

Письма продолжали получаться больше года, такія же содержательныя и неглупыя. Они подбадривали Бьерка настолько, что онъ снова, не насилуя себя, садился за письменный столъ и писалъ съ увлеченіемъ.

Нерѣдко, отдѣлывая фразу или высказывая какую-нибудь идею, онъ вдругъ вспоминалъ о своей анонимной корреспонденткѣ и задумывался надъ тѣмъ, понравится ли ей та или другая мысль, фраза, эпитетъ. Въ концѣ концовъ онъ точно совѣтовался съ нею, и постепенно въ его сознаніи — во время работы — складывался ея образъ, выраставшій изъ двадцати двухъ полученныхъ отъ нея писемъ. Украдкой возникало и желаніе увидѣть ее и познакомиться ближе. Но когда жена спросила его, почему онъ не дѣлаетъ попытки пригласить студентку къ себѣ, ему пришлось солгать.

— Не хочу разочаровываться, — сказалъ онъ небрежно. — А вдругъ она окажется назойливо-болтливой. Вѣдь я не сомнѣваюсь, что въ конечномъ итогѣ она станетъ писать критическія статьи. А женщины-критики. . .

Презрительнымъ жестомъ онъ закончилъ свои слова, но это было искусственное презрѣніе, чтобы не вселять ревниваго безпокойства въ жену, которая за послѣднее время серьезно похварывала и даже подумывала о больницѣ.

Это ей и пришлось сдѣлать, и какъ разъ за два дня до того, какъ она легла на больничную койку, отъ студентки получилось коротенькое письмо, извѣщавшее его, что она уѣзжаетъ съ родителями въ Южную Америку и на время прекращаетъ свое корреспондированіе.

Онъ былъ очень разстроенъ, но врядъ ли могъ бы рѣшить точно, чѣмъ именно — операціей, которой должна была подвернуться жена, или отъѣздомъ студентки.

6.

Двадцать шесть тревожныхъ дней въ полупустой квартирѣ много разъ четко раскрывали передъ Бьеркомъ его безпомощное одиночество, и въ такія минуты онъ невольно утѣшалъ себя сознаніемъ, что гдѣ-то въ Южной Америкѣ имѣется молодое существо, способное разсѣять нароставшее отчаяніе. И когда двадцать седьмой день принесъ печальное извѣстіе о смерти жены, Бьеркъ сразу подумалъ о студенткѣ и о томъ способѣ, при посредствѣ котораго онъ дастъ ей понять, что хочетъ ее увидѣть. Ну, понятно, — онъ это самъ зналъ — такая мысль тотчасъ же послѣ смерти жены была грѣховной, безсовѣстной и недостойной писателя, всегда изображавшаго людей чуткихъ и высокой духовности. Но въ отчаяніи своемъ онъ сейчасъ походилъ на смертельно испуганнаго ребенка, котораго можно было успокоить только новой игрушкой.

Однако, игрушка не давала о себѣ знать. Со дня смерти жены прошелъ мѣсяцъ, затѣмъ второй. Студентка точно канула въ воду. Надо было что-нибудь предпринять съ большой ненужной квартирой, заново наладить жизненный обиходъ, но Бьеркъ сознательно откладывалъ рѣшеніе этихъ вопросовъ въ ожиданіи письма, которое должно было заполнить создавшуюся пустоту и все разъяснить насчетъ будущаго.

И такое письмо дѣйствительно оказалось передъ его глазами. Но оно было не отъ студентки.

Однажды, перекладывая въ комодѣ вещи жены, онъ натолкнулся на пачку почтовой бумаги, изъ которой выглядывало письмо, написанное рукою покойной. Но ему не надо было дочитать его до конца, потому что

первыя же строчки совершенно ясно разсказали, что это былъ черновикъ одного изъ тѣхъ 22-хъ писемъ, которыя пятнадцать мѣсяцевъ такъ сладостно волновали его своей восторженностью и разсѣяли его писательскую апатію.

Чтобы убѣдиться окончательно, онъ сравнилъ бумагу. Всѣ сомнѣнія тотчасъ исчезли. Анонимной корреспонденткой была его жена. Сначала она набрасывала черновикъ, а затѣмъ переписывала его на пишущей машинкѣ.

7.

Годъ спустя вышелъ изъ печати его новый романъ. Въ немъ онъ изложилъ всю эту исторію, причемъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ была студентка. Критика отмѣтила, что авторъ ярко и убѣдительно изобразилъ любовь къ несуществующей и похвалила его за удачную, нешаблонную тему.

Это была его послѣдняя книга. Новыя темы ему въ голову не приходили. Лекарство, придуманное женой, перестало дѣйствовать.

ГРѢХЪ

Я совершалъ пѣшеходную прогулку по Тюрингіи и направлялся изъ Іены въ Веймаръ. Я шелъ и думалъ о томъ, что по этой дорогѣ нѣкогда шагалъ молодой Генрихъ Гейне, идя на поклонъ къ Гете. И еще я припоминалъ, какъ онъ, по его словамъ, всю дорогу напряженно готовился къ предстоящей бесѣдѣ съ великимъ олимпійцемъ, а когда заговорилъ съ нимъ, отъ волненія не нашелъ ничего болѣе интереснаго, чѣмъ сказать, что по шоссе изъ Іены въ Веймаръ растутъ вкусныя сливы.

Отъ этихъ мыслей о несовершенствѣ нашихъ предначертаній, поддающихся любымъ случайностямъ, я быстро перешелъ къ другой темѣ — о власти иллюзій надъ человѣкомъ. Почти каждый человѣкъ выстраиваетъ для себя призрачный, несуществующій міръ и, въ зависимости отъ своего умонастроенія, всю жизнь либо тѣшитъ себя, либо мучается.

Вотъ тотъ человѣкъ, думалъ я, проходя мимо какого-то путника, безпечно расположившагося на косогорѣ

съ блаженной улыбкой на лицѣ, должно быть видитъ міръ не такимъ, какой онъ есть, а какимъ онъ хочетъ, чтобы онъ былъ. Онъ счастливъ. Онъ доволенъ. Ему можно позавидовать. И я ему дѣйствительно позавидовалъ. Но это случилось нѣсколько позже.

*

Часъ спустя онъ нагналъ меня, оглашая тишину очень нелѣпымъ мотивомъ, въ которомъ я распозналъ дикое и фальшивое попурри изъ разныхъ маршей, фокстротовъ и бравурныхъ пѣсенокъ. Признаться, я сначала подумалъ, что онъ пьянъ. Потомъ у меня промелькнула мысль, что онъ не въ полномъ разумѣ. По крайней мѣрѣ его бурная жестикуляція, щелканье пальцами и приплясыванье явно свидѣтельствовало о его повышенной возбужденности. И поэтому, когда, перегнавъ меня, онъ вдругъ, круто повернувъ назадъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ мнѣ навстрѣчу и попросилъ спичку, я отнесся къ нему очень сухо и даже недружелюбно.

— Вы видали когда-нибудь счастливаго человѣка? — спросилъ онъ, закуривъ сигару и, не дожидаясь моего отвѣта, добавилъ: — Вотъ сейчасъ вы видите такого. Впрочемъ, я болтаю глупости. Извините.

Онъ снова ушелъ впередъ, напѣвая модный шлагеръ, но внезапно остановился и сталъ что-то разыскивать въ пыли. Оказалось, что, отбивая рукою тактъ своей пѣсенки, онъ уронилъ обручальное кольцо.

— Мнѣ нисколько не жаль этого кольца, — сказалъ онъ, презрительно показывая на землю. — Но

вы представляете себѣ, какъ меня будетъ ругать жена?

Но женѣ его не пришлось огорчаться, потому что очень скоро я отыскалъ его кольцо. Съ этой минуты мы продолжали нашъ путь совмѣстно.

Въ ближайшемъ кабачкѣ онъ угостилъ меня пивомъ. Въ слѣдующемъ мы уже пили коньякъ. Онъ объяснилъ:

— У меня радость. Понимаете? Со мной произошло чудо. И такъ какъ чудеса происходятъ рѣдко, то каждое изъ нихъ надо отпраздновать какъ слѣдуетъ быть. Оттого я и пѣшкомъ иду. Въ сущности меня ждутъ очень срочныя дѣла, и я уже вчера вечеромъ долженъ былъ вернуться домой. Но я рѣшилъ продлить свою радость, тѣмъ болѣе, что съ женой подѣлиться этой радостью я не могу. На это имѣются свои причины... Еще одну рюмочку — не правда ли?

Я не сталъ, понятно, разспрашивать его, но нѣсколько времени спустя, когда уже наступали сумерки и дали заполнялись густой синевой, — его радость, очевидно, больше не могла вмѣститься въ немъ и полилась наружу.

*

— Это случилось ровно за полгода до конца войны. Къ этому времени я былъ два раза очень легко раненъ и находился на восточномъ фронтѣ. Тамъ, какъ вы знаете, было не такъ страшно, и я ужъ рѣшилъ, что мнѣ повезло. Но вдругъ приказъ — моя часть отправляется къ французамъ, и скажу вамъ правду: тутъ меня охватили самыя нехорошія предчувствія. Я сталъ смотрѣть на себя, какъ на обреченнаго. И именно такъ

я говорилъ самому себѣ: я ѣду умирать. Въ видѣ предсмертнаго подарка мнѣ дали отпускъ на три дня и разрѣшили по пути остановиться у матери. Для меня было ясно: я ѣхалъ къ ней прощаться. Такъ я сказалъ и ей. Это было очень жестоко съ моей стороны, тѣмъ болѣе, что она тогда болѣла. Но долженъ сказать, что солдатская жизнь меня достаточно ожесточила. Говорить и дѣйствовать мягко я разучился. И вотъ я очутился у матери. Тамъ я ѣлъ, спалъ и наслаждался тишиной. Если вы не были на войнѣ, то врядъ ли я смогу объяснить вамъ, какое это удовольствіе послѣ безпрерывной канонады слушать тишину. А для того, чтобы знакомые не надоѣдали мнѣ разспросами, я днемъ спалъ, а ночью блуждалъ по пустыннымъ улицамъ. Такъ я хотѣлъ поступить и въ послѣднюю ночь и въ одиннадцатомъ часу уже было собирался выйти изъ дому, какъ вдругъ черезъ окно увидѣлъ дѣвушку, дочь нашего сосѣда. Они жили на той же площадкѣ, что и моя мать, и поселились тамъ во время войны. Я ихъ не зналъ. Зналъ только, что онъ старикъ, вдовецъ и что дѣвушка — его дочь. Мелькомъ я успѣлъ замѣтить, что она хорошенькая. Вотъ и все. Но когда я черезъ окно увидѣлъ ее въ саду, да еще эффектно освѣщенной луннымъ свѣтомъ, — меня охватила злоба. Самая настоящая злоба! Мнѣ ясно представилось, что дѣвченка поджидаетъ своего кавалера. Ахъ, чортъ васъ дери обоихъ! — подумалъ я, и, надѣюсь, вы поймете мое тогдашнее самочувствіе. Я ѣду умирать за родину, а какой-то паршивецъ, ловко отошедшій въ сторону отъ міроваго пожара, будетъ безпечно наслаждаться ею? А она въ отвѣтъ будетъ ему мурлыкать любовную дребедень? Такъ нѣтъ же! — сказалъ я

самому себѣ, — я вамъ помѣшаю, влюбленные скоты! Я быстро спустился въ садъ, пробрался въ кусты и сталъ поджидать ея кавалера. Злоба во мнѣ клокотала, какъ паръ въ котлѣ, и если бы парнишка появился, я бы, честное слово, обратилъ его въ котлету. Такъ я былъ золъ! Но онъ что-то не появлялся (не появился онъ и потомъ, и я, очевидно, ошибся въ своемъ предположеніи). Но злоба моя все еще кипѣла и перешла на дѣвушку. Впрочемъ, скорѣй всего это уже была ожесточенная ярость голоднаго мужчины, который близко отъ себя видѣлъ красивую женщину. Что было потомъ, я точно не помню. Смутно лишь вспоминаю, что я выскочилъ изъ кустовъ, фуражкой заткнулъ ей ротъ, бросилъ на траву и звѣрски изнасиловалъ ее. И только когда передвинулась луна, я замѣтилъ, что моя добыча еще подростокъ, что ей пятнадцать или шестнадцать лѣтъ. Правду сказать, на мгновенье я испугался. На одно мгновенье. А затѣмъ презрительно посмѣялся надъ самимъ собой. Чего мнѣ бояться? Она не плакала, не кричала, а всего только закрыла глаза. Черезъ четыре часа я буду въ поѣздѣ, а еще черезъ сутки буду валяться гдѣ-нибудь въ окопахъ. Наплевать! Но дѣло въ томъ, что впереди были эти четыре часа. Если я отойду, она, пожалуй, подниметъ вой и переполошитъ весь домъ. И поэтому я остался съ ней, чтобы не дать ей уйти. Я такимъ образомъ караулилъ свою жертву. А между тѣмъ начинался разсвѣтъ. Засвистѣли дрозды, послѣ дроздовъ зачирикали воробьи. Я пытался заговорить съ ней, но она не отвѣчала. Тогда я сказалъ ей надъ самымъ ухомъ: «Слушай, дѣвченка, я иду умирать, а твоя маленькая жертва, которую не сегодня, такъ завтра, ты все равно готова была при-

нести другому, ничтожна по сравненію съ моей. Ты будешь жить, у тебя будутъ дѣти, кастрюли, кровать и занавѣски, а я буду гнить въ землѣ. И если ты не можешь принести жертву родинѣ, то ты приносишь ее тому, кто эту родину защищаетъ». Развѣ не такъ? Но она продолжала молчать. Тогда я сталъ рассматривать ее. Она дѣйствительно была хорошенькая, съ нѣжнымъ лицомъ, съ длинными рѣсницами, какія мы теперь видимъ у фильмовыхъ актрисъ, — и съ чудесной родинкой на правой щекѣ. Я поцѣловалъ ее и сказалъ: «Но долженъ тебѣ признаться, дѣвушка, что ты очень мила, и въ окопахъ я, вѣроятно, не одинъ разъ вспомню о тебѣ. И эти мысли скрасятъ тѣ нѣсколько дней, которые мнѣ осталось прожить. И поэтому теперь я уже обращаюсь къ тебѣ съ просьбой — продли свою жертву, принеси мнѣ ее сама, дай на нее свое согласіе, и это доставитъ мнѣ еще больше радости». Она ничего не отвѣтила. Я понялъ это молчаніе такъ, какъ хотѣлъ его понять, и, оставался съ ней еще два часа. Уже пѣли пѣтухи. Уже мычали коровы. Стало свѣтло. Насъ могли замѣтить изъ окна. Я поднялъ ее, но она едва держалась на ногахъ. Тогда я ее взялъ на руки и бережно донесъ до двери. На площадкѣ было темно, и тутъ я уже не видѣлъ ея лица. Она молча ушла къ себѣ. Я же, разбудивъ мать, попрощался съ ней и побѣжалъ на вокзалъ, гдѣ тотчасъ же пересталъ думать объ этой исторіи, потому что любой вокзалъ того времени былъ преддверіемъ войны. Не думалъ я о дѣвушкѣ и сидя въ окопахъ, а къ тому же черезъ двѣ недѣли былъ тяжело раненъ. Я вспомнилъ о дѣвушкѣ съ родинкой на щекѣ значительно позже, когда война уже кончилась, когда я собирался покинуть лазаретъ

и вернуться домой. Въ сущности, мнѣ незачѣмъ было возвращаться въ родной городъ — мать моя успѣла умереть, родныхъ у меня не было. Но магистратъ извѣстилъ меня о наслѣдствѣ — о нѣсколькихъ сундукахъ съ вещами — и я поѣхалъ. Боялся ли я встрѣтиться съ дѣвушкой? Нисколько. Если она не забыла меня, я готовъ былъ на ней жениться. Если она беременна — тѣмъ болѣе. Но дѣвушки я не нашелъ. Я узналъ, что отецъ ея умеръ, а она куда-то исчезла. Исторія казалась мнѣ законченной, и дѣвушка съ пятнышкомъ на щекѣ выпала изъ моего сознанія, — ну, приблизительно, какъ выпадаютъ изъ сознанія наши дѣтскія шалости. Очень скоро я женился, обзавелся собственнымъ дѣломъ, и некогда было задумываться надъ грѣхами молодости. Да и въ самомъ дѣлѣ: кто объ этомъ думаетъ? Но все-таки я вспомнилъ о дѣвушкѣ. И знаете, когда? Черезъ два года послѣ женитьбы. Надо вамъ сказать, что я женился въ суматохѣ радостнаго сознанія, что благополучно уцѣлѣлъ, и поэтому не очень долго изучалъ свою жену. И вотъ въ одинъ грустный день я понялъ, что я ее нисколько не люблю. Совсѣмъ не люблю. Вотъ тогда-то я и возстановилъ въ памяти случай въ саду. Со всѣми подробностями, со всѣми моими переживаньями. И можетъ быть, вы меня поймете — сравненія были не въ пользу моей жены. Но вмѣстѣ съ сожалѣніемъ о той, которая исчезла, явилась и жалость къ ней. Все чаще и чаще я спрашивалъ себя: не изуродовалъ ли я ея жизнь? Не былъ ли я причиной смерти ея отца? Не толкнулъ ли я ее на улицу? Я такъ часто ставилъ эти вопросы, что въ концѣ концовъ сталъ вѣрить въ то, что такъ и случилось. Это были мучительныя мысли. А

еще, когда бывало въ дождливую ночь встрѣчаешь на улицѣ несчастныхъ дѣвушекъ, торгующихъ собой, я почти всегда думалъ о той. Мой дядя былъ пасторъ и любилъ говорить проповѣди о возмездіи. Слушая его скучныя поученія, я всегда улыбался. А теперь сталъ самъ задумываться о возмездіи, которое приходитъ въ видѣ голоса безпокойной совѣсти. И это длилось — сколько? — семь лѣтъ. Ровно семь лѣтъ. Очевидно не всякому дано совершать преступленія и, кромѣ, законовъ писанныхъ, существуютъ еще и неписанные.

*

— И вотъ вчера вы ее очевидно встрѣтили, — сказалъ я, когда онъ взволнованно закуривалъ.

Мои слова были зажженной спичкой, брошенной въ кучу сухого сѣна. Онъ вспыхнулъ, закивалъ головой и, рѣзко отведя отъ своихъ губъ сигару, возбужденно отвѣтилъ:

— Да, это вѣрно. Я встрѣтилъ ее и убѣдился, что все обошлось для нея вполнѣ благополучно. Она замужемъ, ея мужъ занимаетъ хорошее положеніе. Слава Богу! Однако, не это по настоящему обрадовало меня. Совсѣмъ другое. Произошло совершенно неожиданное. Случилось чудо. И вотъ это-то чудо вывело меня изъ равновѣсія. . . Но ужъ позвольте разсказать по порядку. Вчера, покончивъ со своими дѣлами, я стоялъ у витрины и разсматривалъ всякія дамскія вещи. Мнѣ хотѣлось купить что-нибудь для жены. Я ее не люблю, но неудобно передъ сосѣдями. И вдругъ рядомъ со мной, сначала въ зеркалѣ витрины, а затѣмъ просто сбоку я увидѣлъ даму съ пытнышкомъ на щекѣ. Я всмотрѣлся — да, это была она. За девять лѣтъ она

конечно, измѣнилась, но я ее узналъ. Она была хорошо одѣта, лицо у нея было спокойное, полное достоинства. Не безъ волненія и не безъ страха я поклонился ей и осторожно спросилъ: «Простите, сударыня, не проживали ли вы въ такомъ-то городѣ?» Она очень недружелюбно посмотрѣла на меня и кажется собиралась отойти. Тогда я добавилъ: «Мнѣ кажется я даже зналъ вашего отца, когда вы жили на такой-то улицѣ». Она улыбнулась и ужъ кивнула было головой, чтобы, повидимому подтвердить, что дѣйствительно жила въ названномъ мною городѣ, какъ вдругъ вздрогнула, покраснѣла и отшатнулась въ сторону, точно увидала прокаженнаго: она меня узнала! Еще одинъ моментъ — и она бы обратилась въ бѣгство. Я собралъ въ себѣ все свое краснорѣчіе и тутъ же, передъ витриной, сталъ просить ее, чтобы она не отказывалась поговорить со мной. Я поторопился сказать ей, что не буду спрашивать ее ни объ имени, ни о мѣстожительствѣ и предусмотрительно добавилъ, что въ этомъ городѣ я нахожусь случайно и что сегодня же уѣзжаю. Словомъ, я ее убѣдилъ зайти со мной на полчаса въ кафэ, но видно было, что она рѣшилась на это не очень легко, съ большимъ усиліемъ. Тутъ я ей разсказалъ о томъ, чего еще никому не говорилъ: объ угрызеніяхъ совѣсти, о томъ, какъ часто не находилъ себѣ покоя. Я ей подробно описалъ свои переживанія, гораздо подробнѣе, чѣмъ описалъ ихъ вамъ. Она внимательно разглядывала меня и молчала. Долженъ сказать, что это молчаніе было невыносимо. Оно даже показалось мнѣ неестественнымъ. Мнѣ въ тысячу разъ было бы пріятнѣй, если бы она упрекнула меня, и я, признаться, подумалъ, что она просто глупа и давно забыла о случаѣ въ саду. Я

скажу больше: у меня даже мелькнула мысль, что въ глубинѣ души она, пожалуй, смѣется надо мной и приблизительно въ такихъ словахъ: «есть тутъ о чемъ говорить! Какъ будто потерять невинность это такое большое несчастье, а тѣмъ болѣе, когда эта непріятность покрывается бракомъ». Но вдругъ она заговорила. Возможно, что ея молчаніе было просто недовѣріемъ ко мнѣ, и вотъ наконецъ она, вѣроятно, почувствовала, что я говорю съ ней безъ всякихъ заднихъ мыслей, а только ради того, чтобы освободиться отъ тяжести стараго грѣха. Но вы послушайте, что она сказала мнѣ. И это самое поразительное во всей исторіи.

— «Пожалуй, — замѣтила она, — мнѣ не слѣдовало бы говорить того, что я собираюсь вамъ сказать, но я не хочу, чтобы вы ушли отъ меня неуспокоенный. Я, какъ и вы, не могла забыть о случаѣ въ саду. Но не думайте обо мнѣ дурно: послѣ вашего исчезновенія я очень быстро пришла въ себя. Черезъ нѣсколько дней. Я долго думала и подъ конецъ сказала себѣ: «Что дѣлать, прошлаго не вернешь. Отъ меня взяли большую жертву, но вѣдь отъ него требуютъ еще бóльшую. Онъ одинокій, обреченный на смерть человѣкъ. Я же молодая дѣвушка, передъ которой впереди вся жизнь. Я просто подала ему милостыню, въ которой онъ нуждался и которую онъ грубо попросилъ. Это была, правда, предѣльная милостыня женщины, но ничего другого я сдѣлать для него не могла». Такъ я говорила себѣ. Ахъ, Боже мой, сколько дѣвушекъ *навсегда* жертвуютъ собою изъ жалости къ людямъ, которые ихъ хотятъ. *Навсегда!* На всю жизнь! Я же принесла жертву только одинъ разъ. И такъ я объяснила это своему мужу. Онъ умный и хорошій человѣкъ — и онъ по-

нялъ меня. А теперь, такъ какъ вы обѣщаете, что не будете пытаться увидѣть меня еще разъ, — я вамъ скажу и другое. Надѣюсь, вы поймете меня. Когда безпокойство мое прошло, никогда больше въ своей жизни я не переживала такого пріятнаго сознанія, что кому-то очень пригодилась въ тревожныя мгновенія его жизни. Къ тому же я была увѣрена, что васъ нѣтъ въ живыхъ и что, значитъ я была для васъ послѣдней радостью. А что касается васъ, то разъ вы не забыли этого маленькаго приключенія — не правда ли, для мужчины это вѣдь очень маленькое приключеніе? — то это дѣлаетъ честь вашей совѣсти. Но отнынѣ можете забыть объ этомъ. Пострадавшая была вознаграждена».

*

— Теперь вы понимаете, почему я такъ счастливъ, — сказалъ мой спутникъ. — Я освободился! Эта женщина легко и великодушно сняла съ меня тяжесть вины. Я свободенъ. И хотя я отлично знаю напередъ, что черезъ нѣсколько дней я буду жалѣть — я уже и сейчасъ жалѣю! — о томъ, что я прогадалъ это удивительное существо, но пока что я радуюсь. Какая замѣчательная женщина, не правда ли? Хотя... кто знаетъ!.. можетъ быть мудрой она стала послѣ нѣсколькихъ дней страданій, а безъ нихъ она была бы такой же пустой и неглубокой, какъ моя жена. Кто знаетъ!..

А когда мы на другой день прощались, онъ съ грустью замѣтилъ:

— Знаете о чемъ я думалъ всю ночь? Можетъ быть она просто схитрила, чтобы меня успокоить. И я думалъ о томъ, что овладѣть женщиной въ сущности гораздо легче, чѣмъ ее понять.

ГОЛГОѲА

1.

Три дня лежалъ въ больницѣ еврейскій раввинъ, бѣжавшій изъ Россіи. Былъ онъ старъ, немощенъ, а тутъ еще безпокойство тайнаго и опаснаго передвиженія черезъ границу — и онъ сразу слегъ, погруженный въ безпамятство. Съ утра до вечера у больницы толпились его соплеменники, шумно галдѣли, надоѣдали сидѣлкамъ и упорно добивались пропуска къ больному. Тогда больничный врачъ, хмурый панъ Подбѣльскій вышелъ къ толпѣ и, прикрикнувъ на нее, заявилъ:

— Вашъ раввинъ серьезно боленъ, и допустить къ нему я никого не могу. А когда онъ придетъ въ себя, я вамъ дамъ знать. Убирайтесь!

Но раввинъ пришелъ въ сознаніе въ тотъ же вечеръ, и панъ Подбѣльскій, приказавъ никому объ этомъ не говорить, самъ заглянулъ къ больному.

Очень скоро онъ установилъ, что это было нервное потрясеніе, ничѣмъ серьезнымъ не угрожающее. Лучшимъ лекарствомъ могла служить тишина. Тутъ же

онъ пытался узнать у старика подробности его бѣгства, но раввинъ испуганно посмотрѣлъ на него, насупился и закрылъ глаза: объ этомъ онъ очевидно не хотѣлъ говорить.

Панъ Подбѣльскій даже обидѣлся. Этимъ надо объяснить промелькнувшее въ немъ отвращеніе къ раввину, къ его слезящимся глазамъ, къ его растрепанной рыжевато-сѣдой бородѣ и красному лишаю на худой шеѣ. Такимъ онъ представлялъ себѣ дервиша. Панъ Подбѣльскій мысленно плюнулъ и ушелъ.

А два дня спустя самъ раввинъ вызвалъ къ себѣ врача и, приподнявшись съ подушекъ, умоляюще сказалъ:

— Отпустите меня, пане докторъ. Мнѣ осталось жить недолго, и я дорожу каждымъ днемъ.

— Глупости! — сердито отвѣтилъ панъ Подбѣльскій. — Если вы думаете, что ваше положеніе серьезное, то тѣмъ болѣе вы должны оставаться въ больницѣ. Но я вамъ говорю, какъ врачъ: ничего опаснаго нѣтъ. А дѣла ваши отъ васъ не убѣгутъ. Можетъ быть вы хотите повидать кого-нибудь изъ вашихъ евреевъ? Это можно.

— Нѣтъ, — сказалъ раввинъ. — Мнѣ никого не надо. Я знаю напередъ, что они мнѣ будутъ говорить. Но когда же вы собираетесь меня отпустить?

— Дня черезъ три-четыре, — отвѣтилъ докторъ и презрительно пожалъ плечами. Обычно его паціенты-евреи любили лечиться, а еще больше любили жаловаться на вымышленныя болѣзни. А этотъ — упорно молчалъ и ни на что не жаловался.

На другой день передъ вечеромъ докторъ снова заглянулъ къ раввину. Старикъ молчалъ. Панъ Подбѣль-

скій выслушалъ пульсъ, и, найдя, что все въ порядкѣ, сѣлъ возлѣ кровати и сказалъ:

— Ну, разсказывайте. Что слышно въ Россіи?

Много лѣтъ подрядъ онъ практиковалъ въ Минскѣ. Тамъ онъ женился, тамъ похоронилъ жену и сына, но десять лѣтъ тому назадъ, когда представился случай переѣхать въ Польшу, онъ покинулъ Россію. Теперь вдругъ ожили старыя воспоминанія и неудержимо захотѣлось узнать, что происходитъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была прожита почти вся жизнь.

— У васъ тамъ осталась семья, родственники? — допытывался докторъ.

— Никого не осталось, — тихо сказалъ больной.

— Деньги у васъ тамъ погибли?

Раввинъ улыбнулся:

— У меня деньги? Въ Совѣтской Россіи деньги?

— Ну такъ что же?

Раввинъ ничего не отвѣтилъ, только вздохнулъ.

И тогда панъ Подбѣльскій, хмурый мизантропъ и циникъ, какъ всѣ хирурги, ощутилъ въ сердцѣ стараго еврея ту душевную боль, которую не всегда могутъ исчерпать человѣческія слова.

— Разсказывайте! — почти приказалъ онъ. — Говорю вамъ какъ врачъ: вамъ станетъ легче. Я вѣдь вижу: что-то грызетъ васъ.

Раввинъ искоса посмотрѣлъ на него, точно желая убѣдиться, можно ли довѣриться этому сухому и слишкомъ трезвому человѣку и, подумавъ, сказалъ:

— Панъ докторъ — человѣкъ образованный, но я не знаю, поймете ли вы меня. А можетъ вы вовсе скажете, что я потерялъ разумъ?

— Это мы потомъ увидимъ.

— Ну, хорошо, — подумавъ, сказалъ раввинъ. — Я разскажу. Но только пока ничего не говорите никому изъ моихъ соплеменниковъ. Никому. А потомъ можете. Ну, черезъ мѣсяцъ, черезъ два.

2.

— Я прежде всего спрошу у васъ, пане докторъ, вѣрите ли вы въ то, что бываетъ съ человѣкомъ минута, когда онъ вдругъ становится выше и умнѣе себя? Не вѣрите? Вы думаете, должно быть, что случай подоспѣлъ подходящій, а что человѣкъ и раньше былъ такой же? Ну, пусть такъ. Но только рѣчь идетъ обо мнѣ, а я ужъ себя немного знаю. Глупымъ себя никогда не считалъ, а вотъ случилось такъ, что позналъ свою глупость. Молнія пробѣжала въ головѣ. А потомъ еще разъ то же самое. Нѣтъ, вѣрьте мнѣ старику: отъ вспышки до вспышки живетъ человѣкъ и вспышка эта — Божеское прикосновеніе. И хоть разъ въ жизни, но къ каждому человѣку прикасается Богъ. . .

— Ну, ладно, ладно! — нетерпѣливо перебилъ его панъ Подбѣльскій. — Разсказывайте безъ пустяковъ!

— Было это нынѣшней зимой, — невозмутило продолжалъ раввинъ, — ночью, мѣсяца три назадъ. Собирался я спать лечь, и вдругъ прибѣгаетъ ко мнѣ одинъ старый еврей (мы его безплатной газетой называли, потому что онъ всѣ мѣстечковыя новости узнавалъ раньше другихъ) и разсказываетъ: нашего ксендза Вержбицкаго арестовали! А у насъ давно былъ слухъ, что коммунисты къ религіи подбираются. Здѣсь во всемъ округѣ безбожники орудовали, уже двухъ русскихъ священниковъ куда-то сослали, толь-

ко у насъ пока тихо. Ну, значитъ, и до насъ дошла очередь. А у меня въ нашемъ исполкомѣ племянникъ Гедалія сидитъ, сынъ брата моего. Онъ тамъ у нихъ первая спичка, первый поджигатель. Одѣлся я и пошелъ къ нему. Слушай, говорю, Гедалія, не губи своихъ братьевъ. Мѣстечко наше на три четверти еврейское. Потомъ будутъ говорить, что евреи польскаго ксендза погубили. А затѣмъ, говорю, Гедалія, ты должно быть совсѣмъ выбросилъ изъ головы, кто такой ксендзъ Вержбицкій. Можетъ быть пріѣзжіе твои большевики и не знаютъ, кто такой ксендзъ, но ты же хорошо знаешь! Если такого человѣка забирать въ тюрьму, то кого же оставлять на свободѣ? Хорошій человѣкъ, справедливый человѣкъ, добрый человѣкъ. Развѣ ты не помнишь, какъ во время войны лавочника Менахима повѣсить хотѣли за то, что онъ будто бы шпіонъ — такъ кто его спасъ? Кто его выручилъ? Ты не помнишь? Ксендзъ Вержбицкій его спасъ! Ты уже забылъ, какъ онъ къ полковнику побѣжалъ и крестъ надъ его головой поднялъ, чтобы Богъ не далъ совершиться нехорошему дѣлу? Такъ вотъ этого человѣка вы запираете въ тюрьму, и можетъ быть даже думаете послать его въ Сибирь, въ Соловейки? И слушайте же, что мнѣ отвѣчаетъ Гедалія, сынъ моего брата, внукъ моего отца раввина и правнукъ моего дѣда раввина. «Вотъ это то и плохо, что онъ хорошій человѣкъ. Пускай священникъ будетъ лучше плохой, чѣмъ хорошій. Потому что хорошій располагаетъ къ религіи». Вы слышите? Нужно имѣть перевернутые мозги, нужно стоять на головѣ вверхъ ногами, чтобы говорить такія безумныя слова! Чтобы плохой человѣкъ былъ лучше хорошаго?

Когда это бываетъ? Послѣ этого я ужъ его и слушать не хотѣлъ. Я только сказалъ ему, что у него отъ революціи умъ за разумъ зашелъ и вмѣсто мозговъ у него навозъ. И что же мнѣ на это отвѣчаетъ сынъ моего брата и внукъ моего отца? «Смотри, говоритъ, дядя! Ты не очень воображай изъ себя, мы и до тебя доберемся. Ты у насъ тоже, какъ паршивый гвоздь въ головѣ сидишь».

Я ушелъ. Вотъ тогда загорѣлась во мнѣ молнія и разомъ освѣтила передо мной весь міръ. Да, весь міръ! Вотъ тогда-то я и понялъ, что сейчасъ нѣтъ евреевъ или католиковъ, нѣтъ людей русской вѣры или тѣхъ, кто молится Магомету. Сейчасъ имѣются только тѣ, кто вѣритъ во Всемогущаго. А напротивъ ихъ — безбожники. Никакихъ третьихъ нѣту. И всѣ это должны понять, всѣ. . . Я ушелъ, но куда я иду, такъ я даже не замѣтилъ. Былъ снѣгъ, была вьюга, былъ морозъ. А у меня голова, какъ огонь горѣла. Отъ страшныхъ словъ я должно быть дорогу потерялъ и въ темнотѣ у какихъ-то бревенъ очутился. Ну и сѣлъ. Вѣдь мнѣ семьдесятъ четыре года. Сижу и думаю, вотъ мы опять на рѣкахъ вавилонскихъ плачемъ, только на этотъ разъ не одни мы, евреи, а и другіе также. И значитъ, опять будетъ то же самое, о чемъ говорится въ книгѣ нашего пророка Амоса: вѣрующіе въ Бога будутъ просѣяны черезъ рѣшето, мякина и соръ пройдутъ черезъ него, а крѣпкое зерно останется. Но многіе ли выдержатъ? . . А голова моя горитъ. И вотъ не знаю, приснилось ли это мнѣ или я вправду видѣлъ это своими глазами. . .

Я знаю, пане докторъ, вы сейчасъ же скажете мнѣ,

что въ чудеса не вѣрите. А я вамъ на это отвѣчу, что вы вѣрите въ нихъ такъ же, какъ и я. Развѣ не бываетъ такъ, что придетъ вамъ въ голову такая замѣчательная думка какая никогда еще въ голову не приходила и неизвѣстно откуда взялась. Развѣ это не чудо? .. И вотъ въ темнотѣ, черезъ снѣгъ, я вдругъ увидѣлъ свѣтъ. Немножко было похоже на то, будто луна плыветъ по небу. Но это была не луна. А знаете, что это было? Не качайте, пане докторъ, головой. Пусть себѣ этого даже не было. Но въ памяти моей осталось — и этого довольно. Я видѣлъ, какъ съ земли поднимаются вверхъ ваши кресты, пане докторъ, ваши Распятія, что стоятъ на перекресткахъ дорогъ, и еще наши Торы, свитки нашихъ священныхъ Торъ. Всѣ они поднимались на небо. Ахъ, вовсе не нужно долго догадываться, что это означало. Это означало, что они оставляли грѣшную землю, потому что имъ тамъ нечего было дѣлать.

И тутъ, пане докторъ, я заплакалъ, какъ малый ребенокъ, потому что я раввинъ, потому что и мнѣ послѣ словъ моего племянника Гедаліи тоже нечего было тамъ дѣлать. Гедалія не одинъ. Но Богъ, посылающій боль, посылаетъ и лекарство, и я тутъ вспомнилъ, что я читалъ въ одной изъ вашихъ христіанскихъ книгъ. Когда римляне жгли христіанъ, а заодно и евреевъ, вашъ апостолъ Петръ хотѣлъ подальше уйти изъ сумасшедшаго Рима, но по дорогѣ встрѣтилъ его вашъ Іисусъ и сказалъ ему: «Куда ты идешь! Въ Римѣ ты долженъ остаться! Ступай назадъ!» Вашимъ крестамъ и нашимъ торамъ я сказалъ то же самое. Я говорилъ имъ на томъ же языкѣ, на какомъ говорилъ вашъ Іисусъ. . . И я увидѣлъ, — да, да, я увидѣлъ!

— какъ торы и кресты стали тихо возвращаться назадъ. Я уговорилъ ихъ вернуться! Я!

— Байки вы мнѣ разсказываете! — презрительно перебилъ его докторъ. — У васъ просто была повышенная температура.

— Было и это, — спокойно продолжалъ раввинъ. — Было и это. Утромъ меня подобралъ крестьянинъ и привезъ домой. Двѣ недѣли я лежалъ послѣ этого больной, а когда я поднялся, вѣрные люди сказали мнѣ, что большевики собираются выслать меня въ Сибирь. И тѣ же вѣрные люди тайкомъ перевезли меня въ другое мѣстечко, а оттуда въ третье, а потомъ повели къ границѣ и помогли мнѣ перейти къ вамъ въ Польшу. Я слушался ихъ во всемъ, какъ малое дитя. Мнѣ было все равно. Они меня вели, я шелъ за ними. Они мнѣ велѣли ложиться въ траву, я ложился. Такъ я перешелъ границу и вступилъ на польскую землю. Тутъ я пересталъ быть преступникомъ и сдѣлался свободнымъ человѣкомъ.

Но когда я сталъ свободнымъ человѣкомъ, я снова вспомнилъ, что я раввинъ. И тогда сердце мое похолодѣло — отъ стыда, отъ горя, отъ грѣха. Я понялъ, что я былъ тотъ человѣкъ, про котораго нашъ пророкъ Элія говорилъ, что онъ хромаетъ на оба колѣна. Языкъ мой служилъ Богу, тѣло же мое бѣжало отъ Него. Я, уговорившій Тору и Крестъ вернуться къ несчастнымъ, я самъ покинулъ несчастныхъ. Кто же я послѣ этого, какъ не обманщикъ? Развѣ не тамъ долженъ быть я, гдѣ горитъ злоба и гдѣ творятся беззаконія? Для того ли я всю жизнь былъ раввиномъ, чтобы въ страшный часъ оставить свой народъ? Вотъ отчего,

пане докторъ, у меня помутился разумъ. И вотъ почему я попалъ сюда въ больницу.

Ну, а теперь Богъ вернулъ мнѣ мои силы, и я хочу, чтобы вы меня отпустили. Я хочу назадъ, пане докторъ. Тамъ мое мѣсто, тамъ! Нѣтъ, нѣтъ, пане докторъ, разсудка я не потерялъ. Я хорошо знаю, что меня тамъ ждетъ. Но я долженъ это сдѣлать! Долженъ! И послѣдней моей радостью будетъ то, что племяннику своему Гедаліи я скажу въ лицо: трава засыхаетъ, цвѣтъ увядаетъ, а слово Бога нашего пребудетъ вѣчно. И я, знаю, что вы отпустите меня, пане докторъ. Вы никому изъ евреевъ не скажете объ этомъ, иначе они мнѣ помѣшаютъ вернуться. И я пойду назадъ, къ своимъ, въ звѣриную пещеру. Этого хочетъ моя совѣсть.

3.

Черезъ два дня, передъ вечеромъ панъ Подбѣльскій незамѣтно вывелъ раввина изъ больницы и отправился съ нимъ въ сторону Россіи. Они шли долго. Докторъ довелъ раввина до хаты лѣсника, пошушукался съ нимъ и, вздохнувъ, сказалъ:

— Ну, съ Богомъ!

А возвращаясь поздно ночью, увидѣлъ свѣтъ въ домѣ мѣстнаго землемѣра и понялъ, что тамъ дуются въ карты. Зашелъ — и тоже взялся за карты.

Но игралъ онъ разсѣянно, забывалъ какой козырь, и назначалъ неправильную игру.

— Ну и играете же вы! — Не иначе какъ вы только что на тотъ свѣтъ кого-то отправили, — сердито сказалъ землемѣръ, будучи его партнеромъ.

— Вы угадали, — хмуро отвѣтилъ панъ Подбѣльскій. — Прямехонько на тотъ свѣтъ! А если бы вы знали, какъ мнѣ его на землѣ хотѣлось оставить!

— Ну гдѣ ужъ вамъ! — сострилъ землемѣръ.

— И это вѣрно, — произнесъ докторъ, отвѣчая собственнымъ мыслямъ. — Гдѣ ужъ намъ!

И бросилъ на столъ первую попавшуюся карту, чтобы прекратить разговоръ.

ЧУДО

I.

Лѣтомъ 1903 г. въ Россіи происходило прославленіе мощей преподобнаго Серафима Саровскаго. Уже за годъ до того говорили о пріѣздѣ въ Саровскую Пустынь царской семьи и ожидался большой наплывъ паломниковъ. Кто-то изъ предпріимчиво-прыткихъ людей надоумилъ одессита Жако, владѣльца большой фабрики жестяныхъ издѣлій, изготовить къ этому времени круглыя иконы на жести съ изображеніемъ Саровскаго Пустынножителя и пустить ихъ въ продажу.

Идея эта очень понравилась Жако, потому что она сулила огромный доходъ, да и расширяла продукцію его фабрики, до сихъ поръ выдѣлывавшей коробки для консервовъ, для халвы, для ваксы, а также и самое ваксу. Художникъ-богомазъ въ три дня изготовилъ проектъ иконы, затѣмъ было получено разрѣшеніе святѣйшаго синода и къ началу торжествъ въ Саровѣ на ближайшихъ къ нему перепутьяхъ дорогъ перехожіе купцы и монахи бойко заторговали издѣліемъ Жако.

Но оттого ли, что богомазъ былъ безталанный или же фабрика была не приспособлена для печатанія святительскихъ ликовъ, икона не пошла, а изъ 200.000 экземпляровъ было продано всего на всего тысячъ семь. Сначала продавались онѣ по двугривенному, потомъ по пятиалтынному, а подъ конецъ даже по гривеннику. Но это не помогло, и когда торжества кончились, весь огромный остатокъ иконъ вернулся обратно въ Одессу и былъ сложенъ на складѣ въ ожиданіи какихъ-нибудь торговыхъ оказій: въ большомъ дѣлѣ и бракованный товаръ бываетъ использованъ.

II.

Два съ половиною года спустя штабсъ-капитанъ Сырица, Петръ Фомичъ, встрѣчалъ Новый Годъ въ офицерскомъ собраніи. Былъ онъ, правда, всего только офицеръ конвойной команды, развозившей по тюрьмамъ арестантовъ, но за живость характера, за хорошія манеры и за склонность къ картежной игрѣ былъ желаннымъ гостемъ повсюду. И вотъ, воздавъ должное молодому новому году, штабсъ-капитанъ заглянулъ въ карточную комнату и очень скоро принялъ самое дѣятельное участіе въ азартной игрѣ, именуемой почему-то желѣзной дорогой.

Черезъ часъ онъ былъ въ выигрышѣ — 115 рублей — и, расхрабрившись, купилъ банкъ у полицейскаго пристава Павлинова, которому согласно традиціи былъ предложенъ а rebours, у картежниковъ — Оренбургъ. Павлиновъ вызовъ этотъ принялъ и — проигралъ. Пришлось ему уплатить 320 рублей. 120 у него нашлось, а 200 не хватило. Въ пятомъ часу утра игра кон-

чилась. Павлиновъ проигралъ Сырицѣ еще сотню и, прибавивъ ее къ прежнему долгу, обѣщалъ внести деньги завтра.

III.

Игроки бываютъ двухъ сортовъ. Одни послѣ выигрыша спятъ блаженнымъ дѣтскимъ сномъ, другіе, наоборотъ, никакъ не могутъ заснуть, а, заснувъ, просыпаются рано отъ безпокойныхъ мыслей, какъ бы поумнѣе использовать выигрышъ. Штабсъ-капитанъ Сырица принадлежалъ какъ разъ къ такимъ, и поэтому въ десятомъ часу былъ уже на ногахъ и, набросивъ на себя халатъ, шагалъ взадъ и впередъ и тщательно обдумывалъ, на что употребить выигранные 400 рублей и какъ такъ устроить, чтобы Павлиновъ не вздумалъ отыграться. Среди этихъ мыслей вдругъ прокралась тревога, что Павлиновъ чего добраго вообще не захочетъ уплатить и придумаетъ какой-нибудь фортель. Такъ возникъ у штабсъ-капитана планъ нанести Павлинову новогодній визитъ, чтобы однимъ своимъ появленіемъ напомнить приставу о карточномъ долгѣ.

Въ это время денщикъ Коваленко торопливо и шумно чистилъ штабсъ-капитанскіе сапоги. Возни съ ними было не мало. Сырица любилъ, чтобы сапоги блестѣли, какъ зеркало, а между тѣмъ Коваленко обнаружилъ на нихъ и слѣды рыбнаго майонеза, и пятна отъ бенедиктина, и присохшую пленку отъ мороженаго. Сначала онъ скребъ, потомъ плевалъ, затѣмъ заѣздилъ щеткой, ускоренно ритмичныя движенія которой напоминали паровую машину. Внезапно звуки прекратились, послышался возгласъ изумленія, и что-то

грохнулось на полъ. Сырица недоумѣнно прислушался и заглянулъ на кухню.

Денщикъ Василій стоялъ на колѣняхъ и, прижимая къ груди сапогъ, истово крестился, вперивъ свои настежь открытые глаза въ коробочку съ ваксой.

IV.

— Ты это что? — спросилъ штабсъ-капитанъ. — Съ ума сошелъ?

— Никакъ нѣтъ, — глухо отвѣтилъ Василій, продолжая оставаться на колѣняхъ. — Чудо, ваше высокородіе: угодникъ мнѣ явился.

— Какой такой угодникъ?

— Серафимъ Саровскій, ваше высокородіе. Удостоилъ.

— Что за вздоръ? — презрительно закричалъ Сырица, приблизившись къ денщику, и вдругъ увидѣлъ открытую коробку съ ваксой, на обнажившемся днѣ которой былъ дѣйствительно изображенъ Серафимъ Саровскій.

Штабсъ-капитанъ поднялъ жестянку, внимательно разсмотрѣлъ ее и, отодвинувъ спичкой часть ваксы въ сторону, обнаружилъ еще и надпись: «Съ дозволенія св. Синода». Потомъ взялъ крышку и узналъ, что вакса изготовлена на фабрикѣ Жако.

— Вотъ мерзавецъ! — возмутился штабсъ-капитанъ. — Изъ чего вздумалъ жестянку для ваксы дѣлать! Ужъ я ему покажу, этому Жако!

Взялъ коробку и отнесъ къ себѣ. По дорогѣ лукаво улыбнулся пришедшей ему въ голову мысли: отлич-

ный поводъ незванно явиться къ полицейскому приставу.

Василій вслѣдъ ему перекрестился и уныло вздохнулъ.

V.

Приставъ Павлиновъ встрѣтилъ Сырицу не безъ неудовольствія, но постарался скрыть это и сразу, не давъ ему опомниться, потащилъ гостя къ закусочному столу.

— Очень посовѣтую балычекъ. Вотъ осетровый. Вотъ бѣлорыбій. А вотъ это шемая, вотъ рыбецъ. Прошу покорно.

И не давая Сырицѣ произнести ни одного слова, заговорилъ о трудныхъ временахъ, о революціонныхъ вспышкахъ, о наглости газетъ и о новомъ направленіи полицейской этики, категорически отказавшейся отъ всякаго мздоимства и даже отъ подарковъ — ни-ни-ни! — и закончилъ вполнѣ логичнымъ выводомъ:

— Поэтому долгъ мой ужъ придется отсрочить по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ.

Сырица внутренне проклялъ его, а внѣшне насупился: похоже было на то, что триста рублей онъ никогда не увидитъ. И ужъ совсѣмъ собрался было уходить и даже къ супругѣ пристава направился, чтобы попрощаться, какъ вспомнилъ о коробкѣ съ ваксой. Чтобы не показаться скучнымъ и безцвѣтнымъ гостемъ, онъ весело разсказалъ про «чудо» денщика Василія, чѣмъ заставилъ приставшу смѣяться до истерики.

Зато приставъ не смѣялся. Онъ выслушалъ эту

исторію съ серьезнымъ лицомъ и только подъ конецъ отвелъ Сырицу въ сторону и тихо шепнулъ:

— А знаете ли, мнѣ пришла въ голову одна идея. Зайдемъ на минутку ко мнѣ въ кабинетъ.

VI.

Придвинувъ къ Сырицѣ коробку съ папиросами, приставъ спросилъ:

— А самая жестянка въ цѣлости?

— Въ цѣлости, — отвѣтилъ Сырица, но не признался, что она лежитъ въ карманѣ его шинели.

Приставъ взволнованно походилъ по комнатѣ, ожесточенно покрутилъ усы и, приблизившись къ Сырицѣ, заговорщицкимъ шопотомъ сказалъ:

— Вотъ что, Петръ Фомичъ. Только это между нами. Является полная возможность расплатиться съ вами немедленно. Но для этого мнѣ нужна жестянка. Необходимо ковать желѣзо пока горячо. Не можете ли жестяночку эту прислать мнѣ сегодня же?

Сырица, сдѣлавъ длинную затяжку и кое-что сообразивъ, отвѣтилъ:

— Не только сегодня, но даже сейчасъ можете получить коробку. Она у меня въ шинели. Но съ условіемъ — обѣщаніе должно быть исполненно немедленно.

— Будьте спокойны, — оживившись замѣтилъ приставъ. — И чтобы у васъ не было сомнѣній, попрошу васъ здѣсь же въ кабинетѣ подождать моего возвращенія. А я кое-куда съѣзжу.

Минуту спустя приставъ, внимательно разсмотрѣвъ жестянку, тотчасъ же приказалъ запречь лошадь, а

черезъ пять минутъ мчался по скрипучему снѣгу къ владѣльцу фабрики жестяныхъ издѣлій и ваксы, къ господину Жако.

VII.

Жако встрѣтилъ Павлинова съ такимъ же неудовольствіемъ, съ какимъ приставъ часъ назадъ встрѣтилъ Сырицу. Фабрика Жако, да и его квартира были въ районѣ другого пристава, и новогодній визитъ Павлинова не предвѣщалъ ничего пріятнаго. Но съ полиціей всегда надо обращаться ласково, и поэтому Жако, скрывъ свое неудовольствіе, весело потащилъ Павлинова къ закусочному столу.

— Покорно благодарю, — сказалъ приставъ. — Я къ вамъ въ сущности по дѣлу. Извините, что явился въ праздникъ, но дѣло такое, что отлагательства не терпитъ.

— А что такое? — тревожно спросилъ Жако и сразу же повелъ пристава къ себѣ въ кабинетъ.

— Заявленіе поступило, — шопотомъ сказалъ Павновъ. — Отъ очень видной особы. Не знаю, что дѣлать.

И въ краткихъ словахъ разсказалъ, въ чемъ дѣло.

У Жако схлынула кровь съ лица, и онъ испуганно замигалъ вѣками.

«Вотъ скоты, — думалъ онъ, — сколько разъ говорилъ, чтобы ликъ Серафима въ кругъ не попадалъ. Ризы — сколько угодно, потому, что онѣ темныя и разобрать въ чемъ дѣло невозможно. Вотъ скоты!»

— И что же вы мнѣ посовѣтуете? — уныло спросилъ онъ.

— Право, ничего не могу посовѣтовать. Я бы съ удовольствіемъ. Почему не услужить.

— А коробочка къ заявленію приложена?

— Въ томъ-то и штука, что нѣтъ. Пока подано одно только заявленіе о кощунствѣ съ подробнымъ описаніемъ и даже съ чертежикомъ.

Жако нахмурился и дѣловымъ тономъ сказалъ:

— Будемъ говорить по-коммерчески. Другого языка, къ сожалѣнію, не знаю. А не согласится ли ваша видная особа помолчать?

— Не думаю, — съ искусственной печалью отвѣтилъ Павлиновъ. — Да и кромѣ того, не только онъ про это знаетъ, но знаетъ еще мой помощникъ, затѣмъ письмоводитель, околодочный и городовой Федотовъ.

Жако закивалъ головой. Это означало: «Я тебя отлично понимаю, дѣло организовано по всѣмъ правиламъ полицейской техники».

VIII.

— А не выпить ли водки? — сказалъ Жако. — Можетъ быть моя голова прояснится, — но думалъ онъ, конечно, о головѣ Павлинова.

— Покорно благодарю, но никакъ не могу. У меня еще со вчерашней ночи спиртъ не выдохся, а сегодня тоже все утро пилъ. По случаю Новаго Года.

— Такъ что же вы мнѣ посовѣтуете? — рѣшительно спросилъ Жако.

— Положительно не знаю. Хотите, я вамъ этого господина на фабрику пришлю? Переговорите съ нимъ сами. Но думаю, что не удастся. И если дѣло не выгоритъ, самъ же начнетъ всѣмъ разсказывать, что вы

его купить хотѣли. Да и запроситъ много. За двадцать тысячъ ручаюсь.

— А вы съ нимъ въ какихъ отношеніяхъ?

— Лѣтъ пятнадцать пріятели.

— Такъ нельзя ли, чтобы вы его урезонили?

— Урезонить невозможно, — огорченно сказалъ Павлиновъ. — Другое, пожалуй, можно сдѣлать.

— А что именно?

Павлиновъ покрутилъ усы, подумалъ немного и, точно импровизируя, хотя успѣлъ это придумать по дорогѣ, сталъ набрасывать планъ.

Завтра онъ, Павлиновъ, заѣдетъ въ видной особѣ на домъ и попроситъ дать жестянку въ качествѣ вещественнаго доказательства, чтобы представить докладъ градоначальнику. А послѣзавтра онъ же, Павлиновъ, примчится къ нему съ перекошеннымъ отъ ужаса лицомъ и прямо скажетъ: «Не губите. Жестянка случайно осталась въ кабинетѣ на письменномъ столѣ, а сукинъ сынъ Чуденко, вѣдающій уборкой помѣщенія, ничего не подозрѣвая, выбросилъ жестянку въ помойную яму. Яму прямо-таки профильтровали и ничего не нашли. Не губите! Потому что не только Чуденкѣ, но и ему, Павлинову, достанется и изъ-за какого-то Чуденки онъ вылетитъ со службы». А когда удастся его наконецъ убѣдить на это дѣло плюнуть, — придется его въ гости къ себѣ позвать, хорошимъ ужиномъ, угостить, шампанскимъ напоить и въ преферансъ сотняжку проиграть, — любитъ старикъ выигрывать! А заодно и своихъ, — письмоводителя и другихъ — ублаготворить придется, чтобы зря не болтали.

— И сколько же это будетъ стоить? — прямо спросилъ Жако.

— Тысячъ семь, — сказалъ приставъ.

Жако спокойно возразилъ:

— По моему и пяти довольно.

— Ну, пусть будетъ по вашему.

— Такъ вотъ, — сказалъ Жако, направляясь къ сейфу. — Тысячу получайте сейчасъ, а четыре когда доставите жестяночку. И еще: если вамъ другую такую же доставятъ въ участокъ, считайте ее оплаченной.

— Идетъ! — сказалъ Павлиновъ, а самъ подумалъ: «чорта съ два, вторую жестянку я твоему же приставу передамъ и подѣлюсь съ нимъ».

IX.

Четверть часа спустя Павлиновъ, отсчитывая Сырицѣ 300 рублей, весело говорилъ:

— Ну, вотъ видите, какъ хорошо кончилось. Ей-Богу, не плохо мы начали съ вами Новый Годъ. 300 рублей вамъ съ неба свалились, да и мнѣ столько же.

А когда выпили двѣ бутылки шампанскаго, — Хейдзикъ Монополь, — да еще на брудершафтъ, Павлиновъ совсѣмъ пришелъ въ блаженное состоянiе и говорилъ:

— А вѣдь твой денщикъ Василiй въ самомъ дѣлѣ правъ. Развѣ это не чудо? Во-первыхъ, чудо, что я тебѣ долгъ вернулъ сейчасъ, а не черезъ полгода. Во-вторыхъ, чудо, что я вообще тебѣ долгъ вернулъ. Въ-третьихъ, чудо, что я тоже заработалъ триста рублей. Въ четвертыхъ, чудо, что на жестянкѣ отъ ваксы мы оба заработали по триста рублей. Подумай-ка: на ваксѣ!

А въ пятыхъ еще можетъ это чудо повториться: это, когда тебѣ еще такая же коробочка попадется. Тащи ее немедленно сюда и знай, что триста рублей у тебя уже въ карманѣ. Чернаго кофейку съ бенедиктиномъ не хочешь ли?

ПСЫ

1.

Владѣлецъ дома былъ иностранецъ и проживалъ то въ Польшѣ, то на югѣ Франціи. Управляющій при автомобильной катастрофѣ потерялъ восьмую часть черепа и обрѣлъ — уже послѣ выздоровленія — нѣжную страсть къ разведенію канареекъ. У него ихъ было семьдесять штукъ. Поэтому оставшіяся въ цѣлости семь восьмыхъ его головы были цѣликомъ поглощены заботами о канареечной гигіенѣ и діетѣ. Короче говоря, домомъ управлялъ портье Боссъ.

Зоркіе бѣгающіе глаза этого маленькаго юркаго человѣка и его длинный крючковатый носъ, на которомъ явно запечатлѣлся никогда не остывающій интересъ къ чужимъ дѣламъ, утверждали его всемогущество въ домѣ. Онъ зналъ все. Ему было извѣстно, кто изъ жильцовъ нарушаетъ седьмую заповѣдь, кто ждетъ наслѣдства, кто уклоняется отъ дѣторожденія.

И вотъ почему, когда Боссъ сообщилъ однажды всѣмъ домовымъ горничнымъ и кухаркамъ, что па-

рикмахеръ Кунэ сталъ звѣрски обращаться со своей женой и заставляетъ ее ходить въ рваной обуви, между тѣмъ какъ у него самого чуть ли не пять паръ совершенно новыхъ ботинокъ. — Боссу предложили вмѣшаться въ это дѣло.

Онъ озабоченно нахмурился и сказалъ:

— Да, надо будетъ поговорить съ нимъ. Такъ это оставить, дѣйствительно, нельзя. И подумайте: со своими двумя собачками онъ обращается въ тысячу разъ лучше, чѣмъ со своей женой!

Правда, собачки были цѣнныя, премированныя, изъ породы шнауцеровъ, а госпожа Кунэ давно уже пребывала внѣ всякаго конкурса, но все же Боссъ твердо рѣшилъ поговорить съ ея жестокимъ супругомъ.

Тутъ надо сказать прямо: человѣколюбія у Босса не было ни одного атома; онъ просто принадлежалъ въ породѣ тѣхъ ласковыхъ и не очень обременительныхъ шантажистовъ, которые съ улыбочкой на лицѣ осторожно доводятъ до вашего свѣдѣнія, что имъ извѣстно про васъ то-то и то-то, и, получивъ сигару, кусокъ мыла или дѣтскій велосипедъ, мгновенно начинаютъ почему-то увѣрять своего собесѣдника, что люди злы, болтливы, а главное, завистливы.

Но Боссъ такъ и не успѣлъ поговорить съ Кунэ. Въ тотъ же день съ женой парикмахера случился ударъ. У нея отнялась лѣвая половина тѣла, и она лишилась языка. Жившій въ томъ же домѣ врачъ установилъ, что ея положеніе безнадежно. И вотъ началось исторія.

2.

Дня черезъ три парикмахеръ Кунэ, совершенно выбившійся изъ привычной семейной колеи, остановился на одной изъ своихъ трехъ мастерицъ, миловидной толстушкѣ фройляйнъ Пильцъ и попросилъ ее присматривать за хозяйствомъ и за больной. Это была нелегкая задача, но фройляйнъ Пильцъ блеснула своимъ проворствомъ и сразу стала незамѣнимой. И ничего не было страннаго въ томъ, что она тотчасъ же перевезла къ парикмахеру всѣ свои вещи и поселилась въ крохотной комнатѣ при кухнѣ.

Кунэ легко вздохнулъ. Проводить вечера съ онѣмѣвшей женой, беспрестанно вращавшей бѣлками немигающихъ глазъ, было мучительно. Въ квартирѣ стояло унылое отчаяніе. Между тѣмъ, бѣдовая фройляйнъ Пильцъ вносила бодрость, молодую суету и оказалась чудесной собесѣдницей. Кунэ прямо-таки ожилъ и былъ чрезвычайно доволенъ. Такъ доволенъ, что однажды ночью онъ пошелъ признаться въ этомъ фройляйнъ Пильцъ въ ея каморку и оттуда вернулся только подъ утро. Вмѣстѣ съ нимъ провели ночь въ каморкѣ и двѣ собачки. Умные псы безъ всякаго раздумья признали въ жизнерадостной фройляйнъ новую хозяйку и всю ночь выражали свои вѣрноподданическія чувства счастливымъ визгомъ. А еще черезъ нѣсколько дней фройляйнъ Пильцъ, отбросивъ въ сторону ложный стыдъ (да и былъ ли дѣйствительно смыслъ стѣсняться парализованной старухи!) въ одиннадцатомъ часу вечера просто юркнула подъ одѣяло къ Кунэ, кровать котораго упиралась въ кровать его жены. Разумѣется, старуха ничего не могла видѣть, но

слышала отлично ибо, потерявъ даръ рѣчи, она полностью сохранила слухъ.

Но почему этому обстоятельству такъ шумно радовались собачки? Почему безцеремонность игривой фройляйнъ доставила имъ столько удовольствія? Непонятно.

3.

Новая конституція въ парикмахерской взбудоражила весь домъ. Всѣ двадцать четыре квартиры сразу заговорили о неслыханномъ безстыдствѣ Кунэ, не признающаго ни человѣческихъ, ни божескихъ установленій, а особенно шипѣли оказавшіяся въ домѣ три старыя дѣвы. Цѣлыми вечерами слѣдили онѣ за широкимъ окномъ безстыжаго прелюбодѣя, утоляя свое пламенное любопытство скачущими силуэтами на занавѣскѣ.

Но, конечно, масло въ огонь усердно подливалъ портье Боссъ, который первый установилъ, въ чемъ заключается роль фройляйнъ Пильцъ и въ дальнѣйшемъ не скупился на ежедневную информацію.

Маленькій дворъ дома представлялъ собою глубокій колодецъ (таково, какъ извѣстно, требованіе архитектурной экономики). Обычно этотъ колодецъ заполнялся сверху до низу смѣшаннымъ эхо никого не задѣвавшихъ семейныхъ разговоровъ и дѣтскимъ крикомъ. Сейчасъ въ немъ клубились ѣдкія испаренія злобы. Въ парахъ этой злобы безпокойный портье Боссъ сѣлъ однажды за столъ и слегка измѣненнымъ почеркомъ началъ строчить доносъ на парикмахера Кунэ, обвиняя его въ явномъ намѣреніи извести больную

жену безнравственнымъ надъ ней издѣвательствомъ. Онъ долго размышлялъ, кому отправить этотъ доносъ — прокурору или въ полицей-президiумъ, но какъ разъ въ это время парикмахеръ вышелъ изъ своей квартиры и сѣлъ въ трамвай. Боссъ отложилъ въ сторону письмо и немедленно отправился къ фройляйнъ Пильцъ.

Съ плутоватой улыбочкой на губахъ, бросая нескромные взоры въ сосѣднюю комнату, онъ освѣдомился у толстушки о здоровьи г-жи Кунэ и вскользь, точно черезъ силу, упомянулъ про глупое любопытство жильцовъ, безпрестанно донимающихъ его разспросами о томъ, что дѣлается въ квартирѣ Кунэ.

Фройляйнъ Пильцъ похлопала Босса по плечу (это должно было означать: «мы будемъ жить съ вами въ дружбѣ») и, повертѣвшись, сунула ему въ руку флакончикъ духовъ, коробку пудры и кисточку для бритья.

Весь зарядъ недоброжелательства мгновенно исчезъ у Босса.

— Я давно держусь того мнѣнія, — сказалъ онъ, презрительно указывая на двадцать четыре квартиры, — что когда человѣкъ не находитъ ничего интереснаго у себя дома, онъ заглядываетъ въ чужiя окна.

Самого себя онъ этимъ, конечно, не имѣлъ въ виду, и въ широкое окно Кунэ продолжалъ подсматривать каждый вечеръ. Но злая досада все-таки не покидала его. Она только перешла на собачекъ. По вечерамъ парикмахеръ выходилъ съ фройляйнъ Пильцъ на порогъ своей квартиры, одной рукой благодушно упирался о косякъ двери, а другую клалъ толстушкѣ на плечо. Собачки рѣзвились у ихъ ногъ и преданно терлись

мордами то о брюки г. Кунэ, то о розовые чулки фройляйнъ Пильцъ.

— Вотъ подлыя твари! — злобствовалъ портье. — Еще недавно онѣ такъ же преданно тéрлись мордами о ноги старухи. Ничего нѣтъ постояннаго на землѣ!

И это была сущая правда не только по отношенію къ неразумнымъ собакамъ. Дѣйствительно нѣтъ ничего постояннаго. Медовые дни г. Кунэ длились не многимъ больше мѣсяца. Однажды утромъ, взбивая мыльную пѣну, онъ почувствовалъ боль въ животѣ. Передъ вечеромъ ему сдѣлали операцію. А ночью онъ уже лежалъ въ мертвецкой, съ номеромъ, привязаннымъ къ пальцу ноги.

4.

Никогда еще смерть человѣка не вызывала такого единодушнаго удовлетворенія, какъ это случилось послѣ кончины парикмахера. Дворъ захлебывался отъ торжества: парализованная старуха продолжала жить, а крѣпкій здоровякъ былъ властно отторгнутъ отъ постыднаго сластолюбія и отправленъ на тотъ свѣтъ. Подѣломъ ему, канальѣ! Есть еще значитъ, справедливость на землѣ! Есть, есть!

Двадцать четыре квартиры шумно упивались злорадствомъ. Три старыя дѣвы изнывали отъ недостатка восторженныхъ словъ. Портье Боссъ. . .

Нѣтъ, портье Боссъ былъ одинокъ въ этомъ станѣ ликующихъ. Его грызла нестерпимая досада. Въ немъ пламенѣла ярость. Онъ снова сталъ сочинять доносъ и вкладывалъ въ него все свое негодованіе и желчь.

Дѣло въ томъ, что онъ узналъ одну потрясающую новость: парикмахеръ успѣлъ написать завѣщаніе, и свое имущество дѣлилъ поровну между обѣими женщинами. Стало быть, фройляйнъ Пильцъ дѣлается полной хозяйкой въ домѣ? Неслыханно! Невѣроятно! Недопустимо! При чемъ здѣсь совершенно чужая женщина, случайно вошедшая въ домъ? Гдѣ же послѣ этого справедливость? И, наконецъ, развѣ эта ловкая втируша не постарается отправить на тотъ свѣтъ и старуху?

— Нѣтъ, нѣтъ, я этого дѣла такъ не оставлю! — сказалъ себѣ портье и прежде чѣмъ заклеить конвертъ, въ которомъ уже лежалъ готовый доносъ, отправился къ овдовѣвшей фройляйнъ.

На толстушкѣ было кокетливое траурное платье. Къ свѣтло-пепельнымъ волосамъ ея оно очень шло. А трехугольный вырѣзъ на груди, сочетавшій розовое съ чернымъ, могъ бы соблазнить самого Римскаго Папу.

Боссъ облизнулся и подумалъ: «Если бы ее сейчасъ увидѣлъ покойный Кунэ, онъ безусловно оставилъ бы ей и вторую половину наслѣдства. Вотъ тварь!»

Но сказалъ онъ другое:

— Удивительно, какъ людей занимаютъ чужія дѣла. — И презрительно указалъ рукой на всѣ пять этажей.

Фройляйнъ Пильцъ сокрушенно вздохнула и замѣтила:

— Такова жизнь, г. Боссъ. Такова жизнь.

Затѣмъ она попросила его переставить шкафъ и комодъ и, когда это было сдѣлано, сняла съ вѣшалки костюмъ покойнаго Кунэ и сказала:

— Это вамъ на память о господинѣ Кунэ. Онъ васъ очень уважалъ.

Костюмъ былъ совершенно новый. Покойникъ и Боссъ были одного роста и одинаковаго тѣлосложенія, и, значитъ не требовалось никакой передѣлки. Боссъ горячо пожалъ руку фройляйнъ Пильцъ и, увидѣвъ, какъ одна изъ собаченокъ, поднявшись на заднія лапки, лизала ей черные чулки, восторженно обронилъ:

— Удивительно, какъ собаки быстро успѣли къ вамъ привязаться!

Отъ только-что бурлившаго негодованія не оставалось и слѣда, а между тѣмъ въ двадцати четырехъ квартирахъ негодованіе возникало съ новой силой.

5.

Нѣкій восточный мудрецъ предостерегалъ людей отъ предѣльнаго изъявленія радости, злобы и отчаянія. На всякій случай, говорилъ онъ, надо оставить свободное мѣсто для изъявленія другого такого же сильнаго чувства. Иначе новая радость или новая злоба больше не вмѣстится и польется черезъ край. Что тогда?

Такъ было и съ жильцами двадцати четырехъ квартиръ. Озлобившись до послѣдняго предѣла противъ овдовѣвшей фройляйнъ, которая ввела въ грѣхъ слабаго Кунэ и въ столь короткій срокъ прибрала къ своимъ рукамъ половину его имущества, — что могли жильцы еще сказать, когда три недѣли спустя умерла и старуха, а пріѣхавшіе родственники ея сочли цѣлесообразнымъ не дѣлить имущества, а поручить той же фройляйнъ Пильцъ дальнѣйшее руководство хорошо поставленной парикмахерской? Толстушка обяза-

лась выплачивать имъ опредѣленную сумму и стала полновластной хозяйкой.

Сто шестнадцать жильцовъ задыхались отъ негодованія. Въ колодцѣ грохотали громы и сверкали молніи. Негодовалъ и портье Боссъ.

— Тутъ дѣло не чисто! — восклицалъ онъ въ бѣшеномъ гнѣвѣ. — Такъ это оставить невозможно.

Но еще прежде, чѣмъ онъ сѣлъ за сочиненіе новаго доноса, портье сообразилъ, что только теперь и можно какъ слѣдуетъ использовать коварную фройляйнъ и доить ее регулярно, какъ доятъ корову.

Бурное движеніе гнѣва онъ на время затормозилъ; накрѣпко завинтилъ всѣ душевныя гайки, закрылъ всѣ краны и снова навѣдался къ фройляйнъ Пильцъ.

Но портье Боссъ, какъ уже сказано, былъ изъ породы дешевыхъ шантажистовъ. Получивъ два платья старухи, ея зимнее пальто и вязаную кофту, онъ сразу успокоился и рѣшилъ, что черезъ два мѣсяца заглянетъ снова. Въ концѣ концовъ, разсуждалъ онъ, можно будетъ, припугивая фройляйнъ, пріучить ее къ постоянной контрибуціи.

Однако, онъ ошибся. Произошло то, чего никакъ нельзя было предвидѣть. Не прошло двухъ недѣль, какъ у фройляйнъ Пильцъ появился утѣшитель въ видѣ широкоплечаго парня съ голубыми глазами. А чуткія уши Босса тотчасъ же установили, что этотъ парень не только приходитъ къ ней въ гости, но и остается ночевать.

Теперь ужъ нельзя было медлить съ доносомъ, — и рѣшительной походкой разъяренный Боссъ направился въ парикмахерскую. На этотъ разъ онъ не улыбался. Онъ былъ строго офиціаленъ. Онъ сухо ука-

залъ фройляйнъ, что не намѣренъ изъ-за нея быть оштрафованнымъ полиціей и требовалъ, чтобы другъ ея пересталъ здѣсь ночевать.

— Ахъ, г. Боссъ! — весело изумилась толстушка. — Да вѣдь это мой женихъ и черезъ три недѣли мы женимся! Иди сюда, Карлъ.

Боссъ измѣнился въ лицѣ и ощутилъ судорогу въ горлѣ. Кончено!

А когда онъ еще увидѣлъ, какъ собачки ласково трутся мордами о широкіе сѣрые штаны голубоглазаго Карла, онъ обомлѣлъ: собаки уже признавали въ этомъ проходимцѣ новаго господина!

И какое нестерпимое свинство: онѣ залаяли на Босса!

6.

Въ тотъ самый день, когда происходила свадьба, и фройляйнъ Пильцъ неопровержимо становилась госпожей Мукъ, портье Боссъ переживалъ страданія, которыя онъ никакъ не могъ себѣ объяснить. Онъ дрожалъ. Онъ нервничалъ. Онъ задыхался.

Въ четвертомъ часу дня онъ заглянулъ въ сосѣднюю пивную, яростно опрокинулъ въ себя рюмку коньяку и ей вдогонку отправилъ большую кружку пива. Пять минутъ спустя онъ почувствовалъ опьяненіе и отправился спать. Но спать ему не хотѣлось. Онъ размышлялъ.

Боссъ размышлялъ о томъ, какая непонятная штука — собственникъ. Онъ мучительно старался объяснить себѣ, какъ это такъ случилось, что въ квартиру покойной четы Куновъ вошли совершенно чужіе люди

и завладѣли ихъ имуществомъ и деньгами, которыя тѣ копили въ продолженіе тридцати лѣтъ. А гнусныя собаки такъ же преданно лижутъ имъ ноги, какъ лизали прежнимъ владѣльцамъ.

Боссъ искоса посмотрѣлъ на свою преждевременно посѣдѣвшую жену. Она гладила бѣлье. Ему стало страшно.

Дѣтей у нихъ не было. Слѣдовательно, когда они оба умрутъ, всѣмъ его добромъ, которое онъ сколачивалъ свыше 25-ти лѣтъ, завладѣютъ чужіе люди вродѣ безстыжей Пильцъ и проходимца Мука. Кому же въ концѣ концовъ все это принадлежитъ?

Боссъ закрылъ глаза. Ему тотчасъ же представился крохотный домикъ, на бѣломъ фронтонѣ котораго было выведено желтой краской: 1530. Боссъ напрягъ память и вспомнилъ.

Онъ родился въ Роттенбургѣ, игрушечномъ баварскомъ городкѣ, состоявшемъ исключительно изъ зданій 16-го и и 17-го вѣка. На одномъ изъ такихъ зданій подъ цифрой 1530 стояла надпись:

Этотъ домъ мой
И все же не мой.
И не того, кто придетъ
Послѣ меня. А третьяго
Также вынесутъ отсюда.
Скажи же, прохожій,
Кому принадлежитъ этотъ домъ?

Эту надпись онъ много разъ читалъ въ дѣтствѣ и, конечно, никогда не задумывался надъ ней. Теперь она ужаснула его. Да, это вѣрно, сокрушался Боссъ: собственниковъ не существуетъ. Люди — только времен-

ные гости на землѣ. А вся земля — гостиница для проѣзжающихъ. И не мудры ли въ конечномъ итогѣ куновскія собачки, лижущія ноги всякому хозяину, который ихъ кормитъ?

Боссъ вскочилъ съ кровати, купилъ букетъ дешевыхъ цвѣтовъ и отправился поздравлять новобрачныхъ.

АГАСФЕРЪ

— Я дѣйствительно начну съ одного стариннаго итальянскаго астролога по имени Гвидо Бонати, который утверждалъ, что въ 1223 г. онъ встрѣтилъ человѣка, бывшаго современникомъ Христа. . .

Такъ началъ мой сосѣдъ по скамейкѣ, стоявшей у самаго озера.

Откровенно говоря, у меня не было ни малѣйшаго желанія выслушивать эту навязанную мнѣ лекцію, но я попался: необдуманный кивокъ головы и внимательный взглядъ въ сторону моего сосѣда мгновенно вдохновили его. Между тѣмъ, я очутился у озера вовсе не для того, чтобы съ кѣмъ-нибудь бесѣдовать.

Я пришелъ сюда наблюдать весеннее пробужденіе природы, что я дѣлалъ почти каждый день, на нѣсколько часовъ покидая суетливый Берлинъ. Въ загородной тишинѣ я какъ бы возвращался къ склонностямъ своихъ молодыхъ лѣтъ, когда я любилъ бродить по весеннимъ дорогамъ, мимо пашенъ и лѣсовъ.

На этотъ разъ я былъ въ пустынномъ Целендорфѣ

и сидѣлъ — повторяю — на скамьѣ передъ озеромъ, прислушиваясь, какъ въ прибрежныхъ деревьяхъ весело гомозились птицы.

Внезапно, точно въ самомъ дѣлѣ изъ-подъ земли, показался сутулый старикъ, опиравшійся на грубую самодѣльную палку, напоминавшую посохъ. Пристально и недружелюбно онъ посмотрѣлъ на меня, сухо поклонился и сѣлъ рядомъ. Такъ просидѣлъ онъ неподвижно и молча минутъ десять, а затѣмъ подошелъ къ озеру, собираясь стать на доску, представлявшую нѣчто вродѣ пристани для лодокъ.

Я давно замѣтилъ, что доска была гнилая, и она врядъ ли выдержала бы тяжесть грузнаго старика.

— Будьте осторожны, — поторопился я предупредить его. — Доска гнилая.

Онъ обернулся, удивленно посмотрѣлъ на меня, словно я сказалъ нѣчто совершенно неумѣстное и — высокомѣрно улыбнулся.

— Мнѣ бояться нечего, — замѣтилъ онъ безпечнымъ тономъ но все-таки доской не воспользовался. Посмотрѣвъ вдаль, онъ вернулся къ скамьѣ, снова усѣлся и только тогда добавилъ: — Я не боюсь смерти.

Мнѣ не хотѣлось поддерживать разговоръ, и я промолчалъ. Но должно быть, на моемъ лицѣ онъ успѣлъ уловить достаточное недоумѣніе и поспѣшилъ объясниться.

— Я дѣйствительно не боюсь смерти, потому что знаю напередъ, что она минуетъ меня. По крайней мѣрѣ, здѣсь.

Я презрительно подумалъ: — Астрологъ, составитель гороскоповъ?

И изъ вѣжливости спросилъ:

— Вы вѣроятно астрологъ? Или вѣрите въ астрологію?

— О, нѣтъ, — отвѣтилъ онъ недовольно. — Избави Богъ! Этимъ я не занимаюсь. Астрологія — либо шарлатанство, либо ребячество. И то и другое мнѣ совершенно чуждо. Но чтобы у васъ не оставалось недоумѣнія отъ только что сказаннаго мною, я могу пояснить свои слова. Полагаю, что это будетъ вамъ интересно.

Я кивнулъ головой.

Старикъ подумалъ немного, затѣмъ внимательно посмотрѣлъ на меня сумрачными глазами и началъ рзсказывать.

*

— Я дѣйствительно начну съ одного стариннаго итальянскаго астролога по имени Гвидо Бонати, который утверждалъ, что въ 1223 году онъ встрѣтилъ человѣка, бывшаго современникомъ Христа. Этого человѣка, по его словамъ звали Буттадеусъ, что значитъ «ударившій Господа». А получилъ онъ свое позорное прозвище за то, что когда Христосъ шелъ на Голгоѳу, Буттадеусъ въ фанатичной ярости приверженца старины ударилъ Его по лицу. И вотъ, за это Буттадеусъ будто бы былъ осужденъ на вѣчныя скитанія. Но я долженъ сказать, что это не правда. Это клевета. И прежде всего клевета на Самого Христа. Ибо кроткій Христосъ не могъ быть столь мстительнымъ и жестокимъ, чтобы обречь кого-то на вѣчную муку. И Данте поступилъ совершенно правильно, что въ сво-

ей «Божественной Комедіи» помѣстилъ обманщика Бонати въ одинъ изъ девяти круговъ ада. Но все же неправда распространялась много столѣтій, и много почтенныхъ людей прибѣгали къ этой лжи, чтобы вызывать сугубую жалость къ Христу и ненависть къ Его противникамъ. Такъ поступали англійскій монахъ Роджеръ Вендуэръ, путешественникъ Янъ Мехельнъ, епископъ Шлезвигскій Эйценъ, Филиппъ Муске и другіе. Даже такой ученый, какъ монахъ Сентъ-Альбанскаго монастыря Матвѣй Парижскій, который любилъ говорить, что «лгать значитъ оскорблять Господа», — и тотъ прибѣгалъ къ упомянутой небылицѣ, переиначивъ имя Буттадеуса въ Картофила, не замѣчая того, что это имя означаетъ по гречески «очень любимый». Какъ же можетъ человѣкъ, осужденный Христомъ на вѣчную муку, называться «очень любимымъ»! .. Когда нравы становились болѣе жестокими, уже недостаточно было разсказывать, что кто-то ударилъ Христа, пришлось снабдить этого дерзкаго человѣка желѣзной перчаткой. Но опять-таки: я утверждаю, что и это неправда. Дѣло обстояло не такъ, и можете мнѣ повѣрить, что я лучше другихъ знаю, какъ это случилось, потому что. . . потому, что я и есть этотъ человѣкъ, именуемый Вѣчнымъ Жидомъ. Вы меня слушаете?

*

Я былъ тогда совсѣмъ молодымъ и стоялъ на порогѣ своего дома, разсматривая проходившую мимо меня толпу. Съ криками и насмѣшками она сопровождала Христа, шедшаго на Голгоѳу. Я видѣлъ Его впер-

вые, но зналъ, что Онъ объявилъ Себя Сыномъ Человѣческимъ и обѣщалъ воскреснуть послѣ смерти, чтобы войти въ Царствіе Свое. Въ нашей религіи ничего объ этомъ не говорилось, и я считалъ, что Христосъ лже-пророкъ, какихъ въ тѣ времена было не мало. И поэтому, когда, изнемогая подъ тяжестью креста, Іисусъ остановился, чтобы отдохнуть, я насмѣшливо закричалъ ему: «Чего же ты медлишь? Тебѣ вѣдь смерть не страшна!». Христосъ съ улыбкой посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «Я пойду. Но ты будешь ждать Моего возвращенія, чтобы убѣдиться въ истинѣ всѣхъ Моихъ словъ». Я вернулся въ свой домъ, гдѣ жилъ мой отецъ плотникъ и моя мать портниха, шившая платья для левитовъ. Очень скоро я забылъ о Христѣ, какъ и многіе изъ моихъ соплеменниковъ, и вспомнилъ о Немъ только черезъ много лѣтъ, когда уже былъ старъ. Къ тому времени императоръ Титъ Веспасіанъ разрушилъ Іерусалимъ, моя семья вынуждена была бѣжать изъ Палестины въ Александрію, одинъ за другимъ умирали мои сверстники, а я, немощный, убогій и пресыщенный годами, еще не чувствовалъ приближенія смерти и испытывалъ худшее, что можетъ испытывать человѣкъ, ибо я видѣлъ смерть своихъ дѣтей и пережилъ всѣхъ своихъ внуковъ. Вотъ тогда я вспомнилъ о словахъ Іисуса изъ Назарета и разсказалъ о нихъ кому то изъ окружающихъ. Мой необычный разсказъ дошелъ до людей, называвшихъ себя христіанами, и они стали толпами приходить къ моему дому, чтобы упрекать меня за ошибку, содѣянную въ молодости и по неразумѣнію. И я бѣжалъ отъ нихъ. Бѣжалъ сначала на островъ Кипръ, оттуда въ Римъ, чтобы подобно каплѣ, попавшей въ море, затеряться

среди множества разноплеменныхъ людей, населявшихъ этотъ великій городъ.

*

Но слухъ обо мнѣ неотступно сопровождалъ мои скитанія. Гдѣ бы я ни появлялся, до меня тотчасъ же доходилъ разсказъ о блуждающемъ по свѣту евреѣ, отъ котораго отворачивается даже смерть. Мнѣ приписывали разныя чудодѣйства, утверждали, что по ночамъ у меня на лбу горитъ крестъ, что старикамъ я могу возвращать молодость, что я узнаю судьбу по созвѣздіямъ и что, спознавшись съ дьяволомъ, я изъ навоза умѣю дѣлать полноцѣнное золото. Все это неправда. Правда лишь то, что я не умираю и время отъ времени возвращаюсь на прежнія мѣста... Въ своихъ скитаніяхъ я питался подаяніемъ, которое давали мнѣ мои единовѣрцы, но чаще всего я зарабатывалъ хлѣбъ свой совѣтами житейскаго опыта, мелкой торговлей и разсказами про старину. Вся исторія человѣчества прошла передъ моими глазами, и врядъ ли кто-нибудь другой могъ такъ легко сопоставлять настоящее съ прошлымъ. Къ тому же Господь одарилъ меня памятью, и въ ея архивахъ сохранилось все. Но даръ этотъ поистинѣ двусторонній, ибо, сохраняя воспоминанія о хорошемъ, онъ сохраняетъ и воспоминанія о зломъ, и такъ какъ доброты всегда было мало на землѣ, — боль преобладала. Оттого я сутулъ и согбенъ, и въ глазахъ у меня люди видѣли печаль тысячелѣтій. И хотя другихъ внѣшнихъ признаковъ на мнѣ не было, но меня дѣйствительно часто узнавали, точно Господь въ самомъ дѣлѣ наложилъ на меня нестираемый знакъ,

пугавшій людей. Къ тому же смерть упорно избѣгала меня, что повергало въ изумленіе окружающихъ и еще болѣе отмѣчало мое избранничество. Вотъ почему, чуждаясь пристальныхъ взглядовъ и переходя съ мѣста въ мѣсто, я сталъ мѣнять свое имя, дабы скрыть свои слѣды. Я выбиралъ имена простыя, обычныя, ничѣмъ не желая выдѣляться, но людская молва именовала меня вычурно-звучно, называя то Буттадеусомъ, то Фалсатомъ, то Малкомъ, то Родуиномъ, то Картофиломъ, то Агасферомъ. Только одинъ разъ — это было въ Брабантѣ въ 1640 г. — я избралъ для себя имя Исаакъ Лакедемъ, что означаетъ «человѣкъ древняго міра», но когда меня узнали, я снова перемѣнилъ свое прозвище на простое, незначительное, и съ тѣхъ поръ никогда не поступаю иначе. Легенда обо мнѣ пронеслась по всему міру, но въ этомъ я повиненъ развѣ только тѣмъ, что, спасаясь отъ указующихъ перстовъ, я неустанно блуждалъ по всей землѣ — по югу Франціи, по Рейну, въ Нидерландахъ, по Богеміи и Польшѣ — и запечатлѣвался въ памяти людей, склонныхъ къ таинственному и необычному. И разумѣется, всегда находились тщеславные и корыстные люди, умѣло пользовавшіеся этими слабостями окружающихъ, чтобы плѣнить ихъ воображеніе тайнымъ признаніемъ, что они, какъ и я, никогда не умираютъ и помнятъ Христа. Такъ говорилъ о себѣ Каліостро, такъ поступалъ графъ Сенъ-Жерменъ, тоже выдававшій себя за Вѣчнаго Жида, вдобавокъ будто бы знавшаго составъ жизненнаго элексира. Онъ дѣйствительно былъ еврей, но изъ Эльзаса, по фамиліи Эймаръ, и на вѣчность не былъ обреченъ. Онъ былъ просто обманщикъ.

*

Я ужъ говорилъ, что время отъ времени возвращаюсь на прежнія мѣста. Но есть страна, которую я нѣкогда покинулъ, но которую я больше не видѣлъ, предназначивъ ее для послѣдняго убѣжища, какъ предѣлъ моихъ блужданій по землѣ. И вы догадываетесь конечно, что я говорю о той самой странѣ, гдѣ я родился и откуда я началъ свой долгій путь. Послѣ многихъ вѣковъ отсутствія сейчасъ я впервые направляюсь туда и на порогѣ своего стараго дома буду трепетно поджидать возвращенія Іисуса съ Голгоѳы, который обѣщалъ мнѣ вернуться и принести съ Собою царство не отъ міра сего, изгоняющее всякую неправду и несправедливость. Онъ обѣщалъ это! И если дѣйствительно такъ будетъ, моимъ странствіямъ наступить конецъ и изъ мучительной необычности я перейду къ обыденному и успокоюсь, какъ и всѣ другіе...

*

Онъ вздохнулъ и замолчалъ. Потомъ вдругъ тревожно засуетился, быстро застегнулъ пальто, поставилъ воротникъ и, поклонившись, зашагалъ, грузно опираясь на палку.

Я съ изумленіемъ смотрѣлъ ему вслѣдъ, стараясь объяснить себѣ, что это за человѣкъ, проникновенно искреннимъ голосомъ разсказавшій мнѣ сказку про себя, и поэтому не замѣтилъ, какъ съ противоположной стороны появилась женщина съ испуганно-озабоченнымъ лицомъ.

— Не видали ли вы здѣсь старика съ палкой? — спросила она.

Я отвѣтилъ утвердительно и показалъ ей, въ какую сторону онъ только что ушелъ.

— А кто это такой? — полюбопытствовалъ я. — Онъ разсказывалъ такія странныя вещи.

Она на мгновеніе запнулась и смущенно объяснила:

— Это профессоръ университета. Историкъ. Его лишили кафедры. Это такъ подѣйствовало на него, что онъ психически заболѣлъ и почти каждый день улучаетъ моментъ, чтобы уйти въ Палестину. Часами мнѣ приходится разыскивать его. Я состою при немъ въ качествѣ сидѣлки. Нелегкое занятіе ухаживать за душевно-больнымъ.

ЧЕЛОВѢКЪ СО ШПАГОЙ

Памяти Н. Е. Ш.

I.

Гостиницы были переполнены, и въ шести изъ нихъ не оказалось ни одного свободнаго номера. Кирѣевъ велѣлъ извозчику ѣхать на Бассейную, гдѣ жилъ его старый товарищъ Краузе, надѣясь, что хоть тотъ не откажетъ пріютить его, пока онъ не подыщетъ себѣ комнаты.

Они были товарищи и по гимназіи и по университету, но ихъ больше связывали дѣловыя отношенія: живя въ провинціи, Кирѣевъ очень часто пользовался услугами Краузе, когда надо было справиться о чемъ-нибудь въ сенатѣ, или просто передавалъ ему свои дѣла. Иного общаго между ними не было.

Кирѣевъ жилъ въ мірѣ трезвыхъ мѣщанскихъ идей, не одолѣваемый никакими сомнѣніями. Выступалъ въ судахъ, копилъ деньги, игралъ по маленькой въ винтъ и старался внушить своей женѣ, что объ иной жизни

и мечтать не слѣдуетъ. Краузе онъ считалъ человѣкомъ способнымъ, но свысока смотрѣлъ на его увлеченіе искусствомъ, книгами и на его страсть собирать рѣдкости. Кромѣ того, ему еще не нравилось, что Краузе былъ два раза женатъ и разошелся съ обѣими женами, отдавшись во власть кратковременныхъ связей то съ актрисами, а то просто со скучающими женщинами.

Онъ пріѣхалъ, когда Краузе еще въ постели читалъ газету. Тусклый свѣтъ столичнаго утра, напоминавшаго раннія сумерки, мало располагалъ къ оживленности разговора при встрѣчѣ. Да и къ тому же Кирѣевъ сразу взялъ брюзжащій тонъ человѣка, подавленнаго непріятностями: въ гостиницахъ нѣтъ мѣста, жена больна, долгожданный прибыльный процессъ въ сенатѣ снова отложенъ и, наконецъ, предстоитъ призывъ въ армію: Кирѣевъ былъ ратникъ ополченія второго разряда.

Краузе, апатично зѣвая, приказалъ горничной перенести вещи Кирѣева во второй кабинетъ и, прервавъ длинное повѣствованіе товарища о его невзгодахъ, сказалъ:

— Ну, какіе могутъ быть разговоры! Живи, сколько тебѣ надо. Меня это не стѣснитъ.

Пока Краузе одѣвался, Кирѣевъ обошелъ комнаты его большой квартиры, густо уставленныя фарфоромъ, шифоньерками, столиками, надъ которыми нависали картины и гравюры, — и пожималъ плечами. Онъ не находилъ вкуса въ этомъ, и оттого, что настроеніемъ своимъ былъ далекъ отъ всѣхъ этихъ дорогихъ хрупкихъ вещей, испытывалъ чувство раздраженія къ вла-

дѣльцу ихъ, должно быть, не омраченному никакими тревогами.

На консоляхъ, столахъ, этажеркахъ были разставлены прекрасныя вазы и графины. Тутъ же стояли старинные часы, давно уже переставшіе слѣдовать за временемъ. Мебель была въ бѣлыхъ чехлахъ, чинная и скучающая. Отъ движенія на улицѣ звенѣлъ невидимый хрусталь въ огромной люстрѣ, закрытой облачкомъ изъ кисеи.

— На кой чортъ все это! — говорилъ себѣ Кирѣевъ. — Что это даетъ уму и сердцу? Книги — я еще понимаю, но эти вазы и графины? Прихоть бездѣльниковъ, не больше!

Послѣ завтрака онъ ушелъ и вернулся только къ вечеру. Краузе оказался дома и сидѣлъ въ глубокомъ старинномъ креслѣ, погрузившись въ чтеніе книги причудливаго автора, который увлекательно разсказывалъ о талисманахъ, перестраивающихъ человѣческую жизнь.

Кирѣевъ взялъ въ руки эту книгу, осмотрѣлъ оригинальный переплетъ ея со вдѣланнымъ въ черную кожу серебряннымъ ex libris'омъ, потомъ прочелъ нѣсколько строкъ, и усмѣхнулся. Точно другой міръ стоялъ передъ нимъ. Его реальная душа не могла вмѣстить въ себя неосязаемую суть идей, воплощаемыхъ только линіями, красками, звуками, и когда онъ съ этимъ сталкивался, ему тогда казалось, что его морочатъ.

Онъ спросилъ:

— Объясни мнѣ, пожалуйста, — я человѣкъ матеріалистическихъ взглядовъ и не разбираюсь въ тон-

костяхъ, — что все это даетъ тебѣ? Фарфоръ, книга о талисманахъ, старинные графины. . .

Краузе поднялъ голову и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него:

— Неужели ты не понимаешь? — убѣжденно сказалъ онъ. — Это связываетъ меня съ человѣчествомъ. Съ прошлымъ и будущимъ. Вещи — это обрывки прошлаго.

— Но вѣдь это мертвая матерія, — не унимался Кирѣевъ.

— Она еще не отслужила жизни. Вещи — это уплотнившіяся идеи. Матерія воспринимаетъ, но рано или поздно она и отдаетъ. Сила атомовъ огромна и она еще не выдохлась. Часть этой силы передается и мнѣ. Тогда я становлюсь умнѣе, возвышеннѣе или просто богаче наблюденіями.

Кирѣевъ могъ только пожать плечами. Если бы онъ не зналъ, что Краузе отлично устраиваетъ свои дѣла, выигрываетъ судебные процессы и убѣдительно составляетъ кассаціонныя жалобы, онъ рѣшилъ бы, что у него размягченіе мозга.

— Значитъ, — нерѣшительно замѣтилъ онъ, — эти чашки, кувшины и вазы, по твоему, ничѣмъ не отличаются отъ умныхъ и интересныхъ собесѣдниковъ.

Краузе улыбнулся.

— Они еще лучше ихъ. Они не назойливы, они терпимы и бесѣдуютъ со мною только тогда, когда я этого хочу.

— Ты, пожалуй, вѣришь, что вотъ въ такую вазу переселилась чья-нибудь душа?

— Ничего въ этомъ нѣтъ невозможнаго, — серьезно отвѣчалъ Краузе. — Хотя въ общемъ мнѣ не

нравится переселеніе душъ. Есть что-то отвратительное въ томъ, что человѣкъ можетъ подвергнуться самому грубому превращенію. Помнишь, что говоритъ Гамлетъ: «Прахъ Александра Македонскаго служитъ замазкой для печки. Великій Цезарь нынѣ прахъ и имъ замазываютъ щели».

Да, все это было интересно слушать Кирѣеву, но, озабоченный дѣлами и предстоящимъ призывомъ на войну, онъ былъ мало расположенъ разбираться въ круговоротѣ, описываемомъ душами и идеями, которыя будто бы никогда не умираютъ.

Онъ попрощался и ушелъ въ свою комнату, чтобы тотчасъ же лечь. Но очень скоро къ нему заглянулъ Краузе и, указывая на старинную вазу, стоявшую здѣсь же на комодѣ, озабоченно сказалъ:

— Вотъ у этой вазы, я убѣжденъ, есть душа. Безпокойная и причудливая. Ваза раньше стояла у меня въ столовой, рядомъ съ двумя маленькими кувшинами, поддѣланными подъ терракоту. И каждый разъ я находилъ ее отодвинувшейся. Точно ей было непріятно сосѣдство съ поддѣлками.

— Ну, что за вздоръ! — засмѣялся Кирѣевъ.

Краузе ничего не отвѣтилъ и вышелъ.

II.

Ложась въ постель, Кирѣевъ погасилъ электричество и, когда глаза его привыкли къ темнотѣ, посмотрѣлъ на вазу. Онъ слышалъ, что бываютъ этрусскія вазы, греческія, китайскія, еще какія-то, но, совершенно не разбираясь въ нихъ, ограничился только тѣмъ, что подумалъ: «Вѣроятно, не мало денегъ стоитъ».

Послѣ этого цѣлымъ рядомъ цѣплявшихся одна за другую мыслей онъ дошелъ до тревожившей его думы о предстоящемъ призывѣ. И рисуя свое будущее, онъ вдругъ вообразилъ себя военнымъ, въ полной боевой формѣ, рядомъ со взводомъ солдатъ. Но одновременно съ этимъ увидѣлъ нѣчто такое, что заставило его вздрогнуть.

Положивъ ногу на ногу, на вазѣ сидѣлъ изящный маленькій человѣкъ въ шляпѣ съ перомъ, въ туфляхъ, и со шпагой, которую онъ прижималъ къ колѣну золотымъ эфесомъ.

— Что за дьяволъ! — пробормоталъ Кирѣевъ и подтянулъ одѣяло, чтобы закрыть имъ голову.

— Ну, какой тамъ дьяволъ! — четкимъ шопотомъ отвѣчалъ человѣкъ со шпагой, тихо смѣясь. — Я христіанинъ и могу прочесть любую молитву.

Кирѣевъ молчалъ.

— Кто вы такой? — спросилъ онъ нѣсколько минутъ спустя не столько изъ любопытства, сколько изъ желанія услышать свой голосъ и убѣдиться, что не грезитъ.

— Меня нѣкогда звали Жеромъ де-Фуа, и родился я у самой границы Беарна.

— Это во Франціи?

— Насколько мнѣ извѣстно, — отвѣчалъ неожиданный гость, — Беарнъ только одинъ, и я родомъ именно оттуда.

— Какъ же вы сюда попали?

— Полностью на этотъ вопросъ я бы не могъ вамъ отвѣтить, но это и не важно. Если же васъ интересуетъ, кто я, то извольте: я разскажу вамъ въ краткихъ словахъ. Подробное повѣствованіе о томъ, что я пере-

жилъ, отняло бы много времени, а событій я зналъ не мало. Достаточно сказать, что мнѣ хорошо знакомы веселые проказы молодости, игра въ кости, охота, стычки съ проѣзжими купцами и невзгоды войны: въ 1521 году отъ Воплощенія Слова я вмѣстѣ съ войсками моего короля Франциска бралъ приступомъ Пампелуну и однимъ изъ первыхъ ворвался въ эту испанскую крѣпость. Вы меня слушаете?

Кирѣевъ молчалъ.

— Да, я былъ храбрый солдатъ. Но кромѣ воли человѣческой, есть еще воля судьбы, и шпагу рыцаря я промѣнялъ на небесные глобусы, астролябіи, ученыя книги и красивыя вещи. У меня былъ замокъ, унаслѣдованный отъ брата моей матери, у меня были книги, вышедшія изъ подъ лучшихъ станковъ,а стѣны моего замка были украшены оружіемъ, цѣнной утварью и узорными тканями временъ походовъ на Палестину. Неожиданно для самого себя я потерялъ вкусъ къ славѣ воина и сталъ домосѣдомъ. Я любилъ сидѣть у камина изъ цвѣтныхъ изразцовъ и при свѣтѣ горѣвшихъ дровъ разсматривать свои рѣдкости. Такъ я увлекся этой вазой, на которой теперь сижу, и душа моя слилась съ душой этого сокровища, купленнаго мною у грубаго ландскнехта за два испанскихъ скудо. Онъ похитилъ ее гдѣ-то въ Италіи, я привезъ ее въ Беарнъ, а теперь она здѣсь...

Но тутъ дворянинъ Жеромъ де-Фуа хлопнулъ себя по колѣну и воскликнулъ:

— Однако, пусть меня испечетъ самъ Вельзевулъ, если вы хоть сколько-нибудь интересуетесь моимъ перевоплощеніемъ. Въ настоящую минуту ваша голова больше занята мыслями, какъ бы избѣгнуть войны.

Для васъ это punktum saliens, выражаясь самымъ точнымъ изъ языковъ. Тогда знаете что? Я буду говорить о томъ, что для васъ наиболѣе понятно, Вы не хотите идти воевать. Это первое. Между тѣмъ, я обуреваемъ сильнымъ желаніемъ сражаться и рубить головы. Это второе. Давайте въ такомъ случаѣ мѣняться ролями. Другими словами, давайте помѣняемся нашими временными оболочками.

Кирѣеву стало не по себѣ. Не оттого, что передъ нимъ внезапно и фантастически очутился человѣкъ изъ другого міра, а оттого, что этотъ посторонній незнакомецъ такъ легко разгадалъ угнетавшую Кирѣева мысль.

Онъ закрылся одѣяломъ, сомкнулъ глаза и усиліемъ воли быстро призвалъ благодѣтельный сонъ.

Что же касается дворянина де Фуа, то онъ нѣсколько разъ нетерпѣливо перекладывалъ ногу на ногу и, не дождавшись отвѣта на свои слова, исчезъ, вѣрнѣе, растаялъ, какъ одинокая градовая туча на ясномъ небѣ.

III.

Слишкомъ трезвый, чтобы останавливаться на непостижимыхъ вещахъ, Кирѣевъ на слѣдующій день почти не думалъ о своей бесѣдѣ съ человѣкомъ со шпагой и безъ особаго труда увѣрилъ себя, что все это ему приснилось. Но, ложась спать и возвращаясь мыслями къ предстоящему призыву на войну, онъ снова увидѣлъ дворянина Жерома де-Фуа, который изысканно поклонился ему и, сдѣлавъ лукавое лицо, спросилъ:

— Итакъ, сударь, обдумали ли вы мое предложеніе?

Кирѣевъ молчалъ.

— Это не совсѣмъ учтиво, сударь, Post hominum memoriam, что означаетъ «съ незапамятныхъ временъ», принято отвѣчать на вопросы. Ибо для этого они и задаются.

Кирѣевъ не откликался.

— Тѣмъ болѣе, что я предлагаю вамъ выходъ изъ ложнаго положенія. Онъ же явится выходомъ и для меня. Инстинктъ чувственности, безпокойства и жажда опасныхъ ощущеній побуждаютъ меня промѣнять тихіе дни на бурные. Довольно съ меня неподвижности! Перебирая въ памяти минувшее, я съ нѣкотораго времени не могу безъ сладостнаго содроганія вспомнить ночную драку въ тавернѣ «Жирнаго Пѣтуха» близъ испанской границы. Дѣло началось изъ-за плутоватой служанки, которая дразнила меня своими толстыми икрами и хриплымъ голосомъ морской сирены. Почувствовавъ дрожь сладострастія, я, не долго размышляя, опрокинулъ свѣчу и пытался овладѣть дѣвушкой, давно уже забывшей, что такое дѣвственность. Но, какъ это часто бываетъ съ завѣдомыми потаскушками, она приняла гордый видъ непорочности и закричала. Дымные факелы вбѣжавшихъ освѣтили мою изступленную страсть, которая перешла въ ненависть къ помѣшавшимъ мнѣ выполнить велѣнія чувства. Вдобавокъ меня кто-то ударилъ по плечу. Тогда я полоснулъ хозяина ножомъ по шеѣ, а слугѣ сжалъ горло и быстрымъ движеніемъ вбилъ ему въ голову кортикъ, какъ вбиваютъ въ стѣну гвоздь. Помню, какъ на рукавъ моего камзола брызнуло нѣсколько капель блѣдно-розовой жидкости. Я посмотрѣлъ на нее, улыбнулся и почувствовалъ, какъ зрѣлище ея утоляетъ мою

ненасытную жажду дѣйственности. Вотъ каковъ я былъ! .. А затѣмъ все это миновало. Я затихъ. Душѣ захотѣлось созерцанія, и я отмахнулся отъ прежней своей жизни, погрузившись въ терпкій медъ, собранный для меня трудолюбивыми авторами ученыхъ сочиненій, мастерами живописи и тонкими ювелирами. Вы меня слушаете?

Кирѣевъ молчалъ.

— Я знаю, что вы меня слушаете, и потому продолжаю... Послѣ долгихъ дней бездѣйствія и тишины душа моя снова захотѣла урагана страстей, и капли блѣдно-розовой жидкости рисуются мнѣ зрѣлищемъ желаннымъ и пріятнымъ. Такъ вотъ — хотите ли вы обмѣняться со мною мѣстами? Я беру вашу оболочку и уступаю вамъ свою. Я снова стану солдатомъ и предамся во власть безпокойныхъ случайностей, которыя возбуждаютъ кровь, а вы притаитесь временно въ порахъ этой вазы и познаете красоту созерцанія.

Кирѣевъ, какъ и въ прошлую ночь, испуганно закрылся одѣяломъ, но противъ воли сказалъ:

— Хорошо.

Въ то же самое мгновеніе по улицѣ проѣзжалъ тяжелый грузовикъ. Колебаніе почвы передалось комоду. Комодъ вздрогнулъ. Пошатнулась и ваза, а затѣмъ упала прямо на Кирѣева. Тупой ударъ по лбу заставилъ его испуганно вскочить. Выругавшись, онъ схватилъ вазу, скатившуюся по подушкѣ къ стѣнѣ, и водворилъ ее обратно на комодъ. Черезъ минуту онъ снова спалъ, а на утро шутливо разсказалъ про свой сонъ и еще про то, что ваза свалилась ему на голову.

— И обѣ уцѣлѣли, — добавилъ онъ.

IV.

Краузе, однако, отнесся къ этому разсказу вовсе не такъ просто. По крайней мѣрѣ, позже, восемь или десять мѣсяцевъ спустя, онъ серьезно увѣрялъ своихъ друзей, что перемѣщеніе душъ состоялось, и тѣло Кирѣева стало новой оболочкой души дворянина де-Фуа.

И вотъ что онъ разсказывалъ.

Ваза, стоявшая на комодѣ, каждую ночь упорно мѣняла свое мѣсто. Причину этого безпрерывнаго передвиженія, длившагося пять мѣсяцевъ, можно было объяснить только тѣмъ, что новая душа вазы томилась, не удовлетворенная избранной ею оболочкой. И однажды вечеромъ, когда затихли шумы большого города, она свалилась на полъ.

Опечаленный Краузе думалъ собрать всѣ черепки, чтобы склеить ихъ, но онъ убѣдился, что ваза разсыпалась въ прахъ, отъ котораго не оставалось даже и тѣни.

Новая же оболочка души дворянина де-Фуа, по словамъ Краузе, оказалась болѣе крѣпкой. Офицеръ Кирѣевъ нѣсколькими подвигами заслужилъ упоминанія въ приказахъ по арміи. Онъ былъ совершенно безстрашенъ и бралъ на себя самыя рискованныя порученія. Но зато съ нимъ происходили странныя вещи.

При всякомъ удобномъ случаѣ онъ громко начиналъ осуждать современную войну, проклиная пулеметы, пушки, аэропланы, и тутъ же съ неистовой яростью буйно размахивалъ шашкой, точно видѣлъ передъ собою врага, которому хотѣлъ нанести самый звѣрскій ударъ. А когда рота солдатъ, которую онъ велъ, внезапно ворвалась въ одно австрійское мѣстечко и быст-

ро овладѣла имъ, другому офицеру той же роды долго пришлось уговаривать Кирѣева отказаться отъ дикаго намѣренія объявить всѣхъ женщинъ мѣстечка своей добычей. Онъ, конечно, уступилъ, но это причинило ему большія страданія. Рѣшено было дать ему отпускъ, чтобы онъ могъ привести въ порядокъ свои расходившіеся нервы.

Онъ съѣздилъ къ женѣ, но она очень скоро отпустила его безъ всякаго сожалѣнія, потому что онъ сильно избилъ ее, возмущенный ея совѣтомъ беречь свои нервы. И такъ какъ срокъ отпуска истекалъ, Кирѣевъ поспѣшилъ заѣхать въ столицу. Въ какомъ-то притонѣ, куда его завело чутье голоднаго солдата, онъ ввязался въ драку съ пьяными и одному изъ нихъ раскроилъ черепъ. Его арестовали, а затѣмъ отправили въ лечебницу, гдѣ врачи объявили его буйно-помѣшаннымъ и поили успокоительными микстурами.

Но никому изъ нихъ не пришла въ голову мысль, что въ немъ томилась дымящаяся душа средневѣковья, скучавшая въ строгихъ границахъ зоркаго Порядка.

Такъ разсказывалъ Краузе. Мы очень цѣнили его любовь къ искусствамъ и привязанность къ стариннымъ вещамъ и поэтому не рѣшались прекословить ему, хотя твердо были увѣрены, что этотъ разсказъ — всего только миніатюрная часть того Красиваго Обмана, которымъ онъ жилъ.

ЛЮБОВЬ КЪ БЛИЖНЕМУ

I.

Боркъ получилъ отъ жены очень курьезное письмо. Какъ жаль, что неудобно показать его пріятелямъ, — вотъ было бы смѣху.

Уже полтора года г-жа Боркъ по совѣту врачей проживала въ Италіи: послѣ длительнаго гриппа надо было подлечить легкія, Но больная уже вполнѣ оправилась, и въ сущности ей слѣдовало бы вернуться домой. Она, однако, осталась въ Италіи, чтобы, по ея словамъ, переждать берлинскую осень и зиму. Мужъ не возражалъ.

Вмѣстѣ съ г-жей Боркъ въ Италіи находился ея восьмилѣтній сынишка Ники, очаровательный сорванецъ. (Волосы цвѣта соломы, большіе черные глаза, съ длинными загибающимися рѣсницами). Прошлой осенью, осматривая Флоренцію, мать и сынъ познакомились и быстро подружились съ туристкой, француженкой m-lle Тубейранъ. Это была маленькая помѣщица изъ Прованса, 32-хъ лѣтъ, одинокая, независимая, холо-

стячка. Упорно сторонясь мужчинъ, она, однако обожала дѣтей и привязалась къ Ники съ какой-то пламенной страстностью, закрывавшей передъ ней и Италію и родину. Ея маленькое помѣстье близъ Авиньона давно ужъ требовало ея возвращенія. Ароматы лаванды и полевого тмина властно призывали ее къ себѣ. Но она никакъ не могла оставить Ники, завороженная цвѣтеніемъ его ликующей молодости и восторженно предоставила ему себя цѣликомъ.

Объ этомъ удивительномъ чувствѣ къ чужому ребенку г-жа Боркъ сообщала своему мужу нѣсколько разъ и даже какъ-то признавалась, что m-lle Тубейранъ вполнѣ бы могла ее замѣнить. Но въ послѣднемъ своемъ письмѣ г-жа Боркъ шла уже дальше и вотъ что писала она мужу.

«Не могу скрыть отъ тебя, что одна изъ серьезныхъ причинъ, побуждающая меня пока не возвращаться въ Берлинъ, это жалость къ m-lle Тубейранъ: разлука съ Ники причинитъ ей подлинное страданіе, и она уѣдетъ домой совершенно опустошенная. Но возвращаться все-таки надо — и мнѣ, и ей. Это понимаетъ и m-lle Тубейранъ, и вотъ къ чему мы пришли послѣ долгихъ бесѣдъ и основательныхъ размышленій:

«Ники безусловно твой сынъ, — и по внѣшности, и по походкѣ, и по своимъ склонностямъ. Я ужъ не говорю о его унаслѣдованной отъ тебя способности къ подражанію. Даже вспыльчивость его — твоя. И такъ какъ m-lle Тубейранъ отлично понимаетъ, что разлука съ нашимъ Ники неизбѣжна, она готова утѣшиться... Только не улыбайся, отнесись къ моимъ словамъ серьезно, какъ серьезно и дѣловито отношусь къ нимъ я...

Она проситъ у меня брата Ники. Впрочемъ, я не такъ выразилась: она проситъ моего разрѣшенія имѣть брата Ники. Ты понялъ? Если же ты все еще не понялъ, то выражусь яснѣе: она проситъ тебя быть отцомъ ея ребенка, твердо надѣясь, что онъ будетъ походить на Ники. Что касается меня, я не въ силахъ отказать ей въ этой необычной, но такой понятной просьбѣ и предоставляю тебѣ самому рѣшить этотъ вопросъ.

«Должна при этомъ указать тебѣ, что внѣшность у m-lle Тубейранъ вполнѣ привлекательная, никакихъ пороковъ у нея нѣтъ, здоровье же ея, повидимому, цвѣтущее. Кромѣ того, она безусловно умна и образована. Такъ что и съ ея стороны всѣ физическія и психическія условія для будущаго брата (или сестры) Ники вполнѣ нормальныя. А чтобы тебя не смущала мысль, что у твоего будущаго ребенка можетъ внезапно появиться отчимъ, m-lle Тубейранъ согласна выдать тебѣ оффиціальное обѣщаніе никогда не выходить замужъ. Если же такое обѣщаніе почему-либо юридически не имѣетъ силы, m-lle Тубейранъ готова подтвердить его обязательствомъ, въ случаѣ, если она выйдетъ замужъ, отказаться въ твою пользу отъ права на свое помѣстье. По моему, это серьезнѣйшая гарантія, такъ какъ имѣніе перешло къ ней отъ ея предковъ, и она къ нему очень привязана.

«Еще разъ: не разсматривай мое предложеніе, какъ причуду двухъ досужихъ сумасбродокъ и отнесись къ нему серьезно, безъ насмѣшки, съ чувствомъ участія къ бѣдной дѣвушкѣ, которая зажглась неугасимымъ желаніемъ имѣть ребенка въ наилучшей, по ея представленію, душевной и физической организаціи. И я надѣюсь, ты не откажешь ей въ этомъ, тѣмъ болѣе,

что нѣсколько разъ ты самъ признавался мнѣ въ своемъ огорченіи, что у тебя всего лишь одинъ ребенокъ».

Дальше слѣдовалъ постъ-скриптумъ:

«Я забыла указать, что m-lle Тубейранъ выдасть тебѣ подписку въ томъ, что матеріальныя обязательства по отношенію къ ребенку она всецѣло беретъ на себя».

II.

Цѣлую недѣлю Боркъ раздумывалъ надъ этимъ письмомъ, не зная, что отвѣтить, и каждый разъ, когда онъ брался за перо, его начиналъ душить ничѣмъ не сдерживаемый смѣхъ. Не смѣшно ли въ самомъ дѣлѣ, что къ нему обращаются, какъ къ спеціалисту, какъ къ фирмѣ, отлично себя зарекомендовавшей. Этакъ, чего добраго, можно пріобрѣсти обширнѣйшую кліентуру и даже выѣзжать на гастроли! Но какая досада, что нельзя обо всемъ этомъ разсказать пріятелямъ!

Боркъ по профессіи былъ архитекторъ, по общему мнѣнію очень даровитый. Дѣла у него шли отлично. Считался онъ человѣкомъ серьезнымъ. Но размышляя надъ письмомъ жены и мысленно иронизируя надъ ней и надъ незнакомой ему m-lle Тубейранъ, онъ все же ощущалъ нѣкоторую мужскую гордость. Неловко было признаться въ этомъ даже самому себѣ, но это было такъ. Нѣчто подобное онъ испыталъ, когда похвалили его первое архитектурное произведеніе.

Наконецъ Боркъ рѣшился и написалъ женѣ отвѣтъ. Его письмо было наполовину шутливое, наполовину ироническое. Между прочимъ онъ писалъ: « . . . Вы обѣ упустили изъ виду, одну немаловажную вещь. Удачный ребенокъ — обычно дитя взаимной любви. Отто-

го первенцы въ большинствѣ случаевъ способнѣе, красивѣе, умнѣе остальныхъ. А что хорошаго можетъ получиться, когда родители сходятся разсудочно?»

Однако, явнаго отказа въ его письмѣ не было: онъ какъ бы соглашался, но въ то же время высмѣивалъ и самого себя.

Письмо ушло. Жена таила непонятное молчаніе. Но мысли Борка все же иногда робко и осторожно возвращались къ неожиданному предложенію его супруги. Оно начинало плѣнять его оригинальностью и новизной. Оно зажигало въ немъ серьезное и волнующее любопытство, напоминавшее ему то самое чувство, которое всегда возникало въ немъ за работой, когда въ неясныхъ очертаніяхъ набрасываемаго чертежа онъ старался угадать послѣднюю завершительную форму.

Боркъ думалъ:

«Конечно, это дико, но все-таки страшно интересно увидѣть свое біологическое продолженіе въ новыхъ формахъ и въ новой обстановкѣ. И если откинуть весь кодексъ условной морали, этотъ экспериментъ занимателенъ и глубокъ. Люди сходятся, безсознательно притягиваемые другъ къ другу силой, внѣ ихъ стоящей, и о ребенкѣ не думаютъ. А что если сознательно подойти къ этой цѣли? Что произойдетъ? Къ тому же экспериментъ не опасенъ ни для одной изъ сторонъ, такъ какъ онъ никому не угрожаетъ изуродовать жизнь. M-lle Тубейранъ дѣлаетъ смѣлую попытку отнять тайну у Божества и создать себѣ ребенка по своему идеалу. Интересно! Я же выигрываю въ своемъ физическомъ безсмертіи. Тоже интересно! Почему же мнѣ отказываться, если вдобавокъ жена моя нисколько не противится этому».

Утвердившись въ этихъ мысляхъ, Боркъ дѣлалъ нѣсколько шаговъ дальше. Онъ вызывалъ въ своемъ воображенiи загадочный образъ м-lle Тубейранъ, представлялъ себѣ ея фигуру, тѣло и даже ея трепетную стыдливость, преодолѣваемую навязчивой идеей имѣть сына, похожаго на Ники.

На пятый или шестой день Боркъ совершенно отчетливо почувствовалъ, что m-lle Тубейранъ ему нравится, какъ женщина. Да, онъ могъ бы подойти къ ней, нисколько не насилуя себя. А на десятый день вечеромъ, когда онъ пришелъ изъ своей конторы домой, его ждала незнакомая дама. Она молча поклонилась и подала ему письмо. Боркъ, узнавъ почеркъ жены, съ взволнованной пристальностью посмотрѣлъ на свою гостью.

III.

Чтобы скрыть свое смущенiе, а главное, чтобы обдумать дальнѣйшiе шаги, Боркъ, извинившись, ушелъ читать письмо въ сосѣднюю комнату. Двѣ строчки письма потребовали у него трехъ минутъ. Онъ улыбался, пожималъ плечами, усиленно теръ лобъ и, наконецъ, вернулся къ m-lle Тубейранъ, выразивъ живѣйшую радость, что она привезла ему поклонъ отъ жены и Ники. Ни словомъ не обмолвившись вопросомъ о цѣли прiѣзда француженки, онъ подробно распрашивалъ ее о сынѣ. M-lle Тубейранъ говорила о мальчикѣ съ нѣжностью, но въ сдержанно-спокойныхъ интонацiяхъ. Боркъ полагалъ, что онъ встрѣтитъ въ ней одержимую, но она этого не обнаружила. Просто, дѣловито и умно она изображала передъ отцомъ занимательныя особенности его сына, которыя свидѣтель-

ствовали о вполнѣ здоровой и уравновѣшенной натурѣ мальчика, и о его незаурядныхъ способностяхъ.

— Вы очевидно свѣдущи въ педагогикѣ, — установилъ Боркъ.

— Да. Я окончила педагогическій институтъ въ Женевѣ.

У нея было пріятное, правильное, серьезное лицо. Оно говорило о рѣшительности и энергіи. Но отъ Борка не ускользнуло, что въ костюмѣ ея все же была женская преднамѣренность — желаніе понравиться.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ предложилъ ей поужинать съ нимъ. Она легко согласилась, но когда поднималась съ кресла, густая краска залила ей лицо и кончики ушей. Въ столовую она вошла съ опущенными глазми.

Боркъ владѣлъ французскимъ языкомъ неважно, но, волненіе, имъ испытанное, сдѣлало его краснорѣчивымъ. Онъ даже удачно острилъ.

Однако, провожая француженку въ одиннадцатомъ часу ночи въ отель, гдѣ она остановилась, онъ явно чувствовалъ, что рѣшительно ничего къ ней не чувствуетъ, и съ тревогой подумалъ о томъ, что совершенно невольно можетъ нанести ей большое оскорбленіе.

А когда Боркъ возвращался и былъ уже у своего дома, онъ внезапно столкнулся со своей бывшей чертежницей, фройляйнъ Винандъ. Они не видѣлись два года. Разговорчивая фройляйнъ быстро разсказала ему о своемъ житьѣ, слегка пококетничала и призналась, что три мѣсяца назадъ разошлась со своимъ женихомъ. Боркъ посмотрѣлъ на ея задорную шляпку, насѣдавшую на узкія красиво изогнутыя брови, и вспомнилъ, что въ карманѣ у него лежитъ индульгенція жены на право грѣха. Правда, за полтора года онъ

не разъ измѣнялъ ей и безъ всякой индульгенціи, но сейчасъ онъ увѣренно почувствовалъ себя свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ.

Пять минутъ спустя, тихо пробираясь черезъ коридоръ, Боркъ подталкивалъ впередъ фройляйнъ Винандъ, направляя ее къ себѣ въ кабинетъ. Затѣмъ онъ принесъ бутылку вина, вазу съ фруктами и наглухо закрылъ ближайшія и отдаленныя двери.

IV.

На другой день Боркъ и m-lle Тубейранъ отправились въ оперу. Ставили «Нюрнбергскихъ мастеровъ».

Третій вечеръ посвятили шумному ревю съ совершенно голыми герлсъ и по окончаніи спектакля долго сидѣли въ кафэ, гдѣ десятки танцующихъ заразительно весело отстукивали чарльстонъ. Въ обществѣ своей спутницы Боркъ не скучалъ, но и особеннаго подъема не испытывалъ. Похоже было на то, что передъ нимъ сидѣла не женщина, для него предназначенная, а пріятный собесѣдникъ неопредѣленнаго пола. Боркъ забезпокоился: «бракъ по расчету» давалъ себя чувствовать.

Тогда онъ рѣшился. Слѣдующій день была суббота. Боркъ предложилъ m-lle Тубейранъ съ вечера выѣхать куда-нибудь за городъ и остаться тамъ до понедѣльника. По лицу дѣвушки пробѣжала легкая судорога. Ея вѣки, точно отягощенныя волненіемъ, опустились. Она сказала:

— Я полагаюсь на васъ.

И еще разъ дрогнуло ея лицо и снова упали вѣки, но на этотъ разъ никто ничего не замѣтилъ. Это было тогда, когда въ маленькомъ городкѣ подъ Берлиномъ,

въ вестибюлѣ гостиницы Боркъ дѣловитымъ тономъ спрашивалъ отельнаго портье:

— Комнату съ двумя кроватями?

Въ этой комнатѣ, выходившей окнами на туманное озеро, они провели трое сутокъ.

V.

Г-жа Боркъ и Ники пріѣхали два мѣсяца спустя безъ всякаго предупрежденія. Боркъ въ это время былъ у себя въ конторѣ. Ники, снявъ пальтишко, стремглавъ бросился въ свою комнату, чтобы установить, какія изъ игрушекъ еще представляютъ цѣнность и могутъ быть использованы. Г-жа Боркъ естественно заинтересовалась сотояніемъ домашняго хозяйства, но начала съ того, что, заглянувъ въ кабинетъ мужа, стала рыться на его письменномъ столѣ. Тутъ она нашла невскрытое письмо. По внѣшнему виду — длинный узкій конвертъ — оно было отъ женщины. Г-жа Боркъ, не задумываясь, вскрыла его и прочла.

Фройляйнъ Винандъ, чертежница, писала:

«Наша первая и единственная встрѣча кончилась для меня очень печально, и я надѣюсь, г. Боркъ, вы не откажете мнѣ въ своей помощи. И какъ Вы сами понимаете, это нужно сдѣлать какъ можно скорѣе».

Бѣшеная ярость охватила г-жу Боркъ. Набросивъ на себя пальто, она помчалась къ мужу въ контору, подбирая самыя злыя, уничтожающія слова.

Послѣ очень краткихъ и сухихъ словъ привѣтствія она бросила на столъ письмо чертежницы и сразу накинулась на мужа.

— Ты грубое животное! — закричала она. — И теперь мнѣ все ясно!

— Что еще? — спросилъ ошеломленный г. Боркъ.

— Теперь мнѣ понятно, почему ты сразу согласился на мое предложеніе. Ты даже не счелъ нужнымъ, хотя бы ради приличія, отказаться. Ты сразу согласился. Какое безстыдство!

— Но ты же сама настаивала! — пробовалъ оправдаться мужъ, наглухо закрывая дверь своего кабинета.

— Мало ли что я настаивала! Ты просто обрадовался случаю, что можно безнаказанно согрѣшить.

— Стало быть ты только хотѣла меня испытать? Очень мило.

— Когда я видѣла страданія француженки, я не въ силахъ была ей отказать. Но ты! Какое тебѣ дѣло до француженки? Ты долженъ былъ отказаться съ возмущеніемъ! Съ негодованіемъ! Съ омерзеніемъ! Вмѣсто этого ты развлекся и съ чертежницей. Развратникъ ты! Я считаю это двойной измѣной: ты измѣнилъ не только мнѣ, но и довѣрчивой m-lle Тубейранъ.

— Это ужъ совсѣмъ глупо, — обрадовался мужъ, найдя слабое мѣсто въ аргументахъ жены. — Передъ m-lle Тубейранъ у меня не было никакихъ обязательствъ.

— Во всякомъ случаѣ, ты обнаружилъ, кто ты такой.

— Ты сама во всемъ виновата. Ты мнѣ ясно показала, какъ ты легко относишься къ такимъ вещамъ.

— Я это сдѣлала изъ человѣколюбія! — воскликнула жена.

— Я тоже сдѣлалъ это не изъ ненависти къ человѣку, — усмѣхаясь сказалъ г. Боркъ.

Послѣ недолгой паузы г-жа Боркъ презрительно замѣтила:

— Какая гадость! Но хоть то хорошо, что у француженки не будетъ ребенка. Экспериментъ не удался. Воображаю, какое получилось бы чудовище!

VI.

M-lle Тубейранъ оказалась очень проницательной женщиной. Она скрыла отъ г-жи Боркъ, что готовится быть матерью, основательно предвидя, что можетъ наступить день, когда г-жа Боркъ пожалѣетъ о данномъ ею согласіи на измѣну. Къ тому же она отлично понимала, что всякія воспоминанія о прошломъ исчезаютъ гораздо скорѣе, когда прошлое не оставляетъ послѣ себя никакихъ памятниковъ. Для благополучія въ семейной жизни это особенно важно. И когда у m-lle Тубейранъ родился мальчикъ, она также назвала его Ники, но только онъ ничего общаго не имѣлъ со своимъ братомъ, унаслѣдовавъ черты характера не отъ отца, а отъ матери.

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

I.

Эрвинъ Штаммъ очень не плохо игралъ на скрипкѣ и могъ, пожалуй, сдѣлать большую музыкальную карьеру, но онъ былъ безвольный юноша изъ породы милыхъ шалопаевъ, которые тяготятся всякими обязанностями, и скрипку свою забросилъ, увлекшись теннисомъ. И вспомнилъ о ней только тогда, когда внезапно умеръ его отецъ и пришлось самому позаботиться о заработкѣ. Не долго думая, Эрвинъ уѣхалъ въ Берлинъ и предложилъ свои услуги одной бойкой музыкальной капеллѣ, игравшей въ кафэ «Бристоль». Такъ онъ и остался тамъ въ незавидной роли увеселителя скучающихъ — безъ какихъ-либо мечтаній измѣнить однообразіе своей жизни. Къ тому же онъ жилъ у тетки, богатой вдовы, щедрость которой дополняла иногда скудость гонорара, получаемаго имъ въ кафэ. Возвращался онъ обычно послѣ 2-хъ часовъ ночи, уставшій, опустошенный и немного обалдѣвшій. Такъ было и на этотъ разъ. Къ усталости прибавилась еще непрі-

ятная мокрота отъ проливного дождя, который шелъ не переставая три часа подрядъ. И когда Эрвинъ вступилъ подъ крышу своего подъѣзда и вынулъ изъ кармана ключъ, чтобы открыть входную дверь, онъ замѣтилъ вдругъ женщину, которая сидѣла на маленькомъ чемоданѣ и, повидимому, дремала. Онъ зажегъ спичку и увидѣлъ испуганные глаза, мокрые волосы и капельки воды, стекавшія со шляпки.

— Что вы здѣсь дѣлаете? — спросилъ онъ, не думая, потому что совершенно ясно было, что дѣвушка спряталась отъ дождя.

— Не гоните меня! — умоляющимъ тономъ сказала дѣвушка, приподнимаясь. — Я обожду здѣсь пока пройдетъ дождь.

— Пожалуйста! Я васъ не гоню. Но я не думаю, чтобы дождь скоро прошелъ, — замѣтилъ Эрвинъ.

— Мнѣ бы только дождаться шести часовъ, — продолжала она. — Потомъ я отправлюсь на вокзалъ.

— Вы пріѣзжая?

— Да. Изъ Эберсвальде. И я опоздала на послѣдній поѣздъ.

Эрвинъ вынулъ папиросу, закурилъ и только тогда сказалъ:

— Если вы ничего не имѣете противъ, я могу вамъ предложить свою комнату. Нельзя же здѣсь оставаться до утра. Четыре часа вамъ придется еще здѣсь провести!

— Нѣтъ, нѣтъ! — испуганно сказала дѣвушка. — Я лучше подожду здѣсь. Вы очень любезны.

— Какъ вамъ угодно, — сухо отвѣтилъ Эрвинъ. — Я предлагаю это безъ всякихъ заднихъ мыслей.

— Я вамъ очень благодарна, — послѣ недолгой па-

узы смущенно пробормотала она. — Но вѣдь это неудобно и для васъ и для меня.

— Ахъ, это пустяки! — весело бросилъ Эрвинъ. — Въ концѣ концовъ мы взрослые люди. И я обѣщаю вамъ полное спокойствіе. Вамъ, правда, придется быть со мной въ одной комнатѣ, но у меня есть кушетка. Право я вовсе не намѣренъ воспользоваться вашимъ положеніемъ. Я дѣлаю это изъ простого человѣческаго чувства.

Дѣвушка растерянно опустила голову.

— Вы можете подумать, что я...

— Ничего я не подумаю! — перебилъ ее Эрвинъ. — Идемъ ко мнѣ, и я васъ немедленно уложу спать. Я тоже усталъ. Я возвращаюсь съ работы.

Съ этими словами онъ открылъ дверь, взялъ дѣвушку за руку и мягко потащилъ ее за собой, приговаривая:

— Пустяки. Это можетъ случиться съ каждымъ. Отбросьте ложный стыдъ и идите смѣлѣе.

II.

Десять минутъ спустя дѣвушка была въ пижамѣ Эрвина и смущенно сидѣла на кушеткѣ, а онъ въ ночныхъ туфляхъ осторожно возился въ столовой въ поискахъ съѣстного. Его забавляло это неожиданное приключеніе. Прямо какъ въ кино! И таинственая незнакомка — почти что кинематографическая героиня, съ тонкимъ красивымъ лицомъ и выразительно умными глазами. Онъ принесъ масло, сыръ и коробку сардинъ. Вотъ только хлѣба было недостаточно. Зато на донышкѣ бутылки оказалось немного коньяку.

— Это для васъ, — сказалъ онъ, наливая рюмку. — Вамъ надо согрѣться.

Дѣвушка испуганно покачала головой.

— Да перестаньте стѣсняться! — замѣтилъ Эрвинъ тономъ стараго знакомаго. — Ужъ не думаете ли вы, что я намѣренъ васъ напоить?

Когда, наконецъ, она рѣшилась взяться за ѣду, Эрвинъ сталъ объяснять ей, что будетъ завтра утромъ. Дѣло въ томъ, что тетки его нѣтъ. Она въ Италіи. Но на кухнѣ имѣется крайне добродѣтельная кухарка, которую ему бы не хотѣлось ошеломить своей «неслыханной» безнравственностью. Поэтому онъ предлагаетъ: дѣвушка будетъ спокойно спать до 9 часовъ утра. Какъ разъ въ это время добродѣтельная фрау Дитрихъ уходитъ за покупками. Это длится обычно около часу, и за это время дѣвушка можетъ умыться и затѣмъ отправиться на вокзалъ. Угостить ее кофе онъ, къ сожалѣнію, не можетъ, потому что фрау Дитрихъ подаетъ ему кофе послѣ десяти. Впрочемъ — эврика! — можно сдѣлать такъ: дѣвушка уйдетъ около десяти, двадцать минутъ погуляетъ, а затѣмъ явится подъ видомъ старой знакомой, и тогда онъ просто пригласитъ ее къ завтраку. Чудно! Неправда ли?

Онъ все больше и больше входилъ въ роль героя занятнаго приключенія съ неизвѣстнымъ концомъ и такъ оживился, точно вечеръ только начинался. Вдругъ онъ вспомнилъ:

— А вы мнѣ еще не разсказали, что собственно съ вами произошло.

Дѣвушка вздохнула.

— Можетъ быть, лучше было бы не разсказывать, но вы такъ милы. . .

И она призналась, что пріѣхала къ своему жениху, не предупредивъ его. Онъ служитъ въ универсальномъ магазинѣ въ отдѣлѣ оптическихъ инструментовъ. Свадьба должна состояться весной. . . Ровно въ семь часовъ она была у его дома, ждала до восьми, ждала до девяти, ждала до одиннадцати. Конечно, это было глупо пріѣхать безъ предупрежденія, — такъ расуждала она, стоя у подъѣзда, — но эта глупость оказалась полезной, потому что въ половинѣ двѣнадцатаго ея женихъ, наконецъ, появился подъ руку съ дамой, которую онъ привелъ къ себѣ, очевидно на ночь. Ну и тогда обманутой невѣстѣ ничего не оставалось сдѣлать, какъ уйти съ острымъ отчаяніемъ, подавившимъ въ ней всякую сообразительность. Она быстро шла, не замѣчая куда идетъ и не думая о томъ, что ночь ужъ давно наступила. Къ тому же начался дождь. И только тогда, когда она сильно промокла, она вспомнила о вокзалѣ, и сѣла въ ауто. Но уже было поздно. Вокзалъ закрывался, и ее попросили убраться. И вотъ она снова стала бродить по городу, точно въ бреду. Въ гостиницу? Да, объ этомъ она тоже подумала. Но когда не везетъ, то ужъ не везетъ во всемъ: послѣ того, какъ она расплатилась съ шоферомъ, денегъ у нея осталось ровно столько, сколько стоитъ билетъ до Эберсвальде, и если бы она отправилась переночевать въ отель, то до Эберсвальде она бы никакъ не могла добраться.

— Вы меня извините, что я вамъ не даю спать, — участливымъ тономъ сказалъ Эрвинъ. — Вы, какъ я понялъ, съ семи часовъ вечера на ногахъ, подъ дождемъ въ такой подавленности. . . А я васъ заставляю разсказывать! Извините.

И приблизившись къ дѣвушкѣ, онъ съ дружеской фамильярностью шаловливо пригнулъ ее къ подушкѣ, переложилъ ея ноги на кушетку и сказалъ:

— Спите. Я сейчасъ погашу свѣтъ и тоже засну. Уже четвертый часъ. И такъ до девяти часовъ утра. Спокойной ночи!

Погасивъ свѣтъ, онъ сталъ быстро раздѣваться.

— А какъ васъ зовутъ? — спросилъ онъ со смѣхомъ.

— Ирма Шуръ.

— Спокойной ночи, фройляйнъ Шуръ.

Улегшись, онъ конечно, думалъ о дѣвушкѣ, которая волей капризныхъ судебъ лежитъ въ четырехъ шагахъ отъ него, совершенно незнакомаго ей человѣка. вмѣсто того, чтобы покоиться въ объятіяхъ своего жениха. Впервые въ его холостой комнатѣ ночевала женщина, и это пріятно волновало его и льстило его мужскому самолюбію, точно онъ побѣдилъ ее. Но развѣ въ какой-то долѣ онъ не на пути къ побѣдѣ? А вѣдь славная дѣвчонка! И какая у нея зазывающая, напряженная фигура! И вообще на лицѣ у нея явно смѣшалось напряженіе стыдливости и молодого задора. Двѣ-три встрѣчи съ ней, и стыдливость, понятно, исчезнетъ, а задоръ усилится. И въ сущности, если она думала ночевать у жениха, то стало быть нѣкія грани уже ею преодолѣны, и значитъ. . . онъ, Эрвинъ, просто робокъ и нерѣшителенъ. . .

— Вы спите? — спросилъ онъ тономъ заговорщика.

Отвѣта не послѣдовало.

Ну Богъ съ ней! Она изрядно намучилась отъ острыхъ переживаній и всякихъ неожиданностей. Пусть мирно спитъ. А завтра. . .

Черезъ мгновеніе онъ спалъ и видѣлъ во снѣ свою скрипку, поразительно похожую на Ирму, которую ему никакъ не удается вложить въ футляръ.

III.

На другое утро все происходило точно по расписанію. Около девяти часовъ Эрвинъ проснулся. Дѣвушка ужъ была одѣта. Эрвинъ сдѣлалъ осторожную рекогносцировку на кухню и, вернувшись, сказалъ:

— Путь свободенъ. Фрау Дитрихъ ушла. Но вотъ что приходить мнѣ въ голову. Платье ваше отъ дождя приняло не совсѣмъ праздничный видъ. Не хотите ли выутюжить его?

Улыбаясь, она закивала головой, точно думала о томъ же самомъ. Онъ мгновенно притащилъ гладильную доску и электрическій утюгъ.

— Чтобы не смущать васъ, я пойду мыться. Будьте, какъ у себя дома.

И ушелъ. Положительно эта дѣвушка ему нравилась. Въ ея умномъ лицѣ, въ улыбкѣ, въ движеніяхъ былъ шармъ и благородство независимаго человѣка, котораго никакія горести не способны принизить. Свое измятое, покоробленное отъ дождя платье она носила съ шикомъ обѣднѣвшей принцессы.

Стратегическій планъ Эрвина былъ выполненъ до точности. Безъ десяти минутъ десять Ирма ушла, затѣмъ черезъ 25 минутъ вернулась. Эрвинъ по комедійному разыгралъ восторженную встрѣчу и въ присутствіи нахмурившейся фрау Дитрихъ пригласилъ гостью позавтракать съ нимъ. Потомъ онъ показалъ ей богатую квартиру тетки съ коврами, фарфоромъ и брон-

зой и, чтобы произвести впечатлѣніе, обратилъ вниманіе дѣвушки на четыре висѣвшія картины — маленькій Ванъ-Дейкъ, Диркъ Гальсъ, Питеръ де Гогъ и Остаде, — не забывъ упомянуть, что стоимость этихъ невзрачныхъ голландцевъ по послѣдней расцѣнкѣ составляетъ 70—80 тысячъ.

Въ заключеніе онъ сказалъ:

— Милая фройляйнъ Шуръ, если вамъ вздумается снова пріѣхать въ Берлинъ, я буду очень радъ видѣть васъ у себя. Для этого вамъ слѣдуетъ явиться около 11 часовъ утра. Въ это время я всегда дома. Еще лучше, если вы пріѣдете въ воскресенье. Мы бы пріятно могли провести весь день, а если вамъ понадобится переночевать, то и это возможно: какъ вы убѣдились, это не представляетъ для васъ рѣшительно никакого риска.

Она мило поблагодарила его и пристально-внимательнымъ взглядомъ дала ему понять, что онъ очень симпатичный малый.

IV.

Долго ему не пришлось ее ждать, потому что въ ближайшее же воскресенье она появилась съ большимъ букетомъ цвѣтовъ. Эрвинъ сразу опьянѣлъ, и хмель не исчезалъ весь день, въ теченіе котораго они на ни минуту не разставались. Онъ показывалъ ей Берлинъ, Тиргартенъ, дворцы, музеи, испытывая большое удовольствіе своими объясненіями восхищать провинціалку. Потомъ они вкусно пообѣдали и, когда онъ салфеткой шаловливо снималъ крошку, приставшую къ ея нижней губѣ, онъ уже чувствовалъ свою побѣду надъ

дѣвушкой, радостно предвкушая ее, хотя еще ничего не было сказано. Чтобы получить подтвержденіе этого, Эрвинъ спросилъ:

— И такъ вы остаетесь сегодня у меня?

— Да, — немного застѣнчиво отвѣтила она. — Но только я бы хотѣла сначала зайти къ одной знакомой дамѣ, къ которой у меня есть дѣло. Подъ этимъ предлогомъ я въ сущности сюда и пріѣхала.

— Ну вотъ и отлично! — подхватилъ онъ. — Вы пробудете у нея, скажемъ, до десяти часовъ вечера, а затѣмъ явитесь въ мое кафэ. Неправда ли? Это даже лучше, потому, что все время сидѣть въ кафэ будетъ для васъ очень утомительно.

Вдругъ онъ забезпокоился.

— А не оставятъ ли васъ ваши знакомые у себя?

— Нѣтъ, — твердо сказала она. — Я буду въ кафэ около одиннадцати.

И опять-таки все шло точно по программѣ, гладко, безпрепятственно, приближаясь къ тому, что Эрвинъ считалъ восхитительной неизбѣжностью. И только, когда Ирма снова сидѣла въ его пижамѣ на кушеткѣ, и онъ, чтобы подойти наконецъ, къ интимнымъ словамъ, спросилъ ее, написала ли она уже жениху о томъ, что случилось, — Ирма своимъ отвѣтомъ его сильно задѣла. Она, оказывается, ничего не написала.

Онъ угрюмо замолчалъ. Его молодая гордость расшифровала ея отвѣтъ въ обидномъ для него смыслѣ: ахъ, вотъ что! Значитъ, она и не думаетъ порывать съ женихомъ, она его любитъ, несмотря ни на что. И ея пребываніе здѣсь всего только месть оскорбленной невѣсты. Ну такъ вотъ — онъ не желаетъ быть всего только орудіемъ ея мести.

Погасивъ свѣтъ, онъ раздѣлся, легъ и не сказалъ ни слова. Онъ увѣренно ждалъ, что она заговоритъ, но Ирма упорно молчала.

Между тѣмъ незамѣтно подкрался сонъ, и когда Эрвинъ проснулся, уже было послѣ девяти. Ирмы не оказалось. Но на столѣ лежала записка:

«Вы, очевидно, на меня обидѣлись. Очень жалѣю. Но только я ничего не сдѣлала такого, что могло васъ огорчить. Если васъ удивило мое нежеланіе написать жениху, то вы это неправильно истолковали. Для меня онъ больше не существуетъ. А несуществующимъ — писемъ никто не пишетъ. Спасибо за пріятно проведенный день».

V.

Слово «день» было подчеркнуто, и эта мелочь усилила его досаду и возмущеніе самимъ собой. Этакая глупость! Этакое мальчишество, — не разспросить въ чемъ дѣло и принять позу оскорбленнаго. И какъ теперь отыскать Ирму? Ахъ, какъ это глупо получилось!

Весь день онъ провелъ въ мрачной подавленности, въ безпокойствѣ и ожиданіи какого-нибудь сообщенія отъ Ирмы, въ тайной надеждѣ, что все устроится въ самомъ лучшемъ видѣ, но ожиданія не оправдались. Два слѣдующихъ дня не принесли съ собой ничего утѣшительнаго. Неужели приключеніе закончилось? И вотъ почему, когда на третій день, ночью, въ одиннадцать часовъ Ирма съ веселой улыбкой появилась въ кафэ и заняла столикъ недалеко отъ оркестра, — Эрвинъ точно отъ самовозгоранія вспыхнулъ и наполнился восторженной любовной яростью, которая заста-,

валяла его каждыя десять минутъ смотрѣть на часовыя стрѣлки и разогнала всѣ мысли, за исключеніемъ одной — схватить Ирму за руку и, ничего не говоря, потащить въ темноту улицы.

Почти такъ и случилось. Потому что, когда они оба полудышащіе отъ торопливости очутились въ его комнатѣ, онъ не захотѣлъ тратить времени на поиски электрической кнопки и отдалъ себя во власть слѣпой находчивости, не нуждающейся ни въ какомъ освѣщеніи. Сквозь зыбкій туманъ мелькавшихъ видѣній одно изъ нихъ было отчетливо и упорно возвращалось: стремительный потокъ, испещренный колыхавшимися красными цвѣтами, какихъ онъ никогда еще не видѣлъ, никогда! И въ блаженномъ безпамятствѣ, прерываемомъ глухими междометіями, Эрвинъ заснулъ.

Проснулся онъ отъ громкаго стука въ дверь.

— Что такое?

— Насъ обокрали! — въ ужасѣ кричала фрау Дитрихъ. — Вставайте! Я вызвала полицію.

Эрвинъ удивленно раскрылъ глаза и, вспомнивъ объ Ирмѣ, которой слѣдовало бы уйти до появленія полиціи, посмотрѣлъ на кушетку. На кушеткѣ никого не было.

Эрвинъ вскочилъ и на мгновеніе задумался. Въ прошлый разъ она вѣдь тоже ушла. Но тогда она оставила записку. Теперь же никакой записки не... Нѣтъ, вотъ она лежитъ:

«Я вспомнила, что застать свою пріятельницу могу только утромъ, передъ тѣмъ, какъ она отправляется на службу. Ты же такъ крѣпко спалъ, что я не рѣшилась тебя разбудить. Въ одиннадцать часовъ я позвоню съ вокзала. Спасибо тебѣ за ту радость, которую

ты мнѣ далъ. Твоя — до тѣхъ поръ, пока ты этого захочешь — Ирма».

Эрвинъ стремительно выбѣжалъ изъ своей комнаты. Фрау Дитрихъ съ искаженнымъ отъ страха лицомъ скороговоркой бросила ему сообщенiе: исчезли четыре картины — Ванъ-Дейкъ и другiя, бронзовая статуэтка и персидскiй коверъ.

Эрвинъ вернулся къ себѣ и сталъ быстро одѣваться. Сейчасъ явятся изъ полицiи. Ужасно непрiятная исторiя. Тетка будетъ страшно огорчена — она такъ гордилась Ванъ-Дейкомъ и Остаде. Вдругъ Эрвинъ увидѣлъ, что на коврикѣ подъ кушеткой лежалъ какой-то непонятный предметъ. Онъ поднялъ его. Это былъ электрическiй фонарикъ.

Эрвинъ замеръ отъ вспыхнувшаго подозрѣнiя. Зачѣмъ Ирмѣ нуженъ былъ электрическiй фонарикъ? Но подозрѣнiе окончательно укрѣпилось, когда криминалъ-комиссаръ, тщательно изслѣдовавъ слѣды на пыли, увѣренно сказалъ:

— Грабителей было трое: двое мужчинъ и молодая женщина.

VI.

Тетка была достаточно богата, чтобы не принять близко къ сердцу происшедшую кражу. И пожалѣлъ Эрвинъ не ее, а себя. Такъ позорно завершилось его любовное приключенiе: свою первую подлинную страсть онъ вмѣстилъ въ наглую воровку, которая такъ тонко одурачила его. Коварство и любовь! Любовь и коварство!

Онъ все время съ мучительной досадой повторялъ эти слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ скрыть отъ себя

— не могъ, никакъ не могъ! — что эта необычность придавала волнующую остроту его приключенію: онъ провелъ ночь съ грабительницей!

Въ одиннадцать часовъ Ирма позвонила. Ему хотѣлось еще разъ увидѣться съ нею, убѣдиться окончательно, и онъ поспѣшилъ сказать:

— Я хочу тебя увидѣть. Непремѣнно.

— Милый, — протянула она. — Вѣдь сейчасъ уходитъ поѣздъ. Черезъ три дня я снова пріѣду.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я долженъ тебя увидѣть сегодня. Уѣдешь позже.

И когда они встрѣтились черезъ полчаса, онъ небрежно разсказалъ ей о кражѣ. У Ирмы было дѣтски испуганное лицо. Эрвина охватили сомнѣнія. Тогда онъ добавилъ къ разсказу заключеніе криминалъ-комиссара о трехъ грабителяхъ, въ числѣ которыхъ была молодая женщина. Ирма изумленно качала головой. Эрвинъ пристально посмотрѣлъ на нее и презрительно сказалъ:

— Эта молодая женщина неосторожно обронила электрическій фонарикъ. Подъ твоей кушеткой.

Ирма отшатнулась и покраснѣла. Эрвинъ быстро ушелъ.

VII.

Три дня спустя, когда Эрвинъ ночью уходилъ изъ своего кафэ, Ирма оказалась у входа. Она схватила его за руку и задыхающимся голосомъ заговорила:

— Ты все получишь обратно. Я этого добилась. И ты самъ долженъ понять, какихъ это мнѣ стоило трудовъ. Мои коллеги и такъ упрекали меня за то, что я не впустила ихъ въ твою квартиру въ первую же ночь.

— А почему ты этого не сдѣлала?

— Я не могла рѣшиться на это. Ты былъ такъ милъ и довѣрчивъ, какъ ребенокъ.

— А во вторую ночь?

— Тоже самое. И кромѣ того... ты начиналъ мнѣ нравиться.

— И поэтому ты осуществила свое рѣшеніе въ третью ночь, послѣ того какъ...

— Да. Но я была увѣрена, что ты не захочешь разстаться со мною. И я тоже не хотѣла. Я полюбила тебя. И если бы не электрическій фонарикъ, тебѣ бы не пришло въ голову...

— Да. Ты ловко играла свою роль скромной провинціалки.

— Но сейчасъ я не притворяюсь. Я говорю правду. Я тебя люблю. Ты все получишь обратно. Завтра утромъ. И я предлагаю тебѣ: давай проживемъ одинъ мѣсяцъ. Только одинъ мѣсяцъ. На это время я совершенно отойду отъ своихъ. Клянусь! И своими мыслями я буду принадлежать тебѣ одному. Я вѣдь не только воровка, но я еще женщина, и я хочу любить и быть любимой. А я вижу, что и ты меня любишь.

— Да, — сказалъ онъ спокойно, но сокрушенно. — Это вѣрно. Но все-таки я не въ силахъ встрѣчаться съ тобой, потому что никогда не смогу забыть твоей профессіи. Прощай. Я очень жалѣю. Очень.

VIII.

Много лѣтъ спустя, подробно излагая это приключеніе, Эрвинъ Штаммъ съ неподдѣльной печалью говорилъ намъ:

— Сейчасъ я женатъ, у меня двое дѣтей и я очень привязанъ къ своей женѣ. Какъ вы знаете, я состою капельмейстеромъ, и кажется меня считаютъ очень порядочнымъ и солиднымъ человѣкомъ. И все-таки, когда я вспоминаю объ Ирмѣ, меня охватываетъ чувство большой непоправимой досады, точно я упустилъ, прогадалъ нѣчто такое яркое, что случается одинъ разъ въ жизни и никогда больше не приходитъ вновь.

— А она вернула украденное? — спросилъ одинъ изъ насъ.

— Вернула, — сказалъ онъ голосомъ, исполненнымъ почтенія.

МЫ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕМЪ

I.

Мы сидѣли въ отгороженномъ уголкѣ берлинскаго ресторана «Кудеяръ», и изъ любви къ далекой, отвергнувшей насъ родинѣ пили водку. Когда чувство патріотизма было удовлетворено въ полной мѣрѣ, начались разсказы о прошломъ. Такова традиція.

Но всѣ воспоминанія, звучавшія въ этотъ вечеръ, были безцвѣтны. Зѣвали сами разсказчики. Я больше не могъ себя насиловать и поднялся, чтобы уйти. Тогда прислуживавшій намъ кельнеръ, — бывшій гвардейскій офицеръ, — подошелъ къ нашему столику, и, извинившись, сказалъ:

— Ресторанъ сейчасъ закрывается. Но, если бы вы пожелали остаться, мы запремъ входную дверь, притушимъ огни и спустимъ шторы.

Въ этотъ разговоръ вмѣшалась хорошенькая буфетчица, жена владѣльца «Кудеяра», и укоризненно сказала кельнеру:

— А обо мнѣ вы забыли? Я вѣдь здѣсь съ утра.

И такъ какъ кельнеръ немного смутился, она прибавила:

— Я соглашусь на это съ однимъ условіемъ: вы разскажете какую-нибудь занятную исторію.

А обратившись къ намъ, она сказала:

— Онъ удивительно разсказываетъ И у него большой запасъ всевозможныхъ исторій.

Черезъ минуту шторы были спущены, двери закрыты и огни притушены. Кельнеръ снялъ съ себя бѣлый китель и вмѣстѣ съ буфетчицей сидѣлъ за нашимъ столомъ.

— Ну, что же вамъ разсказать? — застѣнчиво спросилъ онъ.

— Что-нибудь веселое, шутливое.

Буфетчица покачала головой.

— Нѣтъ, пусть лучше разскажетъ что-нибудь страшное.

Кельнеръ улыбнулся и сказалъ:

— Я примирю оба пожеланія: я разскажу объ одной трагической шуткѣ.

II.

— Насъ было пять человѣкъ, и мы совершали очаровательную прогулку на пароходѣ, который шелъ въ Стокгольмъ, но предварительно долженъ былъ остановиться въ Гельсингфорсѣ. Всѣхъ насъ объединяло чувство свободы, сознаніе необходимости отдыха, а, главное, жажда бодрящей перемѣны послѣ однообразной сутолоки петербургской жизни. Понятно, это еще было до войны. Уже при входѣ въ Морской каналъ мы сразу сбросили съ себя холодную маску столичныхъ

жителей и быстро усвоили ту безпечную манеру наслаждаться путешествіемъ, которая отличаетъ туристовъ отъ дѣловыхъ людей. Очень скоро къ нашей оживленной компаніи присоединился пассажиръ, котораго мы приняли за иностранца и даже заговорили было съ нимъ по-нѣмецки. Выяснилось однако, что онъ самый настоящій петербуржецъ, и по профессіи врачъ. Когда-то онъ служилъ во флотѣ, хорошо зналъ всю Европу и оказался пріятнымъ и интереснымъ собесѣдникомъ. Словомъ, черезъ часъ послѣ знакомства онъ вошелъ въ нашу компанію въ качествѣ равноправнаго члена ея и сталъ принимать участіе въ нашей ни на минуту не умолкавшей бесѣдѣ.

На другой день утромъ мы пришли въ Гельсингфорсъ. Пароходъ стоялъ три часа, и докторъ вмѣстѣ съ нами сошелъ на берегъ. По дорогѣ онъ купилъ себѣ какую-то нѣмецкую книгу, и, когда вернулся на пароходъ, такъ, повидимому, увлекся чтеніемъ, что даже не выходилъ изъ своей каюты.

Потомъ онъ появился угрюмый, словно уставшій. Было видно, что онъ разстроенъ. Неужели книга его разстроила? Докторъ признался, что это дѣйствительно такъ. Случай, разсказанный въ новеллѣ, напомнилъ ему одну старую непріятную исторію. Каждый разъ, когда онъ ее вспоминаетъ, ему становится не по себѣ.

— Я думаю, — замѣтилъ онъ, — это голосъ совѣсти.

Затѣмъ онъ пошелъ къ себѣ въ каюту, принесъ книгу и, протягивая ее намъ, сказалъ: — Вы сначала прочтите, а потомъ я разскажу свою исторію.

Мы всѣ отправились въ рубку, и одинъ изъ насъ прочелъ новеллу вслухъ.

III.

Случай, который въ ней приводился, оказался, дѣйствительно, занятнымъ. Какой-то инженеръ, шесть лѣтъ работавшій на одномъ изъ австралійскихъ острововъ, возвращался въ Европу. Проведя эти годы въ тяжелой, некультурной обстановкѣ и въ одиночествѣ, онъ предвкушалъ предстоящія ему удовольствія цивилизованной жизни и сталъ мечтать о женщинѣ, которую полюбитъ. Въ мечтахъ она рисовалась ему маленькой изящной блондинкой и, свыкшись съ этимъ образомъ, онъ неизмѣнно вызывалъ его въ долгіе дни своего путешествія.

Однажды, — это было послѣ того, какъ пароходъ миновалъ Портъ-Саидъ, — прогуливаясь по палубѣ, инженеръ встрѣтилъ новую пассажирку, поразительно походившую на то видѣніе, которое преслѣдовало его въ мечтахъ. Тогда онъ рѣшилъ что это перстъ судьбы и, познакомившись съ нею, черезъ нѣсколько дней сдѣлалъ ей предложеніе. Она приняла его. Но обвѣнчаться они рѣшили у нея на родинѣ, въ Голландіи, куда она и направлялась. Между тѣмъ, инженеръ долженъ былъ сначала заѣхать въ Парижъ, гдѣ какъ разъ въ это время происходила всемірная выставка. Ему предстояло въ теченіе нѣсколькихъ дней заняться отдѣлкой павильона, посвященнаго быту австралійской деревни. Они рѣшили, что вмѣстѣ заѣдутъ въ Парижъ, а черезъ недѣлю отправятся въ Голландію.

Парижъ ихъ встрѣтилъ переполненный иностранцами. Изъ-за выставки они съ трудомъ нашли отель, въ которомъ свободныхъ комнатъ оказалось очень мало. Въ виду неопредѣленности ихъ положенія, имъ приш-

лось занять номера въ разныхъ этажахъ и записались они въ книгѣ пріѣзжающихъ не рядомъ. А такъ какъ она устала отъ дороги и ей нездоровилось, инженеръ отправился на выставку одинъ. Тамъ онъ поработалъ до поздней ночи и, когда вернулся, отель уже засыпалъ. Спустившись въ номеръ своей невѣсты, онъ замѣтилъ, что ея комната совершенно пуста и что въ ней нѣтъ никакихъ слѣдовъ жилого помѣщенія. Обои на стѣнахъ были содраны, пахло клеемъ и вообще было видно, что тамъ происходитъ ремонтъ. Тогда онъ рѣшилъ, что ошибся номеромъ, и, такъ какъ уже было поздно, поднялся къ себѣ и легъ спать.

Утромъ онъ снова отправился къ своей невѣстѣ, но его ждало удивленіе не меньшее. Вчерашній пустой номеръ оказался вполнѣ меблированнымъ, но мебель опять-таки была не та, которую онъ наканунѣ видѣлъ въ комнатѣ своей невѣсты. Что же касается послѣдней, то завѣдующій отелемъ, справившись объ ея имени, категорически заявилъ инженеру, что дама съ такой фамиліей въ отелѣ не останавливалась. И портье, и мальчикъ, поднимавшій обоихъ на лифтѣ, и горничная, — въ одинъ голосъ утверждали, что мосье пріѣхалъ въ отель безъ дамы. А когда онъ потребовалъ, чтобы ему показали книгу, гдѣ они оба вчера расписались, инженеръ, къ своему ужасу, имени невѣсты не нашелъ.

Изумленные взгляды прислуги отеля нѣсколько поколебали его увѣренность, но онъ все же овладѣлъ собой настолько, чтобы отправиться въ полицію, а затѣмъ въ нидерландское посольство. Ему, однако, ничего не удалось узнать. Его невѣста исчезла, несмотря на самые тщательные, по увѣренію полиціи, поиски ея.

Инженеръ чувствовалъ, что онъ близокъ къ помѣ-

шательству, а категоричность заявленій полиціи и служащихъ отеля начала вызывать въ немъ самомъ мучительное предположеніе, что онъ фантазируетъ. Можетъ быть, дѣйствительно, эта маленькая блондинка вовсе и не существовала и была только «видѣньемъ», какъ онъ самъ опредѣлилъ ее, находясь близъ Портъ-Саида? Неувѣренность его все возрастала, и въ то же время не было никакихъ данныхъ, чтобы провѣрить, дѣйствительно ли въ Парижъ онъ пріѣхалъ не одинъ. Съ этими раздвоенными мыслями инженеръ покинулъ Францію и снова вернулся къ примитивной жизни въ Австраліи, проклиная сложный цивилизованный міръ.

Между тѣмъ, въ секретныя бумаги парижской полиціи было занесено сообщеніе о томъ, что пріѣхавшая изъ Азіи молодая женщина заболѣла легочной чумой и черезъ нѣсколько часовъ скончалась въ отелѣ. Во избѣжаніе паники и считаясь съ тѣмъ, что только что была открыта всемірная выставка, смерть дамы пришлось держать въ строжайшемъ секретѣ, а занимаемый ею номеръ въ ту же ночь былъ дезинфицированъ и заново оклеенъ обоями.

IV.

— Въ этой новеллѣ, — сказалъ докторъ, когда чтеніе было закончено, — не хватаетъ самаго интереснаго для меня: авторъ почти не остановился на психическомъ состояніи инженера. Читатель такъ и не знаетъ, какъ впослѣдствіи объяснилъ себѣ инженеръ исчезновеніе невѣсты и повѣрилъ ли онъ въ то, что эта встрѣча была имъ выдумана. Я лично склоненъ думать, что самаго трезваго человѣка можно убѣдить въ томъ, что онъ

живетъ грезами. Мозгъ человѣческій слабъ. По крайней мѣрѣ я основываюсь на случаѣ, въ которомъ самъ принималъ участіе.

И докторъ, сразу преображенный серьезностью своихъ словъ, началъ разсказывать:

— Я тогда еще служилъ во флотѣ. Русская эскадра находилась въ англійскихъ водахъ, и въ Дуврѣ я случайно познакомился съ нѣсколькими молодыми англичанами, которые беззаботно предавались спорту и совершали прогулку на собственной яхтѣ. Насъ сблизило то же, что сблизило и васъ съ вашимъ покорнымъ слугой, — свобода, благодушіе и жизнерадостность. Мы быстро сошлись, и, надо сказать, въ поискахъ развлеченій наша веселая компанія оказалась неутомимой въ изобрѣтательности. Мы совершили великолѣпную поѣздку вокругъ всей Англіи, а затѣмъ поѣхали въ имѣніе одного изъ нашихъ пріятелей въ Шотландію. Компанія состояла изъ большихъ весельчаковъ и проказниковъ. Этотъ родъ людей, умѣющихъ своими продѣлками никому не причинять вреда, встрѣчается только въ Англіи. У насъ, или даже въ Германіи и Франціи, проказники быстро выходятъ за предѣлы дозволеннаго, и дѣло обычно кончается полиціей. Тутъ же все было корректно и въ то же время царило самое непринужденное веселье. А что касается продѣлокъ, то ихъ объектомъ нерѣдко были сами же участники нашей компаніи.

Однажды намъ пришло въ голову пошутить надъ однимъ изъ нашихъ коллегъ, который отличался нѣкоторой склонностью ко всему таинственному. Его звали Кэстонъ. Устроивъ какъ-то состязаніе въ теннисъ, гдѣ Кэстонъ оказался впереди всѣхъ, мы передъ са-

мымъ концомъ состязанія, стали въ шутку увѣрять его, что онъ ошибся въ подсчетѣ очковъ, будто бы сдѣланныхъ имъ наканунѣ. Когда же онъ началъ доказывать, что сдѣлалъ вчера столько то геймовъ, мы, заранѣе условившись, изобразили на своихъ лицахъ полное недоумѣніе и рѣшительно отрицали всѣ факты, которые онъ приводилъ въ доказательство. Онъ подробно описывалъ, съ чего началась игра предыдущаго дня, что мы дѣлали во время перерыва, вспомнилъ, какъ одинъ изъ насъ споткнулся и упалъ, — мы все это отрицали. «Значитъ, вчерашняго дня не было?» — спросилъ онъ. — «Того, что вы разсказываете, не было. Все это вамъ приснилось», — отвѣчали мы ему. Наше упорство сбило его съ толку, и ему пришлось уступить. И такъ какъ эта продѣлка удалась, мы рѣшили время отъ времени повторять ее.

Дней черезъ пять послѣ этого у Кэстона вдругъ пропадаетъ кольцо. Это была какая-то фамильная драгоцѣнность, переходившая изъ рода въ родъ къ самому младшему изъ дѣтей. Словомъ, Кэстонъ очень дорожилъ этимъ перстнемъ. Мы опять стали упорно увѣрять его, что никакого кольца у него на рукѣ никто изъ насъ не видѣлъ. Онъ спорилъ, горячился, но мы настаивали на своемъ и выразили предположеніе, что онъ забылъ его въ Лондонѣ. Кестонъ снова сталъ напоминать случаи, когда онъ разсказывалъ намъ связанныя съ этимъ кольцомъ легенды, — мы отрицали и это. Онъ смутился, сталъ задумчивъ, но, признаться, на это мы не обратили никакого вниманія.

Проходитъ еще нѣсколько дней. Мы всей компаніей отправляемся въ ближайшій портъ, гдѣ должны были происходить состязанія яхтсменовъ. Случайно въ по-

ѣздѣ Кэстонъ встрѣчаетъ своего старшаго брата, извѣстнаго политическаго дѣятеля, и знакомитъ его съ нами. Братъ, жалуясь на свое нездоровье, при насъ упрекаетъ его за слишкомъ продолжительный отпускъ и настаиваетъ на томъ, чтобы Кэстонъ вернулся въ Лондонъ. Мы начинаемъ его упрашивать, чтобы онъ разрѣшилъ Кэстону побыть съ нами еще нѣкоторое время, и онъ разрѣшаетъ. Но когда мы возвратились обратно съ состязанія, Кэстонъ вдругъ заявляетъ, что ему неловко передъ братомъ и что онъ покидаетъ насъ. Тогда мы снова повторяемъ свой опытъ: «О какомъ братѣ вы говорите?» Кэстонъ изумленно оглядываетъ насъ и начинаетъ разсказывать про встрѣчу въ поѣздѣ. Мы пожимаемъ плечами, дѣлаемъ видъ, что слышимъ объ этомъ впервые и окончательно приводимъ Кэстона въ бѣшенство. Я лично начинаю утверждать, что даже и не зналъ о томъ, что у него есть братъ. Кэстона охватываетъ нервная дрожь и въ азартѣ онъ заявляетъ, что завтра же напишетъ брату, и это, конечно, разрѣшитъ нашъ нелѣпый споръ.

Мы увидѣли, что дѣло зашло нѣсколько далеко, перемѣнили тему разговора, разсчитывая, что завтра мы ему честно раскроемъ нашу продѣлку. Утромъ насъ, однако, ждалъ сюрпризъ: ночью Кэстонъ неожиданно уѣхалъ. Оставленная записка извѣщала насъ, что онъ получилъ телеграмму о смерти брата и долженъ немедленно вернуться въ Лондонъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Черезъ нѣсколько дней уѣхалъ и я, и очень скоро забылъ о нашей продѣлкѣ. Какъ вдругъ мѣсяца черезъ два я получаю изъ Лондона письмо, повергающее меня въ ужасъ: Кэстонъ сошелъ съ ума. А авторъ письма, съ искреннимъ отчаяніемъ порядочна-

го человѣка, пишетъ мнѣ, что помѣшательство Кэстона вызвано ни чѣмъ инымъ, какъ нашей продѣлкой. Я немедленно пишу въ Англію и прошу подробныхъ свѣдѣній. Въ отвѣтъ я получаю длиннѣйшее письмо и, дѣйствительно, убѣждаюсь, что случай съ Кэстономъ вышелъ за предѣлы человѣческаго пониманія.

V.

— Подробности болѣзни Кэстона, — продолжалъ нашъ спутникъ, — мы узнали отъ лѣчившаго его врача. Изъ отдѣльныхъ фразъ, мыслей и замѣчаній больного ему удалось выяснить ту идею, для которой оказался тѣснымъ мозгъ нашего бѣднаго друга. Единственно, что осталось для врача неяснымъ, — это причина, вызвавшая болѣзнь, потому что никто изъ моихъ друзей не нашелъ въ себѣ мужества разсказать врачу о той шуткѣ, которую мы продѣлали. А между тѣмъ вся суть была въ томъ, что Кэстонъ искренно всему повѣрилъ. Вы удивляетесь?

Да, онъ повѣрилъ тому, что мы не видѣли, какъ онъ игралъ въ теннисъ; повѣрилъ тому, что мы не замѣчали его кольца; повѣрилъ также и тому, что мы не замѣтили его встрѣчи съ братомъ. Въ то же время самъ онъ былъ глубоко убѣжденъ, что все это происходило. Отсюда — всего только одинъ шагъ къ тому, чтобы предположить о существованіи мгновеній, которыя недоступны обыкновенному евклидовскому уму. Кромѣ видимыхъ и осязательно-переживаемыхъ въ теченіе сутокъ 24-хъ часовъ, — рѣшилъ онъ, — есть еще время, не поддающееся измѣренію ни нашимъ ограниченнымъ

умомъ, ни приборами, нашимъ же умомъ придуманными.

Эта идея очень скоро окрѣпла у него до того, что всѣ являвшіяся ему сновидѣнія онъ сталъ принимать за правду: «Это не сны, говорилъ онъ себѣ, это воспоминанія о томъ, что происходило со мною въ часы, неотмѣченные на циферблатѣ». И онъ сталъ жить въ мірѣ тѣхъ безплотныхъ образовъ и видѣній, которые приноситъ съ собой ночь и разгоряченная фантазія. Для него перестали существовать ошибки памяти, предположенія, догадки. Все, что только приходило ему на умъ, становилось для него реальнымъ фактомъ, который отличался отъ обычнаго осязаемаго факта лишь тѣмъ, что происходилъ въ *иные* часы. Такъ перепутались у него всякія представленія о правдѣ и вымыслѣ Болѣе того: вымыселъ просто пересталъ для него существовать и сдѣлался непререкаемой правдой. . .

Не знаю, къ какимъ выводамъ придете вы, но я сдѣлалъ выводъ, что мозгъ человѣческій слабъ и становится подвластнымъ тѣмъ ничтожнымъ событіямъ, которыя упорны въ своемъ проявленіи и которымъ мы часто не придаемъ значенія. Въ сущности, мы ничего не знаемъ.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ СЪ МАРКИЗОЙ

Цециліи К.

I.

Давно ожидавшійся костюмированный балъ у министра иностранныхъ дѣлъ наконецъ начался. Онъ походилъ на богатую выставку, экспонатами которой были человѣческіе типы.

Никому, естественно, не хотѣлось упустить случая побывать въ обществѣ знатнѣйшихъ людей императорской Франціи, вступавшей въ пятый годъ своего существованія, и залы были переполнены. Въ числѣ присутствовавшихъ былъ даже императоръ. Правда, онъ находился здѣсь инкогнито, въ домино, но рѣшительно всѣ узнавали его по неуклюжей походкѣ и по манерѣ во время разговора крутить усы.

А все-таки не Луи-Наполеонъ былъ центромъ вниманія. Это мѣсто пришлось ему уступить графинѣ Вирджиніи ди Кастильоне. Впрочемъ, тщеславіе императора французовъ легко съ этимъ мирилось, ибо не

малая часть одобренія, вызваннаго очарованіемъ этой прекрасной женщины, перепадала и ему — за выборъ такой любовницы. И глядя на графиню, онъ восторгался самимъ собой.

II.

Люди, разбиравшіеся въ искусствѣ, опредѣляли графиню Кастильоне, какъ подлинную художницу, справедливо полагая, что художественное творчество проявляется не только въ искусствѣ писать картины, но и въ томъ, чтобы умѣло выдѣлять и подчеркивать красоту тамъ, гдѣ она не всегда бросается въ глаза. Графиня какъ разъ этимъ и отличалась, выдѣляя красоту собственную. И самое цѣнное въ этомъ ея творчествѣ было умѣнье варьировать себя на разные лады, показывать свое многообразіе. Ее видѣли шаловливой нормандской крестьянкой, видѣли строгой римлянкой въ образѣ Лукреціи или даже весталки, а въ робронѣ и высокой напудренной прическѣ она показывала себя въ граціозной надменности галантныхъ временъ.

Въ этотъ вечеръ она капризно перенесла себя во времена Короля-Солнца, слегка облегчивъ тяжелый и громоздкій костюмъ эпохи, легкими кружевными воланами и ворохами шелка. Едва прикасаясь къ изгибамъ кринолина, она точно плыла по паркету, но только ладья, ею изображаемая, была не острогрудой, ибо смѣлая обнаженность графини доходила до предѣловъ, обычно скрываемыхъ. Корсетъ она оставила дома. Тонкая вуаль, прикрывавшая ея высокія упругія груди, будучи лишь символомъ покрывала, легко исчезала подъ пристальными взглядами мужчинъ.

Это было неприлично даже для второй имперіи, но зато красиво, и такой угрюмый брюзга и ворчунъ, какъ графъ де-Виль Кастель, хранитель Лувра, не удержался отъ восторга и стремительно подошелъ къ графинѣ, чтобы высказать этотъ восторгъ въ формѣ мадригала. Но въ угрюмыхъ устахъ нелюдимаго скептика восторгъ прозвучалъ тяжеловѣсно и не безъ упрека:

— Ваши высокомѣрные мятежники, графиня, призывающіе къ протесту противъ всякаго стѣсненія, очень убѣдительны въ своей агитаціи. Очень. Но смотрите, сударыня, чтобы эта пропаганда не побудила рабовъ броситься срывать одежды.

Графиня съ некрываемымъ презрѣніемъ посмотрѣла на автора неудавшагося мадригала и отошла отъ него, не проронивъ ни слова.

Самолюбивый графъ, внучатый племянникъ Мирабо, эстетъ, писатель, одновременно ощутилъ досаду и злобу. Вечеръ былъ испорченъ.

III.

Уже много лѣтъ, какъ графъ де-Виль Кастель злится на весь міръ. Ему не хочется называть себя неудачникомъ, потому что всякое неудачничество на семь восьмыхъ проистекаетъ отъ бездарности, — онъ это знаетъ, — и поэтому считаетъ, что ему только не везетъ. Викторъ Гюго и Онорэ Бальзакъ затмеваютъ его поэзію и прозу. Поэтому онъ ненавидитъ ихъ. Тѣмъ болѣе, что пять его романовъ — явныя реминисценціи Бальзака. Ламартинъ предупредилъ его въ

политикѣ и въ исторіографіи, и онъ зло острить насчетъ автора «Созерцаній»: «Ламартинъ промѣнялъ свою лиру на тирелиру (копилку)». И, наконецъ, онъ, графъ де-Виль Кастель, знатокъ искусства, написавшій «Исторію французскаго костюма», не только ничего не выручилъ отъ своего труда, поглотившаго 17 лѣтъ неустанной работы, но еще потерялъ на немъ свыше ста тысячъ франковъ! Но нѣтъ, это еще не все. Графа еще терзаетъ и иная горечь, которую никакъ не могутъ ослабить пятьдесятъ два года его жизни: къ нему равнодушны женщины!

Какъ искушенный наблюдатель, онъ отлично знаетъ, что искусство и его служители незримыми флюидами всегда возбуждаютъ женское любопытство и женскую чувственность. Но эта древняя аксіома предательски обходитъ его, какъ и самыя женщины, даже жена, которая не захотѣла жить съ нимъ подъ одной кровлей. А вотъ шефъ его, директоръ Лувра, графъ Ньеверкеркъ, ловко пользуется ореоломъ человѣка искусства, чтобы быть не только любовникомъ дочери Жерома Бонапарта, принцессы Матильды, но еще одновременно добиться благосклонности и художницы Миньеро, и m-me Аги, и юной Поассонъ, а главное — благосклонности маркизы Помпадуръ второй имперіи, графини Вирджиніи Кастильоне.

При мысли объ этой обольстительной женщинѣ графъ де-Виль Кастель мечтательно закрываетъ глаза и вспоминаетъ, какъ однажды рано утромъ графиня взобралась съ Ньеверкеркомъ на крышу Лувра, чтобы слушать, какъ звучатъ колокола во всѣхъ парижскихъ церквахъ. Однако, эта заутреня, начавшаяся на крышѣ и закончившаяся въ кабинетѣ директора,

продолжалась слишкомъ, слишкомъ долго... Счастливчикъ, этотъ наглый Ньеверкеркъ!

При одномъ изъ такихъ воспоминаній у графа де-Виль Кастель родилась тайная мысль: а почему бы и ему, человѣку искусства, эстету, писателю, дѣтство свое проведшему въ Мальмезонѣ, гдѣ его отецъ былъ камергеромъ Жозефины Богарнэ и ея любовникомъ, — почему бы и ему не поискать удачи у этой обольстительницы, добродѣтель которой очень охотно отдаетъ дань пороку?

Ну, вотъ онъ и сдѣлалъ попытку на маскарадѣ у министра иностранныхъ дѣлъ и сразу же потерпѣлъ полное пораженіе. Презрительнымъ движеніемъ губъ графиня Кастильоне какъ бы сказала ему:

— Васъ, сударь, мои мятежники въ виду не имѣли.

IV.

Послѣ острой неудачи вполнѣ естественна потребность въ утѣшеніи или хотя бы попытка заполнить щемящую пустоту.

Графъ де-Виль Кастель, съежившись отъ обиды, отошелъ въ сторону, почти что въ уголъ и, окинувъ унылымъ взглядомъ пеструю веселящуюся толпу, ощутилъ пламенѣющее желаніе вознаградить себя какой-нибудь побѣдой, хотя бы самой маленькой, чтобы задержать наплывающее отчаяніе.

Такъ онъ простоялъ часъ, хмурый и злой. Можетъ быть даже больше, чѣмъ часъ. Во всякомъ случаѣ это время показалось ему нестерпимо длительнымъ. Онъ уже хотѣлъ было незамѣтно пробраться къ выходу и уѣхать домой, какъ вдругъ увидѣлъ маркизу да-

Пайва. Его встревоженное сердце предвкусило удачу, и онъ плотоядно улыбнулся.

«Сейчасъ мнѣ нужно, чтобы въ ушахъ прозвучалъ побѣдный маршъ», — сказалъ онъ самому себѣ и увѣренно направился къ маркизѣ.

Въ одномъ онъ безусловно не ошибся. Маркиза блуждала безъ спутника, и появленіе графа было ей пріятно. Она радостно улыбнулась ему, какъ хорошему старому знакомому, и сразу засыпала его разспросами о лицахъ, которыя проходили мимо нея и которыхъ по фамиліи она не знала.

V.

Маркиза да Пайва не знала многихъ, но зато ее знали всѣ, потому что она считалась королевой кокотокъ, безцеремоннѣйшей изъ женщинъ той эпохи длительнаго карнавала, когда всѣ торопились богатѣть и наслаждаться. Ея непомѣрная жадность къ деньгамъ равнялась цинизму ея выходокъ, и вся ея жизнь была двойной оргіей — расчетливости и безстыдства — между постелью и банковскимъ сейфомъ. Недаромъ про нее говорили, что ротъ ея созданъ не для поцѣлуевъ, а для биржевыхъ секретовъ.

Но тѣмъ не менѣе мужчины къ ней тянулись длинными вереницами и охотно раскрывали передъ ней свои кошельки.

Въ Парижъ она прибыла искать счастья изъ какого-то маленькаго русско-польскаго мѣстечка и очень быстро сообразила, что лозунгъ времени — открытый беззастѣнчивый цинизмъ и что безстыдство котируется неизмѣримо выше скромности. И она стала щеголять

безстыдствомъ. Она переходила изъ рукъ въ руки на виду у всѣхъ, какъ дверная ручка общественной уборной. Прогрессировавшіе гонорары за ея ласки порождали у однихъ зависть, у другихъ удивленіе, а у всѣхъ вмѣстѣ ея популярность. Къ тридцати пяти годамъ она была достаточно богата, у нея было не мало драгоцѣнностей, архитекторъ Манженъ уже приступалъ къ постройкѣ пышнаго особняка для нея на Елисейскихъ поляхъ, смѣта котораго превышала 1½ милліона. Единственное, чего ей не хватало, это оффиціальнаго положенія въ обществѣ, при чемъ она это чувствовала не въ отвлеченности тщеславія, а прямо физически, потому что ее не одинъ разъ просто за руку выпроваживали съ маскарадовъ и баловъ, какъ зарегистрированную потаскушку безъ роду-племени. Она стала искать соціальнаго прикрытія и, конечно, нашла его въ титулѣ одного португальскаго маркиза, кузена португальскаго посланника. Короче говоря, она его женила на себѣ. Но это дѣлали многіе и до нея. Она же поступила въ соотвѣтствіи съ цинизмомъ эпохи. На утро послѣ брачной ночи, т. е. первой ночи, за которую ей не было уплачено, за первымъ же завтракомъ она сказала своему счастливому супругу:

— Вы меня желали, маркизъ, и вы этого добились. Я васъ тоже хотѣла и тоже этого добилась. Не знаю, что вы собираетесь дѣлать дальше, но что касается меня, то я сегодня же возвращаюсь къ своей прежней профессіи. Надѣюсь, вы похвалите меня за мое постоянство.

Португалецъ огорченно уѣхалъ на родину, но зато оставилъ ей свой титулъ, который понятно открылъ

передъ ней много парадныхъ подъѣздовъ. А все-таки публично ея сторонились. Боялись, что эта развязная блудница чего добраго вдругъ перешагнетъ даже черезъ тѣ неприличія, которыми щеголяла та разнузданная эпоха.

Вотъ отчего, направляясь къ маркизѣ да Пайва, графъ де-Виль Кастель заранѣе зналъ, что его общество будетъ ей пріятно, какъ защита отъ косыхъ и презрительныхъ взглядовъ.

VI.

— А вы знаете, маркиза, — сказалъ графъ, беря у нея изъ рукъ кружевной вѣеръ. — Я вѣдь вашъ старый поклонникъ.

Она искренно удивилась.

— Вы? Никогда я этого не замѣчала. Никогда. Но если это такъ, то должна вамъ сказать, что вы держали себя поразительно скромно. Какъ юноша.

— Скромность была моимъ стратегическимъ пріемомъ.

— Не понимаю.

— Я разсчитывалъ, что вы будете тронуты и вознаградите меня за эту скромность.

— Не глупо, — сказала маркиза. — Но неужели до васъ не дошли слухи, что я чудовищно жадна къ деньгамъ и что мое общество обходится слишкомъ дорого?

— Да, я это слышалъ.

— И тѣмъ не менѣе. . .

— И тѣмъ не менѣе я вѣрилъ въ вашу щедрость. Вѣдь и злодѣевъ не бываетъ стопроцентныхъ. Даже и

они иной разъ способны на великодушіе. А тѣмъ болѣе женщина. Не правда ли?

— Вы, кажется, хотите расплатиться словами. Нѣтъ, я на это не поддамся. И, кромѣ того, у меня имѣются принципы.

— Принципы?

— Да. Я считаю, что безплатнымъ люди не дорожатъ. Люди цѣнятъ только то, что стоитъ дорого.

— Но для нищаго студента и одинъ ливръ большія деньги, маркиза.

— Вѣрно. Поэтому съ нищаго студента я бы взяла одинъ ливръ.

— А съ меня, милая маркиза?

— Съ васъ? Я думаю, ваши доходы не превышаютъ тридцати тысячъ. И слѣдовательно 10 тысячъ для васъ большая сумма. Не такъ ли?

— Безусловно.

— Въ такомъ случаѣ принесите мнѣ завтра десять тысячъ, и я ваша.

Онъ церамонно поклонился. Ему, искавшему ободряющей побѣды послѣ неудачи у Кастильоне, — покупать любовь у кокотки? Это было унизительно для эстета, писателя и человѣка искусства.

— А чтобы вы не думали, что я такая мелочная, — продолжала маркиза, — ибо десять тысячъ ливровъ для меня дѣйствительно пустяки, я на вашихъ же глазахъ сожгу эти деньги. Идетъ?

И прежде чѣмъ онъ успѣлъ ей что-нибудь сказать, она вдругъ щелкнула пальцами и задорно объявила:

— И пока деньги будутъ горѣть, я ваша. Но не дольше. Слышите?

VII.

Люди, жизнь которыхъ представляетъ собою скучную повѣсть безъ фабулы, любятъ заглядывать въ чужія окна. Это проявляется либо въ томъ, что они безостановочно читаютъ романы, либо въ томъ, что они интересуются сплетнями.

Вся жизнь графа де-Виль Кастель была безъ фабулы. Поэтому его занимали чужія похожденія, и онъ педантично заносилъ ихъ въ свои мемуары. И вдругъ случай посылалъ ему самому необыкновенное приключеніе. Неужели же равнодушно пройти мимо него? И неужели предоставить ему свободное теченіе — такъ, какъ оно само развернется? Не осложнить ли его утонченностью? Не внести ли въ него что-нибудь свое, занимательное, забавное, чтобы было о чемъ вспомнить изъ собственной жизни?

Онъ долго размышлялъ надъ завтрашнимъ визитомъ и наконецъ придумалъ. Заснулъ онъ съ хитрой улыбкой. На другой день онъ явился въ назначенное время. Маркиза да-Пайва встрѣтила его не столько радушно, сколько дѣловито. Онъ молча протянулъ ей десять бумажекъ по тысячѣ франковъ и выжидающе посмотрѣлъ на нее. Таинственно улыбаясь, но опять-таки дѣловито, она разложила деньги въ рядъ на мраморномъ столикѣ и тутъ-же поставила зажженую свѣчу.

— Я боялась, что вы принесете мелкія купюры. — насмѣшливо сказала она.

— Я бы охотно это сдѣлалъ, маркиза, — отвѣтилъ де-Виль Кастель. — Но, къ сожалѣнію, эта прекрасная идея не пришла мнѣ въ голову.

— Вы не предусмотрительный любовникъ, — продолжала маркиза.

— Объ этомъ рано судить, сударыня.

Маркиза удивленно и скептически посмотрѣла на него. Но онъ не спѣшилъ пояснить свои слова, и маркиза только впослѣдствіи поняла, что онъ оказался гораздо предусмотрительнѣе, чѣмъ она думала.

Это былъ моментъ, когда, обойдя всѣ условности, чтобы не терять драгоцѣнныхъ мгновеній — онъ получилъ на это право! — графъ де-Виль Кастель въ то же время проявлялъ непонятную сдержанность и отнюдь не торопился довести свое желаніе до конца, наслаждаясь игрой въ замедленіе.

— Вы забыли о моихъ условіяхъ! — напомнила маркиза.

Вмѣсто отвѣта онъ указалъ глазами на мраморный столикъ: тысячефранковые билеты лѣниво дымились, но не сгорали.

— Это вы сдѣлали? Какъ же вы этого достигли? — полюбопытствовала маркиза.

— Я смочилъ ихъ огнеупорной жидкостью.

Она громко расхохоталась и удовлетворенно подумала, что своей веселой изобрѣтательностью ея скучный гость окупилъ свой невыгодный для нея визитъ...

...Де-Виль Кастель уже стоялъ передъ зеркаломъ и приводилъ въ порядокъ прическу, а маркиза, не покидая своей широчайшей постели, точно въ истерикѣ, все еще смѣялась. Она заранѣе предвкушала, какъ эта исторія распространится по всему Парижу; о ней будутъ говорить во всѣхъ салонахъ и кафэ. Это было ей страшно пріятно.

— Вы меня оригинально развлекли, — сквозь

смѣхъ обронила маркиза. — Признаться, я этого не ожидала. Очень, очень остроумно. И я не жалѣю, что потребовала у васъ такую ничтожную плату.

— Я тоже не жалѣю этихъ денегъ, — галантно отвѣтилъ графъ де-Виль Кастель. — Потому что эти бумажки обошлись мнѣ всего въ пятьдесятъ франковъ.

— Что это значитъ? — нахмурившись, спросила да-Пайва, приподнимаясь съ подушекъ.

— Онѣ фальшивыя, — спокойно объяснилъ графъ.

Маркиза сорвалась съ постели и, не застегивая пеньюара, взлохмоченная, измятая, босая, подбѣжала къ столику, гдѣ все еще тлѣли тысячефранковыя бумажки. Она схватила одну изъ нихъ, поднесла къ глазамъ и съ яростнымъ лицомъ фуріи выругалась, какъ уличная торговка. Вычурная ругань ея пронеслась по комнатамъ, какъ раскаты грома въ горахъ.

VIII.

Медленно возвращаясь домой, графъ де-Виль Кастель думалъ о своихъ мемуарахъ. Не о томъ, внести ли этотъ забавный эпизодъ въ свои записи — объ этомъ не могло быть двухъ мнѣній, эпизодъ былъ необыченъ, и не использовать его было бы непростительно.

Прежде чѣмъ вернуться домой, онъ долженъ былъ рѣшить, увѣковѣчить ли свою изобрѣтательность, описать ли, какъ онъ, графъ де-Виль Кастель, проучилъ жадную кокотку — или приписать это другому.

Очень великъ былъ соблазнъ превознести для исторіи самого себя, но это не соотвѣтствовало презри-

тельной манерѣ письма, съ какой онъ описывалъ безстыдные нравы второй имперіи.

Увы, пришлось пожертвовать собой, и ради выдержанности стиля онъ вмѣсто себя подставилъ какого-то юнаго ловеласа.

ЭМИГРАНТЫ

С. Ю. В.

1.

Пребываніе въ гостяхъ у курфюрста было прекрасно. Чья-то божественно легкая импровизація остроумно подсказала принцамъ перенести на берега Рейна Версаль въ миніатюрѣ. Идея осуществилась въ двѣ недѣли. Вдобавокъ это было сдѣлано съ большимъ вкусомъ и съ полнымъ соблюденіемъ этикета.

Курфюрстъ заботливо предоставилъ своимъ племянникамъ отличный замокъ, бѣлье, посуду, серебро и многочисленный штатъ прислуги, въ томъ числѣ двадцать превосходныхъ поваровъ. Старинный паркъ былъ заново приведенъ въ порядокъ, статуи обвиты гирляндами, боскеты тщательно обстрижены. Любезная щепетильность курфюрста трогательно предусмотрѣла даже мелочи. По крайней мѣрѣ въ первый же вечеръ по пріѣздѣ графа Прованскаго невидимые флейтисты томно перекликались изъ-за кустовъ аріями Моцарта.

Графъ Прованскій согласился взять себѣ лѣвую половину замка. Правую заняла его супруга и графъ Д'Артуа. По вполнѣ понятнымъ причинамъ съ тѣхъ поръ, какъ король являлся плѣнникомъ Національнаго Собранія, жизнь обоихъ его братьевъ становилась еще болѣе драгоцѣнной. Вслѣдствіе этого замокъ строго охранялся надежными часовыми изъ полка де-Рогана въ зеленыхъ мундирахъ съ черными отворотами. Лѣстницу же довѣрили шейцарскимъ гренадерамъ въ мѣховыхъ шапкахъ, вооруженнымъ аллебардами. Это было изящно и въ то же время внушительно. Такова была главная идея руководителей церемоніала, желавшихъ продолжать славную традицію Версаля.

Впрочемъ и люди были тѣ же. И находясь въ изгнаніи, они съ еще большей педантичностью придерживались прежнихъ правилъ, т. е. старались превзойти другъ друга въ непринужденной учтивости, въ изысканности разговора и въ веселомъ легкомысліи. Но все-же черезъ внѣшнюю безпечность ожиданія новостей изъ Парижа временами тайно пробивалась тоска по настоящему Версалю, по его незабываемой красотѣ. Всѣ это тщательно скрывали другъ отъ друга, но не могли скрыть отъ самихъ себя.

2.

Среди этихъ элегантныхъ щеголей и веселыхъ волокитъ, безпрерывно сопоставлявшихъ волшебное прошлое съ тревожно-загадочнымъ настоящимъ, только одна графиня де Бальби испытывала явную удовлетворенность своимъ пребываніемъ въ Кобленцѣ. Правда, въ Версалѣ у нея былъ прелестный особнякъ ря-

домъ съ королевскимъ паркомъ и великолѣпные апартаменты въ Люксембургскомъ дворцѣ, но при дворѣ, гдѣ главенствовала королева и герцогиня Полиньякъ, графиня не имѣла вѣса, хотя и служила любовной утѣхой его высочества, брата короля. Здѣсь же, въ замкѣ Шенборнлюстъ, никѣмъ не отводимая въ сторону, никѣмъ не затемняемая, она являлась первой дамой, какъ наиболѣе приближенная принца, съ которымъ связывались надежды на возстановленіе прошлаго.

Она чувствовала себя превосходно. Ея салонъ былъ естественно самымъ вліятельнымъ и самымъ шумнымъ. Она отлично знала, что о ней распространяютъ злыя сплетни, бравшія свое начало со временъ ея скандальнаго конфликта съ мужемъ. Была даже освѣдомлена о томъ, что ее подчасъ ненавидѣли за несдержанный языкъ. Но зато она такъ же твердо знала, что графъ Прованскій ничего не предпринимаетъ безъ ея совѣта и считаетъ ее привлекательнѣйшей изъ женщинъ, а главное достойной понимать его тонкіе каламбуры, къ которымъ онъ питалъ неизбывную склонность. Эта увѣренность въ прочности своего положенія позволяла ей всецѣло посвящать свои помыслы политическимъ интригамъ, развлеченіямъ и пренебрегать чужой непріязнью.

Къ тому же графъ былъ неутомительный и не капризный любовникъ. Какъ и для вѣнценоснаго брата его, изысканности обильныхъ блюдъ были ему дороже изощренности въ любви. Онъ предпочиталъ говорить о чувствахъ, нежели возбуждать ихъ, и любилъ романы написанные гораздо больше, чѣмъ романы дѣйственные. Вѣроятно, если бы онъ не былъ принцемъ, онъ сталъ бы литераторомъ.

3.

Былъ вечеръ. Графиня де-Бальби только что вернулась изъ апартаментовъ супруги своего августѣйшаго возлюбленнаго, отбывъ дежурство, — и переодѣвалась. Въ незначительномъ отдаленіи расположились ея друзья — юный графъ де Нейльи, маркизъ д'Аварэ и графъ Жонкуръ. Тутъ же находился и графъ Прованскій. Опираясь на набалдашникъ своей трости, конецъ которой онъ имѣлъ обыкновеніе засовывать въ башмакъ, принцъ сидѣлъ у камина и разсказывалъ игривые анекдоты. Ему пріятно было не столько смѣшить слушателей, сколько блистать своимъ отмѣннымъ искусствомъ подносить любую непристойность въ пріемлемой формѣ.

Между тѣмъ, юный де-Нейльи изнемогалъ отъ двойственности своего молодого любопытства. Онъ не хотѣлъ пропустить мимо ушей ни одного слова его высочества и въ то же время напрягалъ свое зрѣніе, чтобы увидѣть наготу графини, которая, не стѣсняясь присутствіемъ гостей, не только мѣняла платье, но и рубашку.

Почти каждый вечеръ совершался этотъ занимательный церемоніалъ. Всякій разъ де-Нейльи выбиралъ другое мѣсто и все-таки ему ничего не удавалось подсмотрѣть: камеристки ловко окружали графиню непроницаемой стѣной, и любознательный юноша видѣлъ только ея волосы, приподнятые надо лбомъ и тяжелой массой падавшіе на затылокъ.

Его высочество замѣтилъ это, лукаво улыбнулся и сказалъ:

— Мой молодой другъ, читали-ли вы когда-нибудь Тацита?

Нейльи, успѣвшій прочесть только то, безъ чего нельзя было вращаться въ обществѣ, т. е. «Ножку Фаншеты» Ретифъ де ля Бретона, «Опасныя связи» Шодерло де Лакло и «Кушетку» Кребійона вспыхнулъ и глухо отвѣтилъ:

— Не читалъ, Месье.

— А латынь вы знаете?

Нейльи снова смутился и признался, что не знаетъ и латыни.

— Жаль, — подмигивая сказалъ графъ Прованскій. — А то у Тацита въ его «Анналахъ» имѣется фраза, которая бы вамъ объяснила безцѣльность вашего старанія: ... cincta denique spectata, quae etiam en femina nox operit. Т. е. приблизительно: бываютъ такія вещи, что даже ночью у женщины прикрываются.

— Поразительно сказано! — достаточно громкимъ шепотомъ произнесъ маркизъ д'Аварэ, наклоняясь къ графу Жонкуру.

— О чемъ тамъ говорятъ безъ меня? — спросила графиня, приподнимаясь надъ живой изгородью съ граненымъ флакономъ въ рукахъ. Она уже переодѣлась, и духи, наполнявшіе флаконъ изъ чернаго хрусталя съ алыми жилками, дожидались чести оросить ея грудь.

— Сударыня, — сказалъ графъ Прованскій, — человѣкъ, повторяющій свои хотя бы и удачныя изреченія, уменьшаетъ себя.

— Что ни слово, то шедевръ! — подхватилъ Жонкуръ. — Но я долженъ замѣтить, что его высочество крайне расточителенъ въ щедрости своего юмора.

Молодой де-Нейльи, пребывавшій въ смущенномъ молчаніи, съ грустью подумалъ о томъ, что ему еще долго придется слушать, пока она научится вставлять замѣчанія, подобныя только что услышаннымъ. Онъ даже вздохнулъ отъ огорченія. И чтобы хоть чѣмъ-нибудь напомнить о своемъ присутствіи, онъ замѣтилъ:

— Сегодня графъ Румянцевъ сказалъ нѣчто удачное, но только я забылъ, что именно.

Всѣ засмѣялись. Отъ громкаго смѣха зазвенѣли жирандоли. Нейльи окончательно былъ смущенъ и тревожно осмотрѣлся, проклиная свое неумѣнье поддерживать разговоръ.

— Румянцевъ? — повторилъ его высочество и одобрительно кивнулъ головой. — Русская императрица удачно остановила на немъ свой выборъ. Для себя и для насъ. Онъ мнѣ нравится. Съ эфеса до острія его шпаги. Тонкое изобиліе его ужиновъ равняется тонкому изобилію его свѣтскости. Къ тому же онъ держитъ въ своихъ рукахъ одинъ изъ ключей отъ воротъ Парижа.

Графиня, заканчивавшая свой туалетъ, приняла равнодушный видъ, но чутко насторожила свои розовыя уши. Ей хотѣлось побольше услышать о Румянцевѣ. Четыре встрѣчи съ этимъ сѣвернымъ вельможей, изящнымъ, красивымъ, расшевелили ея темпераментъ, скучавшій отъ вялости и небреженія его блюстителя. Его высочество, тучный, отяжелѣвшій и склонный къ подагрѣ, былъ мало подвиженъ и заносилъ ногу на кровать съ такимъ же трудомъ, съ какимъ онъ садился верхомъ на лошадь. Язвительно посмѣиваясь надъ своимъ коронованнымъ братомъ, который только на седьмой годъ супружества увѣнчалъ

свою любовь къ Маріи-Антуанеттѣ, — онъ самъ былъ, однако, къ любви не многимъ предпріимчивѣе брата.

Услышавъ похвалу Румянцеву отъ графа Прованскаго, графиня тутъ же подумала, что это расположеніе къ русскому послу есть лучшее прикрытіе для ея шашней съ нимъ, буде таковыя произойдутъ.

— Вы глубоко правы, ваше высочество. Къ этому русскому намъ всѣмъ надо быть повнимательнѣй, — сказала она.

Въ тотъ же вечеръ, уѣзжая съ ужина графини де-Бальби, графъ Румянцевъ незамѣтно выскочилъ въ пути изъ кареты, вернулся обратно въ замокъ и, осторожно пробравшись вдоль трельяжа, нѣсколько минутъ спустя очутился у графини.

А когда онъ уходилъ изъ ея спальни, уже слышался шорохъ граблей по аллеѣ и мѣрное журчаніе воды, окроплявшей газоны.

4.

Въ то время, какъ въ безчинственномъ Парижѣ дни бѣжали сумасшедшимъ галопомъ, въ Кобленцѣ, въ замкѣ Шенборнлюстъ, дни ползли медленно и вяло, какъ почтовые дормезы. Будущій Людовикъ XVIII попрежнему изощрялся въ игривыхъ анекдотахъ, усердно писалъ родственникамъ витіеватыя письма и ждалъ денежныхъ пособій. Уже было получено отъ Россіи два милліона съ половиной, отъ Испаніи милліонъ, отъ Пруссіи восемьсотъ тысячъ. Деньги, однако, таяли, какъ градъ въ лѣтнюю жару.

Бывшей маленькой принцессѣ Ангальтъ-Цербтской сначала было лестно оказывать великодушное покро-

вительство членамъ старѣйшей династіи и потомкамъ разныхъ Монморанси, Тулузъ, Ришелье и Полиньякъ, но мало-по-малу она начинала тяготиться этими назойливыми попрошайками, наводнившими Петербургъ. Сталъ тяготиться безпечными племянниками и курфюрстъ Трирскій, напуганный недовольствомъ населенія и угрозами революціонныхъ французовъ вторгнуться въ Рейнскую область.

Для принцевъ наступали тяжелыя времена. Тщетно старалась кокетливая графиня усилить свое очарованіе въ часы ночныхъ встрѣчъ съ посломъ россійской императрицы — русскаго графа ни въ чемъ нельзя было упрекнуть, ни какъ любовника, ни какъ ходатая за французовъ — но Екатерина остыла къ бездѣятельнымъ вождямъ роялистовъ, и эстафеты Румянцева оказывались безсильными побороть ея твердое рѣшеніе — денегъ этимъ праздношатающимся принцамъ больше не отпускать.

Но въ Шенборнлюстѣ все еще надѣялись на заступничество русскаго графа, и вотъ почему, когда маркизъ д'Аварэ, любимецъ его высочества, въ путанно-застѣнчивыхъ словахъ, одну руку прикладывая къ сердцу, а другою нервически играя черепаховымъ лорнетомъ, далъ понять принцу, что графиня де-Бальби и графъ Румянцевъ перешагнули... перешли... границы... предѣлы того, что... называютъ... дружбой, — графъ Прованскій не далъ ему продолжать и съ легкой улыбкой, которая искривила его ротъ, негромко произнесъ:

— Мой другъ! Каждая эпоха имѣетъ своихъ мучениковъ. Жертвы необходимы.

И невозмутимо отошелъ въ сторону, довольный своей спокойной находчивостью.

5.

Послѣ ряда мытарственныхъ переѣздовъ графу Прованскому, подъ именемъ графа Лильскаго, пришлось искать убѣжища въ Венеціанской республикѣ, въ одномъ изъ пригородовъ Вероны, гдѣ въ небольшомъ домикѣ онъ пытался поддерживать придворный этикетъ. Здѣсь уже не было того великолѣпія, хотя и миніатюрнаго, съ иллюминованными боскетами, со статуями, съ бьющими фантанами, — какое украшало его вынужденное изгнаніе въ Кобленцѣ. Въ Веронѣ къ его услугамъ было скромное зданіе, предназначенное болѣе для отшельника, чѣмъ для будущаго монарха. Вдобавокъ не было здѣсь и графини де-Бальби, съ ея занимательнымъ салономъ, гдѣ его высочество имѣлъ достойную аудиторію для своихъ изящныхъ изреченій, уступавшихъ только «максимамъ» Ларошфуко. Очаровательная графиня, раньше другихъ подсчитала кассу ея высокопоставленнаго друга и, учтя проистекающее отсюда скучное прозябаніе въ обществѣ полунищихъ, предпочла поселиться въ веселомъ Брюсселѣ. Ей не трудно было замѣтить, что съ Бурбонами и съ французскими дворянами стали обращаться, какъ со «странствующимъ жидомъ», т. е. ихъ отовсюду гнали. И званіе фаворитки будущаго короля въ отдаленіи отъ него звучало болѣе убѣдительно и менѣе смѣхотворно, чѣмъ если бы она пребывала рядомъ съ нимъ въ Веронѣ.

Его высочество, конечно, не сомнѣвался въ томъ, что она ему не вѣрна и что связь ея съ Румянцевымъ

продолжается, но онъ съ благоразумнымъ спокойствіемъ закрывалъ на это глаза, оставаясь при прежнемъ убѣжденіи, что жертвы неизбѣжны и для королей. Развѣ не было въ исторіи такихъ же высокихъ личностей, стоически переносившихъ невзгоды и испытанія? Онъ сравнивалъ себя съ философомъ на тронѣ, съ ученикомъ Эпиктета, съ Маркомъ Авреліемъ, жена котораго Фаустина отдавала себя матросамъ и гладіаторамъ, — въ то время, какъ онъ укрощалъ варваровъ въ Панноніи, живя въ походной палаткѣ, среди болотъ. . . О, чего только не сдѣлаешь для величія своей страны!

Но произошло такое, что и невозмутимый стоикъ не выдержалъ и разгнѣвался. Случилось это тогда, когда его любимецъ маркизъ д'Аварэ въ бѣшенствѣ безсилія, ища виновниковъ эмигрантскихъ неудачъ, змѣинымъ шопотомъ сообщилъ ему послѣднюю новость: графиня де-Бальби — единственное, чего она добилась отъ Румянцева! — разрѣшилась отъ бремени близнецами.

Его высочество полностью раскрылъ свои круглые глаза, побагровѣлъ и тростью разсѣкъ воздухъ.

— Какая гадость! — воскликнулъ онъ съ брезгливостью. — Двойня? Неслыханно! Точно у мужички изъ Нормандіи или Пуату! И отъ кого? Отъ русскаго варвара!

Онъ подумалъ немного и грузно направился къ письменному столу, чтобы написать графинѣ рескриптъ, которымъ онъ собирался упрекнуть ее за измѣну французскому дворянству, и разстаться съ ней навсегда.

Надъ стилемъ этого рескрипта онъ усердно поработалъ два дня.

ПОѢЗДКА ШЕВАЛЬЕ

I.

Господинъ де-Корберонъ по старческой надменности и упрямству долго крѣпился, а затѣмъ не выдержалъ и торжественно сообщилъ своей дочери Марселинѣ, что на-дняхъ долженъ пріѣхать изъ Парижа ея троюродный братъ шевалье де-Ландаль. Съ этого момента въ замкѣ началась предпраздничная суматоха, которой больше всего опасался престарѣлый де-Корберонъ.

Уже съ самаго ранняго утра слышалось звучанье садовыхъ ножницъ, торопливо обстригавшихъ кусты. Рабочіе снимали паутину съ лѣпного фронтона. Жена садовника тщательно убирала сухіе листья изъ бассейна. На кухнѣ приступали къ приготовленію гусиныхъ паштетовъ.

Зато первой заботой предусмотрительной Марселины было призвать къ себѣ камеристку Луизу и объявить ей, что она немедленно должна удалиться въ предназначенный для челяди флигель и не показывать-

ся, пока ее не позовутъ. Луиза задрожала отъ обиды, поклонилась и вышла.

Соображенія дѣвицы де-Корберонъ были безукоризненно логичны. Она была некрасива и достаточно немолода, и сравненіе ея съ молоденькой камеристкой, чье тонкое лицо и умные живые глаза плѣняли мгновенно, — говорило не въ пользу госпожи. Къ тому же Марселина догадывалась, что пріѣздъ шевалье де-Ландаль связанъ съ давнимъ желаніемъ всей родни выдать ее за него замужъ, и поэтому ничего страннаго не было въ томъ, что она рѣшила обезопасить себя отъ невыгоднаго сравненія.

II.

Шевалье де-Ландаль былъ встрѣченъ съ родственной теплотой. Но увидѣвъ некрасивую Марселину, предназначавшуюся ему въ жены, онъ сразу же заскучалъ и съ горечью подумалъ о томъ, что богатство старика де-Корберонъ требуетъ слишкомъ большой жертвы отъ его утонченнаго вкуса, развивавшагося въ Парижѣ. Въ дальнѣйшемъ молодой шевалье убѣдился, еще и въ томъ, что Марселина посредственна и нисколько не занимательна: въ неустанномъ стараніи показать гостю, что разносторонность ума съ избыткомъ можетъ покрыть недостатокъ красоты, дѣвица де-Корберонъ, хотя и говорила съ лихорадочнымъ увлеченіемъ, но зато отчетливо проявляла себя умничавшей провинціалкой.

Паштеты были превосходны. Жаркія возбуждали аппетитъ однимъ своимъ видомъ. Фрукты и вина со-

перничали своими красками съ цвѣтами, лежавшими на глыбѣ синѣющаго льда. Вѣтвистые канделябры изъ позолоченнаго серебра поражали своей затѣйливой архитектурой. Но Марселина неспособна была вызвать въ шевалье ни одной притягательной мысли, и этого было вполнѣ достаточно, чтобы онъ окончательно отказался назвать ее своей женой.

Онъ продолжалъ быть съ нею внимательно учтивымъ, но пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы уединяться въ паркѣ и думать о божественномъ Парижѣ, гдѣ наслажденіе, красота и умственныя безчинства живутъ въ неразрывномъ согласіи.

III.

На четвертый день, въ сумеркахъ блуждая по аллеямъ, шевалье встрѣтилъ юношу, притаившагося за боскетомъ.

— Господинъ шевалье! — услышалъ онъ возволнованный шопотъ. — Я не посмѣлъ бы тревожить вашего уединенія, если бы не почувствовалъ, что вы посланы мнѣ самой судьбой.

Насколько было возможно разглядѣть въ сумеркахъ лицо говорившаго, онъ былъ совсѣмъ молодъ, изященъ, съ тонкимъ, почти дѣвичьимъ лицомъ.

Шевалье остановился и далъ понять, что готовъ внимательно слушать. И юноша объяснился.

Его звали Бертранъ Оливье. Онъ смущенно разсказалъ, что его положеніе въ домѣ господъ де-Корберонъ стало невыносимымъ. Ни для кого здѣсь не секретъ, что онъ является незаконнымъ сыномъ владѣль-

ца замка, нѣкогда соблазнившаго дочь лѣсника. Ему дали образованіе, и нѣкоторое время онъ состоялъ при старикѣ де-Корберонъ въ качествѣ переписчика и секретаря, но затѣмъ ему приказали не показываться въ замкѣ. Этого добилась дѣвица де-Корберонъ, не желавшая дѣлить съ нимъ отцовскаго расположенія.

— Я изнываю отъ бездѣлья и незаслуженной обиды, — съ дрожью въ голосѣ говорилъ юноша. — И умоляю васъ: возьмите меня съ собой въ Парижъ. Въ пути я готовъ быть вашимъ преданнымъ слугой, а когда мы доберемся до Парижа, я попытаюсь найти тамъ себѣ работу или службу въ королевскихъ войскахъ и въ тягость вамъ не буду.

Шевалье задумался. Онъ вспомнилъ, что ему еще предстоитъ заѣхать на обратномъ пути къ графу де-Ляржe и рѣшилъ, что имѣть съ собою слугу вполнѣ соотвѣтствуетъ его положенію.

— Я согласенъ, — сказалъ шевалье. — Но я не хотѣлъ бы вызвать неудовольствія со стороны господъ де-Корберонъ, и поэтому вы должны проявить сугубую осторожность при своемъ исчезновеніи.

— Будьте спокойны г. шевалье. Я исчезну за день до вашего отъѣзда и затѣмъ подкараулю васъ за мельницей у опушки лѣса.

IV.

Графъ де-Ляржe долго не хотѣлъ лишать себя чувственныхъ прихотей, и поэтому до сорока лѣтъ безвыѣздно проживалъ въ Парижѣ. Ночи, свободныя отъ любовныхъ приключеній, онъ проводилъ за игрой

въ фараонъ. Послѣдняя страсть и заставила его внезапно покинуть веселый Парижъ, жениться на дочери богатаго откупщика и поселиться въ имѣніи Бовалонъ, гдѣ широкіе просторы и деньги тестя давали ему возможность проявлять свой столичный вкусъ. Это выражалось въ планировкѣ парка, въ устройствѣ замысловатыхъ бассейномъ, окруженныхъ пирамидами остролистника, и въ установкѣ задумчивыхъ мраморныхъ статуй.

Уже четыре года предавался онъ безтревожнымъ радостямъ идиллической сельской жизни. Красивая графиня дополняла эти радости нескучной любовью. Но появленіе шевалье оживило старыя воспоминанія о веселыхъ продѣлкахъ и объ утонченной любовной игрѣ. Графъ встрепенулся и, не столько ради гостя, сколько изъ желанія показать своей молодой женѣ изысканность парижской жизни, онъ пренебрегъ простотой сельскаго уединенія и точно распредѣлилъ часы для пріятныхъ развлеченій, обѣдовъ, ужиновъ и интимныхъ собесѣдованій. Это отлично удалось ему, и онъ ощутилъ извращенную радость, когда убѣдился, что столичный щеголь, всего только пятнадцать дней отсутствовавшій изъ Парижа, какъ мальчикъ, влюбился въ его супругу и изнывалъ отъ скрываемой къ ней страсти. И лукаво усмѣхаясь, графъ не оставлялъ ихъ наединѣ ни на одну минуту, стараясь безотлучно сидѣть между ними.

— Эта провинціалка меня заколдовала, — довѣрчиво признавался шевалье молодому Бертрану, когда укладывался въ постель. — И невозможность овладѣть ею бѣситъ меня до чрезвычайности. Неужели же мнѣ такъ и не удастся наставить графу рога?

Бертранъ, краснѣя, опускалъ свои длинныя рѣсницы и вздыхалъ.

Такъ проходили дни. На седьмой день, утромъ, помогая шевалье одѣваться, Бертранъ сказалъ ему задыхающимся голосомъ:

— Господинъ шевалье! Изъ подслушанныхъ въ людской разговоровъ я узналъ, что графиня къ вамъ неравнодушна, и мнѣ кажется, что, если вы попросите ее о ночномъ свиданіи, она не рѣшится отказать вамъ.

— Ты думаешь? — вспыхнувъ, спросилъ шевалье.

— Я увѣренъ, — отвѣтилъ Бертранъ и, точно глотая судорогу, шопотомъ добавилъ: — Только не откладывайте этого г. шевалье. Я берусь еще сегодня передать ей вашу записку.

V.

Въ отвѣтномъ письмѣ, которое Бертранъ принесъ отъ графини, торопливымъ почеркомъ было написано:

«Мы встрѣтимся въ часъ ночи въ голубой бесѣдкѣ. Но я ставлю условіемъ, что это случится не ранѣе кануна вашего отъѣзда. При этомъ умоляю васъ — будьте осторожны и не выдавайте себя ни взглядами, ни словами! Съ неменьшей осторожностью ведите себя и въ бесѣдкѣ, потому что ночью по парку бродятъ сторожа».

— Бертранъ! — вскричалъ шевалье, въ восторгѣ обхвативъ своего слугу за талію. — Это больше, чѣмъ я могъ ожидать! Браво, Бертранъ! Браво! Изъ тебя

выйдетъ толкъ. А я въ свою очередь не останусь передъ тобой въ долгу. Но почему ты такъ краснѣешь?

Съ этими словами шевалье посмотрѣлъ на себя въ зеркало, затѣмъ схватилъ трость и поспѣшилъ въ паркъ, къ голубой бесѣдкѣ, чтобы тщательно осмотрѣть мѣсто предстоящаго любовнаго поединка.

Вернувшись, онъ мечтательно сказалъ Бертрану:

— Конечно, я предпочелъ бы нѣжность графини впервые извѣдать въ широкой кровати эпохи покойнаго короля. Но приходится мириться съ обыкновенной садовой скамейкой. Ахъ, Бертранъ, Бертранъ! Чувственные образы — самые запоминающіеся образы. Ты поймешь это только впослѣдствіи. Но перестань такъ краснѣть. Меня это порядкомъ начинаетъ раздражать.

VI.

Нетерпѣливо выжидая приближающійся часъ своего вступленія въ обитель блаженныхъ, шевалье подготовлялъ про себя подобающія слова, съ которыми онъ думалъ обратиться къ графинѣ, когда она войдетъ въ бесѣдку.

Въ этомъ обращеніи онъ называлъ ее цѣломудренной Діаной, съ трудомъ склонившейся на его горячую просьбу, и просилъ простить ему дерзость неожиданнаго вызова ея въ полунощный часъ.

«Я бы хотѣлъ (такъ собирался онъ сказать ей), чтобы наша первая встрѣча произошла въ сталактитовомъ гротѣ подъ мягкій ропотъ освѣщенныхъ фонтановъ или чтобы я нашелъ васъ въ большой перламу-

тровой раковинѣ, изъ которой сверкала бы ваша розовая нагота. Но безжалостныя обстоятельства пожелали избрать мѣстомъ нашей встрѣчи деревянную бесѣдку. Минуты нашего свиданія ограничены. Васъ терзаетъ естественная при вашей неопытности тревога опасности. А между тѣмъ передъ моимъ внутреннимъ зрѣніемъ уже мелькаетъ красная тѣнь Эрота, мѣшающаго мнѣ быть разсудительно спокойнымъ. Графиня! Вы видите передъ собою человѣка, съ перваго же мгновенія вами обольщеннаго. Подарите же — не разсуждая — ему свою нѣжность, и тогда эта встрѣча навсегда останется въ моей памяти, какъ единственно прекрасная и счастливая. О, не призывайте меня къ благоразумію и осторожности. Я умышленно не взялъ съ собою шпаги, ибо даже не намѣренъ защищаться: если бы кто-нибудь помѣшалъ мнѣ: Любовь и Смерть нерѣдко цѣлуютъ другъ друга въ уста, и я готовъ это испытать, если такъ будетъ угодно Судьбѣ».

Но шевалье не довелось произнести этихъ словъ. Когда онъ вошелъ въ бесѣдку, графиня уже ждала его. Въ темнотѣ онъ угадывалъ ея нѣжное, розовое и улыбающееся лицо. Въ неистовствѣ желанія онъ быстро приблизился къ ней, притронулся къ ея плащу и тотчасъ же ощутилъ, какъ ея тонкія холодныя руки судорожно замкнулись на его затылкѣ.

VII.

Черезъ часъ колоколъ на башнѣ прозвучалъ два раза. Графиня вскочила.

— Тише! — произнесла она шопотомъ и замерла,

точно къ чему-то прислушиваясь. Затѣмъ она бросилась къ выходу.

— Сударыня, — съ мягкимъ упрекомъ сказалъ шевалье. — Напрасная тревога. Мой слуга Бертранъ ловокъ и уменъ. Еще задолго до нашего свиданія онъ спустился въ паркъ, чтобы отвлечь ночного сторожа подальше отъ бесѣдки.

И такъ какъ графиня ничего не отвѣтила, шевалье сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, ощупывая вокругъ себя нѣмое пространство. Никого не было. Кругомъ стояла оцѣпенѣлая тишина. Надъ бесѣдкой ярко сверкали звѣзды Кассіопеи. Шевалье подождалъ еще нѣсколько минутъ, осторожно обошелъ бесѣдку и понялъ, что графиня, чего-то смертельно испугавшись, убѣжала домой. Тогда шевалье, плотно завернулся въ плащъ и, вдыхая холодный воздухъ, направился къ себѣ, волнуемый сладостными воспоминаніями о только что происшедшемъ.

— Бертранъ! — сказалъ онъ ликующимъ тономъ, сбрасывая съ себя плащъ. — Графиня очаровательна. Она любитъ наслажденіе и умѣетъ доставлять его. А главное, она отказалась, — чтобы не терять времени, — отъ всякаго жеманства, отлично понимая что въ такихъ условіяхъ оно неумѣстно. И какое у нея прекрасное тѣло! Но представь себѣ! Она явилась въ одной сорочкѣ, прикрытая однимъ только плащемъ. Ты понимаешь? Нѣтъ, ты еще ничего не понимаешь. Ты слишкомъ молодъ для этого. Но честное слово, если бы я не зналъ, что она четыре года замужемъ, я бы подумалъ... Боже мой, она, очевидно, поранила себя о скамейку. Бѣдняжка!

Бертранъ умоляюще сказалъ:

— Разрѣшите мнѣ, г. шевалье, пойти спать. Я сильно продрогъ, гуляя съ ночнымъ сторожемъ. Къ тому же мы завтра уѣзжаемъ достаточно рано.

VIII.

Колыхаясь въ каретѣ, шевалье мечтательнымъ голосомъ продолжалъ говорить все о томъ же — о вчерашнемъ своемъ приключеніи съ графиней де-Ляржe. Онъ былъ восхищенъ быстротой одержанной имъ побѣды и испытывалъ потребность посвятить молодого Бертрана въ тонкости своихъ переживаній. Вдобавокъ онъ смотрѣлъ на юношу, какъ на Телемака, а на себя, какъ на Ментора, умудреннаго опытомъ сложной жизни.

— Какъ жаль, — говорилъ шевалье, что это случилось въ потемкахъ, а не въ освѣщенной спальнѣ съ зеркалами, которыя умножаютъ позы и этимъ усиливаютъ наслажденіе. Впрочемъ, ты этого не можешь понять, мой милый Бертранъ, разъ ты еще не извѣдалъ любовной страсти. Но какая притворщица, эта графиня. Прощаясь съ нею, я улучилъ моментъ, когда графъ отошелъ въ сторону, и напомнилъ ей о голубой бесѣдкѣ и спросилъ зажила ли у нея царапина. Представь себѣ! Она сдѣлала такое удивленное лицо, точно впервые слышитъ объ этомъ и нисколько не смутилась. Кстати, въ награду за твою ловкость я въ Парижѣ представлю тебя маркизѣ де-Бельфейль. Она правда стара, но любитъ мальчиковъ и щедро вознаграждаетъ ихъ. Не смущайся. Бертранъ! Молодые люди твоего положенія только такъ и могутъ сдѣлать се-

бѣ карьеру. Маркиза оцѣнитъ твое нетронутое цѣломудріе, а минуты отвращенія къ ея дряблому тѣлу ты возмѣстишь занятной интрижкой съ какой-нибудь изъ ея смазливыхъ камеристокъ. Ахъ, Бертранъ, Бертранъ! Чувственныя наслажденія это самое главное въ жизни, и поэтому ярче всего они запоминаются. Вотъ сейчасъ я вспоминаю, какъ три года назадъ въ усадьбѣ господина де-Мержера я на сѣновалѣ изнасиловалъ босоногую пятнадцатилѣтнюю крестьянку. Я помню, какъ она отчаянно сопротивлялась, барахтаясь на пахучемъ сѣнѣ и умоляя меня о пощадѣ. Жестокой ладонью и закрывалъ ея смертельно испуганный ротъ и испытывалъ радость сознанія, что я былъ первый и что въ десяти шагахъ отъ нашей любовной схватки ея отецъ спокойно молотилъ пшеницу. Стебельки сѣна кололи мои щеки. Отъ дѣвушки пахло крестьянскимъ потомъ. Колѣни ея были грязны. Я вспоминаю объ этомъ съ восхищеніемъ. Но чего ты дрожишь, глупый Бертранъ! Слушай и запоминай. Впослѣдствіи ты вспомнишь о моихъ словахъ. Но можетъ быть я зажегъ въ тебѣ любовное томленіе? Потерпи немного. На ближайшемъ ночлегѣ я найду для тебя любовницу.

Карета остановилась. Открылась дверца, и въ шляпѣ съ желтыми перьями показался кучеръ. Подобострастнымъ тономъ онъ просилъ у своего господина милостиваго разрѣшенія на два часа задержаться на постояломъ дворѣ, чтобы покормить и напоить уставшихъ лошадей.

Шевалье далъ свое согласіе и приказалъ Бертрану сбѣгать наверхъ и посмотрѣть, найдется ли тамъ сносная комната съ приличной кроватью.

IX.

Сносная комната нашлась. Принявъ важную осанку, шевалье поднялся по кривой лѣстницѣ и остановился на порогѣ. Комната была небольшая. На окнахъ висѣли ситцевыя занавѣски. Спинка широкой кровати упиралась въ приземистый шкафъ.

Но шевалье интересовался не обстановкой. Съ улыбкой онъ смотрѣлъ на оробѣвшую служанку, которая торопливо смахивала пыль. Молодая женщина была низенькаго роста, широкозадая, босая, но все же миловидная. Шевалье пристально смотрѣлъ на ея голыя ноги и усмѣхался, точно что-то припоминая. Потомъ онъ быстро сбросилъ съ себя плащъ и съ яростью охотника ринулся на служанку. Женщина завизжала.

Бертранъ былъ тутъ же. Въ сильнѣйшемъ смущеніи онъ спрятался за шкафъ, судорожно сжимая пальцы и настежь раскрывъ глаза. Женщина продолжала визжать.

Вдругъ шевалье крикнулъ:

— Бертранъ, отстегни шпагу! Она мнѣ мѣшаетъ!

Бертранъ вздрогнулъ, зашатался, неслышными шагами подошелъ къ своему господину и, отстегнувъ шпагу, вмѣстѣ съ нею отскочилъ обратно за шкафъ. Его трясло, точно онъ голымъ стоялъ на морозѣ. Блуждающимъ взоромъ смотрѣлъ онъ на остріе шпаги, которая колебалась въ его рукахъ. Вдругъ неизъяснимое желаніе заставило его выглянуть изъ-за шкафа. Женщина всхлипывала, отвернувъ въ сторону свое искаженное страхомъ лицо. Шевалье, громко дыша, удовлетворялъ свою чувственность. Тогда Бертранъ

въ яростномъ ожесточеніи взмахнулъ шпагой и остріемъ ея разсѣкъ розовый затылокъ шевалье. Брызнула кровь, и прозвучалъ хрипъ, похожій на гусиное шипѣніе. Женщина ахнула и начала барахтаться, пытаясь скинуть съ себя отяжелѣвшее тѣло шевалье. Бертранъ бросился бѣжать.

Онъ бѣжалъ, не оглядываясь, словно одержимый, сначала вдоль улицы, потомъ черезъ огороды, поля, мимо болотца, окруженнаго ивами, и наконецъ добѣжалъ до берега рѣки. На мгновеніе Бертранъ остановился, посмотрѣлъ назадъ и бросился головой внизъ.

X.

Три дня спустя пастухъ Жано, приведя свое стадо къ водопою, увидѣлъ въ зарысляхъ рѣки трупъ Бертрана. Онъ вытащилъ его на берегъ. Зеленый камзолъ съ серебряными галунами навелъ его на мысль, что это знатный господинъ и что стало быть имѣетъ смыслъ осмотрѣть его карманы. Въ брюкахъ онъ дѣйствительно нашелъ кошелекъ, но тамъ оказалась только жалкая мѣдь. Тогда Жано рѣшилъ забраться въ боковой карманъ Бертрана, но для этого надо было растегнуть жилетъ. Жано сдѣлалъ и это, но вдругъ въ испугѣ отшатнулся, потому что черезъ разстегнутый жилетъ онъ увидѣлъ женскія груди.

*

Впослѣдствіи было точно установлено, что это Луиза, сбѣжавшая камеристка дѣвицы де-Корберонъ, находившаяся очевидно въ связи съ покойнымъ шевалье.

Единственно непонятнымъ осталось лишь то, за что она убила его и какимъ образомъ шпага шевалье оказалась у нея въ рукахъ и почему ударъ пришелся сзади.

Показанія кучера ничего не разъяснили.

Служанка же разсказывала, что, когда она, убравъ комнату, спускалась по лѣстницѣ, то внезапно услышала крикъ шевалье, а затѣмъ увидѣла, какъ мимо нея промчался блѣдный Бертранъ. Больше она ничего не видѣла.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Суета. Разсказы. Книгоиздательство «В. М. Попова». С.-Петербургъ, 1916.

Гравюры. Разсказы. Книгоиздательство «Аск». С.-Петербургъ, 1921.

Мышеловка. Трагикомедія. Книгоиздательство «Обелискъ». Берлинъ, 1924.

Похитители огня. Романъ. Книгоиздательство «Арзамасъ». Берлинъ, 1926.

Наслѣдники. Романъ. Книгоиздательство «Полиглотъ». Берлинъ, 1928.

Холодный уголь. Романъ. Книгоиздательство «Петрополисъ». Берлинъ, 1930.

Прибѣжище. Повѣсть. Издательство «Жизнь и Культура». Рига, 1931.

Плѣнникъ. Романъ. Издательство «Парабола». Берлинъ, 1931.